

Перед вами есть ли
не самая удивная серия
любимо-приключенческих
романов со временем.
Пять мушкетеров.
Александр Дюма.

Анн Голон
АНЖЕЛИКА
И ДЬЯВОЛИЦА

Самая популярная романтическая сага всех времен.

Анжелика

Анн Голон

Анжелика и дьяволица

«Азбука-Аттикус»

1972

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Голон А.

Анжелика и дьяволица / А. Голон — «Азбука-Аттикус»,
1972 — (Анжелика)

«Анжелика и дьяволица» – девятая из серии книг Анн Голон, открывшейся знаменитым историко-авантюрным романом «Анжелика – маркиза ангелов». Это захватывающий рассказ о жизни Анжелики на севере американского континента, в Голдсборо, куда прибывают все новые люди и среди них посланница французского короля герцогиня Амбруазина де Модрибур. В поселке разворачиваются странные события. Кто-то явно угрожает благополучию Анжелики и ее мужа, кто-то распускает слухи о светловолосой женщине-дьяволице – демоне Акадии. И все же ни перенесенные страдания, ни потеря друзей, ни новые угрозы не ожесточили Анжелику. Она по-прежнему открыта и доброжелательна к людям. Главное для нее – это любовь. Но враги упорно пытаются расстроить сердечный союз Анжелики и Жоффрея де Пейрака. Удастся ли Анжелике выстоять против неведомого коварного противника?..

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Голон А., 1972
© Азбука-Аттикус, 1972

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	20
Глава V	30
Глава VI	33
Глава VII	36
Глава VIII	39
Глава IX	42
Глава X	48
Глава XI	51
Глава XII	57
Глава XIII	61
Глава XIV	64
Глава XV	78
Глава XVI	83
Глава XVII	84
Глава XVIII	87
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Анн Голон

Анжелика и дьяволица

Anne Golon

ANGELIQUE ET LA DEMONE

Copyright © Anne Golon – 1972

The Russian translation is done after the original text revised by the author.

Перевод с французского Марии Брусовани (части I–II), Ольги Егоровой (части III–V)

© М. Брусовани (части I–II), перевод, 2016

© О. Егорова (части III–V), перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая Голдсборо, или Начало

Глава I

Корабельный котенок, неведь как и откуда появившийся здесь, стоял перед Анжеликой.

Брошенный котенок был худ и грязен, но его трогательные золотые глазки властно и в то же время доверчиво зывали о помощи.

Анжелика его не видела. Сидя у изголовья постели герцогини де Модрибур в верхних покоях форта, она предавалась печальным размышлениям.

Котенок не отрываясь смотрел на нее. Как он мог здесь оказаться? Больной, покрытый коростой, совсем крохотный, как знать, возможно выброшенный на песчаный берег рукой нетерпеливого юнги. Наверное, бедный бездомный зверек долго скитался в этом огромном мире, равнодушном к его жалкому существованию. Все представляло для него угрозу: море, песок, человеческое жилье, близость людей. Слишком тщедушный, чтобы найти пропитание и поспорить за него с другими котами и псами Голдсборо, он сумел исподволь проникнуть в форт, потом в эту тихую комнату, быть может, всего лишь в поисках места, чтобы спокойно умереть в темном уголке.

Теперь он смотрел на сидящую женщину и, казалось, размышлял, может ли в свой смертный час получить от нее помощь. Собрав последние силы, он мякнул. Из тщедушного тельца вырвался хриплый, едва слышный звук. И все же жалобное мяуканье вывело Анжелику из задумчивости. Она подняла голову, взглянула на котенка, и ей показалось, что это полуживое существо – плод ее утомленного воображения, наподобие тех видений дьявольских животных, что посещали ее последние дни.

Он снова попытался мяукнуть, и в его золотых глазах мелькнуло что-то похожее на отчаяние. Анжелика наклонилась к нему.

– И откуда ты взялся, бедняжка? – воскликнула она, подхватив в ладони легкого как перышко зверька.

Котенок тут же вцепился мягкими коготками в бархат ее платья и принялся мурлыкать неожиданно громко для столь хилого тельца.

«Ах, раз уж ты заметила меня, – словно бы говорил он, – умоляю, не выбрасывай».

«Должно быть, он с какого-то судна, – подумала она, – господина Ваннерейка или англичан... Он умирает от голода и усталости».

Анжелика поднялась и подошла к столу. На дне чашки оставалось немного гоголь-моголя, который принесли, чтобы герцогиня могла подкрепиться. Котенок принялся лкать, однако без жадности – на это у него не хватало сил.

«Он дрожит. Ему холодно», – поняла Анжелика.

Она уселась в изножье постели, положила котенка на колени, чтобы согреть, и задумалась о своей дочери Онорине. Девчушка так любит животных – как увлеченно она выхаживала бы его.

От этих размышлений на сердце у Анжелики стало еще тяжелее. Перед ее мысленным взором возник деревянный форт Вапассу, где она оставила малышку на попечение верных слуг. Он казался ей потерянным раем. Там со своим любимым супругом Жоффреем де Пейраком она познала дни высшего блаженства.

А сегодня ей кажется, что все разбито вдребезги.

Анжелике чудилось, что и сама она превратилась в какие-то обломки, которые ей никогда уже не собрать воедино.

Что изменилось в их отношениях за эти последние страшные недели, чтобы в конце концов сделать их врагами и разлучить из-за чудовищного недоразумения? Анжелику пронзила мучительная догадка: Жоффрей ее разлюбил.

«Но все же мы вместе пережили зиму, – в отчаянии уговаривала она себя. – Зиму в Вапассу. С ее бесчисленными опасностями, которые нам пришлось преодолевать вдвоем, и мы не сдались. Был голод, но весна восторжествовала. Не знаю, вынесли ли мы эти невзгоды как супруги или как любовники, связанные общей борьбой. Но все было удивительно хорошо и душевно... Я ощущала, что мы с Жоффреем невероятно близки... хотя он всегда был несколько непредсказуем, опасен. Есть в нем что-то, чего я не понимаю...»

В тревоге она вскочила с места. Кое за что она ужасно сердилась на мужа: например, когда он бросился в погоню за Пон-Брианом, а она долго терзалась в смертельной тревоге; а еще тогда на «Голдсборо» он скрыл от нее, что ее сыновья, их сыновья, живы! И совсем недавно: эта несправедливая слезка на острове Старого Корабля! Выходит, он совсем не знает ее, сомневается в ее любви! Принимает ее за бессердечную женщину, занятую лишь удовлетворением собственных амбиций!

«Однако от него исходит такое обаяние, – продолжала размышлять Анжелика, – что я не могла бы жить и дышать, не ощущая жара его любви. Он ни на кого не похож, быть может, именно его своеобразие так сильно притягивает меня. Я тоже грешна перед ним и несправедливо судила о нем».

Анжелика расхаживала по комнате взад-вперед, машинально прижимая котенка к себе, а тот, зажмурившись, покорно и доверчиво уткнулся ей в плечо. И казалось, будто жизнь возвращается к нему от тепла ее рук.

– Какой же ты счастливец, – тихонько проговорила она, – ты всего лишь беззащитная милая зверушка, которая просто хочет жить. Не бойся, я выхожу тебя.

Котенок замурлыкал громче, кончиком пальца Анжелика погладила его бедную пушистую головку. Сейчас присутствие этого нежного живого существа было ей утешением.

Возможно ли, что они с Жоффреем стали такими чужими?

«Я тоже утратила доверие к нему. Мне следовало сразу, как только я вернулась, рассказать ему о Колене. Чего я боялась? Было бы проще объяснить, как все произошло, что Колен овладел мною, когда я спала. Но, верно, совесть моя была не совсем чиста... и во мне постоянно живет этот страх потерять его... второй раз потерять его! Я отказываюсь верить в чудо...»

Анжелике удалось понять, что за непреодолимая тревога гложет ее, парализует волю, и осознать, что источник ее кроется не в напряжении последних дней, а гораздо глубже. Это что-то из прошлого, затаенный страх, укоренившийся в ее душе, готовый вырваться отчаянным воплем: «Итак, все кончено! Все кончено! Любовь моя! Любовь моя! Я больше никогда не увижу тебя. Они забрали его, они его увели... и я больше никогда не увижу его».

В этот момент что-то в ней взбунтовалось и отказалось от борьбы.

«В этом-то все дело, – призналась себе Анжелика. – Потому все и не ладится. Когда пришла беда, я была слишком молода. Балованное дитя, получавшее от жизни все... а потом это внезапно оборвалось».

Где то сияющее солнце, взошедшее над Тулузой в пору ее восемнадцатилетия, солнце обретенной любви, разделенной в блеске свадебных торжеств, та заря жизни, что освещала все ее существо, преподнося каждый день, каждый час как обещание? «Его хромота, его голос, взгляд, неотрывно следовавший за мной... Я уже было поверила, что жизнь прекрасна. А потом, внезапно, лютый холод, одиночество. В глубине души я так и не смирилась с этим. Мне по-прежнему страшно... и по-прежнему горько. Они заберут его, они победят

его, и он отдалился от меня, ничуть не задетый моим горем. Мы вновь обрели друг друга, но вера моя – вера в него, в жизнь, в радость – лишена былой полноты».

Быть может, между ними оставалось нечто от этой разделившей их пропасти, след слишком глубоких ран. В Вапассу почти сверхчеловеческая потребность выжить и помочь близким позволила им вновь связать себя узами жизни, окрепшими, как никогда, в их согласованных действиях. Однако это страстное единодушие заглушило различия, возникшие в ходе долгой разлуки, и постоянный страх, порожденный полной неизвестностью на протяжении пятнадцати лет, страх, который сделал их уязвимыми.

Она вспомнила о страшном гнев Жюффрея и о его поступке нынче утром, когда он преподнес ей этот великолепный подарок, испанские пистолеты, теперь лежащие на столе в открытом футляре. Как страстно он сжал тогда ее в своих объятиях!

Но тут сообщили о том, что пожаловала герцогиня де Модрибур, попечительница Королевских дочерей¹.

Пришлось отправиться ей навстречу и позаботиться о несчастной, которой стало дурно на берегу.

Всю вторую половину дня Анжелика пыталась привести герцогиню в чувство. Теперь бедняжка чувствовала себя лучше и вот уже час спокойно лежала в своей широкой постели. Анжелика отослала фрейлин, потому что отчаяние, которое они выражали при виде своей госпожи, могло потревожить целительный покой. Но теперь она сожалела о том, что не может отлучиться. Жюффрей не заглянул проведать ее, не передал никакой весточки, и Анжелике захотелось увидеть его.

Еще она сожалела, что в порыве сострадания приказала перенести попечительницу в их покои в форте.

«Следовало бы попросить госпожу Маниго приютить ее. Или госпожу Каррер? Кажется, над трактиром устроено несколько комнат для приезжих господ офицеров. Хотя там не слишком удобно и довольно шумно. А эта бедняжка нуждалась в тщательном уходе. Я опасалась, что она никогда не выйдет из своего странного изнеможения».

Она вернулась к постели. Но почему-то ее взор избегал останавливаться на лице спящей среди кружевных подушек женщины.

Несмелая хрупкая красота этого юного лица вызывала какое-то болезненное ощущение.

«Почему я представляла себе герцогиню де Модрибур толстой старухой, вроде ее дуэньи Петрониллы Дамур? – размышляла Анжелика. – Это похоже на дурную шутку».

Видимо, госпожа Каррер, которая помогала Анжелике раздевать герцогиню де Модрибур, тоже пребывала в замешательстве от божественного тела попечительницы. Анжелика слышала, как та что-то невнятно бормочет, покачивая головой в ла-рошельском чепце.

Однако и она, и госпожа де Пейрак, будучи дамами Нового Света, привычными к самым неожиданным ситуациям, хранили молчание. За последние несколько дней они всякого повидали! Невозможно все время поражаться и воздевать руки к небу. Глядя на одежду жертвы кораблекрушения, ее юбку из желтого атласа, зеленовато-синее верхнее платье, красный шейный платок и лазоревый лиф, госпожа Каррер только позволила себе прошептать:

– Вы только гляньте на ее оперение! Не женщина, а настоящий попугай.

¹ *Королевские дочери* – большая группа девушек, прибывших из Европы (преимущественно из Франции) в Квебек (Новая Франция) по поручению и при финансовой поддержке короля Людовика XIV. Их браки с местными обитателями должны были способствовать увеличению франкоязычного населения Канады. (*Примеч. перев.*)

– Быть может, это новая парижская мода? – предположила Анжелика. – Госпожа де Монтеспан, царившая там, когда я оставила двор, обожала яркие цвета.

– Возможно, но для деловой дамы, каковой, как говорят, она является...

Юбки и верхнее платье были порваны и испачканы. Госпожа Каррер унесла их, чтобы выстирать и починить.

Ярко-алое пятно брошенных на пол возле кровати красных чулок с золотыми стрелками привлекло внимание котенка. Спрыгнув с колен Анжелики, он присмотрелся к подозрительной вещи и по-хозяйски свернулся на ней клубком.

– Ну уж нет, миленький, тебе тут лежать нельзя, – запротестовала Анжелика.

Она снова опустилась на колени рядом с котенком, и ей с трудом удалось внушить ему, что нежное шелковое ложе не предназначено для больного зверька с сероватой шерсткой. Наконец, когда она, взяв котенка на руки, пристроила его на уголке стеганого одеяла, он смирился с заменой, глядя на нее своими раскосыми полужакрытыми глазками и словно говоря: «Раз уж ты заботаешься обо мне, осознаешь мое значение и переживаешь за меня, я не стану претендовать на эти красные чулки».

Анжелика подняла изящную вещицу с пола и мечтательно погладила шелковистую ткань...

– Я купила их в Париже, – слышалось в опочивальне, – у галантерейщика Бернена. Вы знаете галантерейную лавку Бернена, в галерее дворца?

Глава II

Герцогиня де Модрибур очнулась и, опершись на локоть, уже некоторое время наблюдала за Анжеликой.

Обернувшись на звук ее голоса, Анжелика, как тогда, на берегу, испытала потрясение от поразительного взгляда попечительницы.

«Каким очарованием обладает этот взгляд», – думала она, подходя к кровати.

Темные зрачки как будто поглощали цвет лилейного и почти девичьего лица и придавали ему оттенок какой-то трагической зрелости, какая бывает у слишком серьезных детей, рано повзрослевших от страданий.

Но это впечатление очень быстро прошло.

Когда Анжелика склонилась над герцогиней, выражение лица у той уже изменилось. Глаза излучали мягкий, спокойный свет – казалось, она с приятной разглядывает графиню де Пейрак, – а на ее губах заиграла приветливая светская улыбка.

– Как вы себя чувствуете, сударыня? – спросила Анжелика, присаживаясь у изголовья постели.

Взяв покоящуюся на простыне руку, она нашла ее прохладной, без признаков горячки. Однако жилка на тонком запястье трепетала чересчур быстро.

– Вы любовались моими чулками, – заметила госпожа де Модрибур. – Они великолепны, не правда ли?

Ее певучий голос казался немного неестественным.

– Шелк в них переплетается с шерстью афганской козы и золотыми нитями, – пояснила она. – Вот почему они такие нежные и блестящие.

– Это и вправду прелестная и очень элегантная вещица, – согласилась Анжелика. – Когда-то я была знакома с господином Берненом, он достойно поддерживает свою репутацию.

– У меня еще есть надушенные амброй гренобльские перчатки, – поспешно добавила герцогиня. – Да где же они? Мне бы хотелось показать их вам...

Говоря это, она обводила глазами комнату, похоже не совсем отчетливо понимая, где находится и кто эта женщина, сидящая рядом с парой ее красных чулок в руках.

– Быть может, перчатки пропали вместе с остальным багажом? – осторожно спросила Анжелика, желая помочь собеседнице осознать случившееся.

Больная бросила на нее быстрый взгляд, в котором мелькнуло и сразу погасло под опущенными веками выражение тревоги. Закрыв глаза, она откинулась на подушки. Герцогиня сильно побледнела и дышала с трудом. Поднеся руку ко лбу, она прошептала:

– О да, верно. Это ужасное кораблекрушение! Теперь я вспомнила. Простите меня, сударыня, как я глупа...

Помолчав какое-то время, она продолжала:

– Почему тот капитан сказал нам, что мы прибываем в Квебек? Мы ведь не в Квебеке, не так ли?

– Отнюдь... При попутном ветре, чтобы добраться туда, вам потребовалось бы три недели.

– В таком случае где же мы?

– В Голдсборо, штат Мэн, в поселении на северном побережье Французского залива.

Анжелика уже собралась было сообщить более точные данные, чтобы указать, где находится Голдсборо по отношению к Квебеку, но ее собеседница испуганно воскликнула:

– Что вы такое говорите?! Мэн, Французский залив. Значит, надо полагать, где-то за Терра Нова мы сбились с пути и обогнули весь полуостров Акадия с юга, вместо того чтобы достигнуть северного побережья залива Святого Лаврентия?..

По крайней мере, географию она знала. Или хотя бы позаботилась взглянуть на карту, прежде чем пуститься в американскую авантюру. Герцогиня была потрясена.

– Так далеко! – прошептала она. – И что же теперь с нами будет? А бедные девушки, которых я везла, чтобы выдать замуж в Новой Франции?

– Они живы, сударыня, это уже много. Ни одна не утонула, некоторые были серьезно ранены, но все оправятся от своего потрясения, я вам ручаюсь.

– Хвала Господу! – пылко прошептала госпожа де Модрибур.

Она молитвенно сложила руки и, прикрыв глаза, видимо, погрузилась в молитву.

Последний луч клонившегося к горизонту солнца осветил ее лицо и озарил его поразительной красотой. И снова Анжелика почувствовала себя игрушкой в руках судьбы, испытывающей ее своими грубыми шутками. Где старая грузная попечительница Королевских дочерей, которую она себе представляла? Вместо нее эта погруженная в молитву молодая женщина, которая кажется небесным созданием.

– Как мне благодарить вас, сударыня?! – воскликнула герцогиня, приходя в себя. – Я понимаю, что вы владелица здешних мест и что мы, без сомнения, обязаны жизнью вам и вашему супругу.

– На этих дальних берегах помощь ближнему почитается священной обязанностью.

– Значит, я в Америке! Ах, какое ошеломляющее открытие! Да поможет мне Бог!

Овладев собой, она продолжала:

– Впрочем, именно сюда направила меня явившаяся мне во сне Дева Мария. Поэтому я должна покориться ее святой воле! Как вы думаете, то, что ни одна из девушек не погибла, – это знак небесного покровительства?

– Да, разумеется.

Розовое закатное солнце заливало комнату багровым светом. Его сполохи коснулись прекрасных, пышных и густых темных волос герцогини. От них исходил тонкий аромат, определить который Анжелике не удавалось. С того самого мгновения, когда она впервые склонилась над герцогиней, этот запах вызывал у Анжелики необъяснимое чувство тревоги. У нее возникла уверенность, что есть во всем происходящем некий знак, и ей следовало бы понять, какой именно.

– Вас интригует запах моих волос, – с чисто женской проницательностью угадав ее мысли, сказала герцогиня. – Согласитесь, он ни на что не похож. Этот аромат составляют специально для меня. Я дам вам несколько капель, чтобы вы могли понять, подходит ли он вам.

Затем, вспомнив о приключившихся с ней невзгодах и о том, что флакон ее драгоценных духов теперь перекачивают морские волны, она умолкла и глубоко вздохнула.

– Если желаете, я пошлю за вашей компаньонкой Петронилой Дамур, – предложила Анжелика, мечтавшая поскорее отыскать мужа.

– Нет-нет, – торопливо возразила госпожа де Модрибур. – Умоляю вас, только не она! Это было бы выше моих сил. Бедняжка... она очень предана мне, но так утомительна!.. А я чувствую себя такой измученной. Думаю, мне следует поспать... немного.

Она замерла под простынями, вытянув руки вдоль туловища и откинув голову, и, похоже, тотчас уснула.

Анжелика поднялась, чтобы закрыть деревянные ставни и защитить больную от слишком яркого света. На мгновение она замерла перед окном, глядя на алеющий в наступаю-

щих сумерках песчаный берег, прислушалась к звукам уходящего дня, доносящимся одновременно из леса и из деревни. Наступил час, когда жара начала спадать, и над крышами домов, где готовился ужин, тянулся дымок очагов, а в песчаных бухтах и вдоль берегов загорались костры моряков и индейцев.

Похоже, сегодня в Голдсборо пекли хлеб. Это делали раз в месяц в вырытых прямо в земле печах, которые нагревали раскаленными докрасна углями и камнями. Теплый восхитительный хлебный дух разносился по округе, словно легкий привычный запах ладана. Анжелика увидела, что дети возвращаются домой с носилками, груженными большими золотистыми ковригами.

Несмотря на недавние столкновения, потрясшие маленькую колонию, жизнь продолжалась.

«Так захотел Жоффрей, – подумала Анжелика. – До чего же сильно его желание выжить, поддержать жизнь! Соприкоснувшись с ним, каждый становится точно одержимым. Он ужасает... ужасает своей энергией...»

Глава III

Анжелика порывисто закрыла лицо руками, и волна рыданий сотрясла ее, как накативший откуда-то издалека глубинный вал. Вот опять, при одном лишь упоминании о муже, графе де Пейраке, который так властно и дерзновенно повелевал судьбами их всех, мысль о катастрофе, обрушившейся в последние дни на ее сплоченную и любящую семью, заставила сжаться ее сердце.

Безмятежность вечера заставила Анжелику острее почувствовать случившееся. Ей казалось, что она как бы издалека взирает на развалины, оставшиеся после стихийного бедствия, спастись от которого удалось лишь чудом в самый последний момент... Все было кончено!

Разумеется, с виду все было в порядке, но что-то непоправимо изменилось.

Ее мучило горькое разочарование.

Почему он не послал за ней?

Почему не пришел справиться, как она?

В течение всего дня, который она провела в покоях форта, у постели герцогини де Модрибур, Анжелика непрестанно надеялась, что Жоффрей придет, подаст знак...

Ничего! Значит, он по-прежнему сердится на нее. Конечно, нынче утром в какой-то миг ей удалось подойти к нему, заговорить, прокричать о своей любви!.. А он вдруг так неистово стиснул ее в объятиях, что при воспоминании об этом Анжелика все еще чувствовала волнение. Она ощущала его руки, сжавшие ее железным кольцом, стиснувшие с такой яркой горячностью, что все ее существо исполнилось невыразимо сильным плотским желанием. Желанием принадлежать ему, и только ему... до самой смерти. И умереть вот так, сладко, в его объятиях, не испытывая ничего, кроме блаженства. Бескрайнего блаженства знать, что он ее любит.

Но теперь, после минуты покоя, страх вернулся.

К тому же во время недавней трагической размолвки Анжелика поняла, что ей ведомы многие подспудные реакции Жоффрея де Пейрака. Прежде ей казалось, что она его знает, предугадывает его поступки, но теперь она видела, что это не так!.. Его слова, действия, возгласы возмущенного мужчины – все выдавало в нем ревнивого любовника, чего прежде она не замечала.

Но не это ранило Анжелику больше всего, потому что она смутно почувствовала, что доселе незнакомое проявление его характера вызвано ею самой, и только ею, и имеет отношение только к ней. И Жоффрей, обычно такой сдержанный, своими страшными взрывами гнева, сам того не желая, выдал, насколько она, единственная из всех женщин, дорога ему. Однако теперь Анжелика больше не была в этом уверена. Ей бы хотелось услышать это от него. Но в любом случае она предпочитала такое жестокое и даже грубое обращение, а не некоторые его хитрости и ловушки, которые он устраивал в надежде, что она оплошает. Например, завлечь ее с Коленом на остров Старого Корабля, чтобы застать их в объятиях друг друга... Как же несправедливо, как недостойно его!.. Анжелика снова и снова вспоминала ту сцену и всякий раз переживала муки ада. Пощечина, которую она получила от Жоффрея, – ничто по сравнению с ее нынешними страданиями. Ей необходимо разобратся. Прильнуть к нему, чтобы заставить его все забыть. А теперь ее обуял неистовый страх, что она навсегда потеряла Жоффрея.

Как такое могло произойти, да еще так быстро, со скоростью разрушительного циклона, пронесшегося над их жизнями, когда ничто не предвещало беды? Внезапно, коварно и исподтишка. Анжелика силилась найти хоть какую-нибудь ниточку, понять, когда это началось, как за столь короткое время, всего за несколько дней, могло совпасть столько роковых

случайностей, чтобы они, преданные единомышленники, пылкие друзья, страстные любовники, стали бояться друг друга. Было в этом какое-то колдовство, какой-то морок!..

Вероятно, все началось в Хоусноке, когда Жоффрей поручил Анжелике отвезти маленькую англичанку Роз-Анн к ее бабушке и дедушке, колонистам Новой Англии, живущим у границы штата Мэн. А сам, по приглашению, переданному через Кантора, отправился в устье Кеннебека для переговоров с индейским вождем. А потом, точно лавина, на них обрушились трагические события.

Канадцы со своими союзниками, индейцами из племени абенаков, напали на английскую деревню, намереваясь взять в плен супругу графа де Пейрака.

Благодаря Пиксарету, вождю патсуикетов, Анжелике удалось избежать этой участи и добраться до залива Каско. В рыщущем у его берегов пирате по прозвищу Золотая Борода она узнала своего давнего любовника, Колена Патюреля, короля рабов Мекнеса, который вызволил ее из гарема Мулая Исмаила. Этот Колен, возможно, был единственным из когда-либо любивших ее мужчин, о котором ее плоть сохранила некое сожаление, смутную печаль, память о какой-то особенной нежности.

Разумеется, это воспоминание не шло ни в какое сравнение с всепожирающим, мучительным огнем ее страсти к Жоффрею, с тем необоримым желанием, безумной, не подвластной ни обузданию, ни пониманию любви к нему. Порой это чувство представлялось ей роковым, вроде отравленной туники кентавра Несса, преподнесенной Гераклу. И все же оно было ослепительным блаженством, точно внутри ее сияло солнце, согревая и наполняя жизнью, отвечая всем ее чаяниям, самым потаенным секретам души, сновидений, всего ее существа.

Ничто не могло с этим сравниться. Но прежде Анжелика любила Колена, была счастлива в его объятиях. И теперь, в минуту одиночества, растерянности и треволнений, когда она повстречала его, в ней встрепенулось желание счастья, нежности и чувственное притяжение. Особенно последнее. Ей не хотелось ни обманываться, ни искать себе оправдания. Она едва не распрощалась с жизнью, на мгновение потеряв сознание, и мощный шквал желания обрушился на нее, дремлющую, когда, осыпая поцелуями и ласками, Колен прижал ее к себе.

Она виновата. Она слишком любила любовь и ее сокровенные райские наслаждения.

Кроме теперь уже позабытого краткого периода жизни, когда Анжелике было невыносимо мужское прикосновение, после того как во время бунта в Пуату она стала жертвой насилия, она всегда находила наслаждение и истинное удовольствие в любовных утехх, всякий раз дарящих ей новые открытия.

Она слишком любила любовь – вот в чем все зло, причина ее уязвимости и источник радости.

И Жоффрей, именно кудесник Жоффрей, распахнул перед ней врата в волшебное царство, первым открыв для нее, совсем юной, наслаждение. А потом, после пятнадцати лет разлуки, когда она считала, что муж казнен, именно он врачевал глубокие раны, нанесенные ее женственностью, возвратив жизнь ее чувствам, деликатно, заботливо и с бесконечным терпением возродив ее для любви...

Как такое можно забыть? В этом волшебном царстве Анжелика обязана ему всем. Введением в храм любви и расцветом, излечением и возрождением к любовной жизни, которое застигло ее на пороге зрелости, когда у нее, обогатившей опытом и страданием, возникло ощущение, что она способна сполна насладиться чудесной явью.

Слишком легко сделать ее счастливой; эта-то слабость и заставила Анжелику на мгновение затрепетать в мощных объятиях Колена, чуть не овладевшего ею на своем судне «Сердце Марии». Анжелике едва удалось вырваться...

Судьба снова поглумилась над ней: она распорядилась так, что, убегая с корабля, солдат Курт Ритц через выходящее на корму оконце успел разглядеть ее, обнаженную, в объятиях Золотой Бороды...

Как получилось, что наемник Жоффрея де Пейрака, не зная, что за женщину увидел при таких обстоятельствах, сообщил об этом факте самому графу, и вдобавок не наедине, а в присутствии всех самых именитых обитателей Голдсборо?

Какой ужас! Какой страшный момент для каждого из них! А для НЕГО! Публично выставленного ею на посмешище.

Анжелика понимала, какую ярость он испытал, увидев ее. Но что же теперь делать, чтобы умирить его гнев? Как заставить его поверить, что по-настоящему она никогда не любила, не могла любить никого, кроме него?.. Что, если он разлюбил ее, она умрет, да, умрет...

Внезапно она решилась. Она не станет глупо дожидаться его здесь. Нынче вечером она снова пойдет к нему, будет умолять, попытается все объяснить. Пусть его слова снова ранят ее. Все, что угодно, только не разлука! Все, что угодно, только не его холодность.

Только бы он снова обнял ее. Даже если, поддавшись злобе, он, стиснув ее в своих сильных объятиях, задушит, сломает ее.

Анжелика бросилась к туалетному столику и, разглядев в зеркале следы слез на щеках, слегка припудрила лицо.

Она распустила собранную в узел тяжелую косу, взяла инкрустированную золотом черепаховую щетку – тоже подарок Жоффрея – и торопливо привела волосы в порядок. Ей хотелось, чтобы он увидел ее прекрасной, а не затравленной и напряженной, какой она была все последние дни.

Котенок ни разу не шелохнулся с тех пор, как она устроила его на одеяле. Он свернулся клубком и пребывал в счастливом блаженстве, какого прежде не знал. Неподвижный, кроткий, терпеливый, почти бестелесный, он был настолько крошечным и болезненно хрупким, что казалось, он не жилец на этом свете. Но стоило Анжелике заговорить с ним, он громко замурлыкал, стремясь выразить свою благодарность и довольство.

Какая удача ему выпала: после долгих скитаний он встретил кого-то, кто стал его небом, горизонтом, надеждой. Бедный зверек доверился подобравшему его из жалости человеческому существу и знал, что его не обманут.

– Я ухожу, – сообщила ему Анжелика. – Будь умницей. Я вернусь...

Она бросила последний взгляд на постель. Герцогиня, по-прежнему вытянувшись, лежала под простынями. Стоя со щеткой в руке, Анжелика вновь попыталась оживить смутное воспоминание.

– Почему вы так на меня смотрите? Во мне есть что-то, что вас беспокоит? – не открывая глаз, спросила больная.

– Простите, сударыня... Ничего особенного; вероятно, мое внимание привлекла поза, в которой вы спите. Не воспитывались ли вы с раннего детства в монастыре?.. Помнится, когда я сама была пансионеркой, нам запрещали спать иначе, как вытянувшись на спине и положив руки на одеяло... Даже зимой. Стоит ли говорить, что я никогда так не делала. Я была очень непослушной.

– Вы угадали, – улыбнулась госпожа де Модрибур. – Я всю юность провела в монастыре и должна признаться, и сегодня не могла бы спать в иной позе, нежели та, за которую вы меня укоряете.

– Это вовсе не укор! А где вы жили?

– У урсулинок в Пуатье.

– А, в монастыре на улице Монте.

– В Пуатье нет других урсулинок, только на улице Монте.

– Но я тоже там воспитывалась! – воскликнула Анжелика. – Какое совпадение! Значит, вы из Пуату?

– Я родилась в Мальне. Возле Мерванского леса. На краю долины Жано. Знаете, там еще течет Руэ, – внезапно оживившись, сказала герцогиня де Модрибур. – Наш замок стоял на опушке леса! Огромные каштаны. Одним только запахом упавших каштанов и желудей можно было насытиться. По осени я, кажется, могла часами бродить, слушая, как они трещат у меня под ногами.

Ее глаза блестели, щеки зарумянились.

– На противоположном берегу Руэ стоит замок Машкуль, – сказала Анжелика.

– Да, – подтвердила ее собеседница. И, понизив голос, прошептала: – Жиль де Рэ?

– Проклятый.

– Слуга дьявола.

– Тот, кто убивал маленьких мальчиков, чтобы получить у Сатаны философский камень!

– И который за свои преступления был повешен в Нанте.

– Он самый, Жиль де Рэ!

И они обе расхохотались, будто вспомнили общего знакомого.

Анжелика присела у постели герцогини.

– Выходит, мы из одной провинции. Я родилась в Сансе, возле Монтелу, вверх от Марэ.

– Поверьте, я просто счастлива. Но, прошу вас, вернитесь к своей прическе, – проговорила Амбруазина, взяв в руки щетку, брошенную Анжеликой на кровать. – Прошу вас, продолжайте. Какие у вас необыкновенные волосы. Как у феи.

– В Пуату, когда я была ребенком, местным нравилось называть меня феей.

– Держу пари, они подозревали, что в полнолуние вы ходите в лес плясать вокруг друидских камней.

– Верно. Как вы догадались?

– У нас в окрестностях всегда найдется какой-нибудь волшебный камень, – мечтательно произнесла госпожа де Модрибур.

Во взгляде, который она при этом бросила на Анжелику, сквозили теплота и нежность.

– Как странно, – пробормотала она. – Меня настроили против вас. И вдруг я нахожу в вас такого близкого человека, почти сестру. Вы из Пуату, госпожа де Пейрак, какое счастье!

– Кто настроил вас против меня? – спросила Анжелика.

Ее собеседница отвела глаза и, едва заметно вздрогнув, сказала:

– В Париже с некоторых пор, говоря о положении дел в Канаде, довольно часто упоминают имя вашего супруга. Скажем... как соседа, обосновавшегося слишком близко от владений короля Франции. Бьюсь об заклад, что в Лондоне о нем тоже говорят.

Герцогиня села, обхватив руками согнутые колени, прикрытые одеялом. В такой позе она казалась совсем юной, непринужденной, свободной от титулов, тяжелого груза своих привилегий. Анжелика заметила, что Амбруазина плотно сцепила руки. Этот жест выдавал, возможно, желание сдержать какое-то сильное волнение. Однако госпожа де Модрибур по-прежнему спокойно смотрела прямо на собеседницу.

«У нее такие глаза, будто в глубине золото, – подумала Анжелика. – Издали они кажутся очень черными, как гагат. А вблизи видно, что они словно янтарные. Определенно со сверкающим в глубине золотым лучиком».

Обе в молчании разглядывали друг друга. Герцогиня едва заметно вздернула подбородок и улыбалась уголками губ. Было что-то наигранное, нарочитое в ее бесстрашии и непринужденности. Будто она приказала себе высоко держать голову, чтобы не уступить желанию потупиться под посторонними взглядами.

– Лично я нахожу вас очень симпатичной, – заключила Амбруазина, словно отвечая воображаемому обвинителю.

– А почему бы нет? – мгновенноотреагировала Анжелика. – Кто бы это мог описать меня вам в темных тонах? И кто в Париже может знать меня, знать, кто я? Я прибыла сюда прошлой осенью и всю зиму провела в лесной глуши...

– Не сердитесь, – сказала Амбруазина, нежно накрыв своей ладонью ее руку. – Послушайте, милочка, для меня счастье встретить вас и вашего супруга сразу по прибытии в Новый Свет. Я не любительница сплетен, наговоров и клеветы. Обычно я стараюсь составить собственное мнение относительно лиц, против которых меня пытаются настроить, и, возможно оберегая свою независимость или просто из духа противоречия – я ведь упряма, как всякая уроженка Пуату, – скорее заранее окажу им предпочтение.

Должна вам кое в чем признаться. Из Парижа Америка представлялась мне огромной, бескрайней. Она такой и оказалась. И все же я была убеждена, что рано или поздно встречу вас... Какое-то предчувствие... Я прекрасно помню, в тот день, когда при мне кто-то произнес ваше имя – это было незадолго до нашего прибытия, – я сказала себе: «Ты познакомишься с ней!» И вот... Возможно, Господь этого хотел.

Герцогиня говорила, слегка запинаясь, что придавало ее речи особую прелесть. Ее мягкий, глуховатый голос иногда срывался, словно ей не хватало дыхания. Анжелика поймала себя на том, что внимательно слушает, стараясь за внешними проявлениями различить потаенную сущность собеседницы.

Вероятно, притворство герцогини, ее несколько театральная манерность были следствием определенного усилия, которое ей приходилось делать, чтобы завязать отношения с себе подобными.

«Эта женщина не такая, как все, она одинока», – решила Анжелика.

Подобная характеристика совершенно не соответствовала ослепительной молодости и красоте Амбруазины де Модрибур. Помимо этого, было в ней что-то детское, определенное ребячество... «Да нет, – подумала Анжелика, – это из-за ее зубов». Верхние зубы, некрупные, красивые и очень ровные, слегка выдавались вперед, приподнимая прелестно очерченную розовую губку. От этого на ее лице порой на мгновение возникало выражение, какое бывает у маленьких девочек, которые недавно плакали. А когда герцогиня улыбалась, ее черты приобретали какую-то доверчивую и трогательную невинность. Впрочем, взгляд ее был пронизательным, зрелым и задумчивым. «Интересно, сколько ей на самом деле может быть лет? Тридцать? Меньше? Больше?»

– Да вы не слушаете меня, – вдруг сказала герцогиня.

И, откинув назад спустившуюся на щеку тяжелую черную прядь, обезоруживающе и заразительно улыбнулась.

– Сударыня, – таинственно прошептала герцогиня, – коли вы родом из Пуату, может, вы слышали, как кричит мандрагора, когда ее выкапывают в рождественскую ночь?

Анжелике показалось, будто этот странный вопрос необъяснимым образом связал их. Она глянула в глаза Амбруазины де Модрибур и увидела, что в них, словно отражение звезд в лесном озере, что-то мерцает.

– Слышала, – вполголоса отвечала она, – только это было в сентябре. В наших краях на поиски черной собаки, чтобы отрыть волшебный корень, отправляются в сентябре.

– А собаку тут же следует принести в жертву подземным божествам... – подхватила Амбруазина.

– И ее надо обрядить в пурпурные одежды, чтобы отвести дьявольские силы, жаждущие завладеть корнем...

Обе расхохотались.

– Как вы прекрасны! – неожиданно воскликнула госпожа де Модрибур. – Все мужчины и правда должны быть без ума от вас.

– Ах, не говорите мне о мужчинах, – с раздражением прервала ее Анжелика. – Я только что ужасно повздорила с мужем...

– Это полезно, – заявила герцогиня. – Я считаю, хорошая ссора время от времени супругам не повредит. Это признак того, что личность каждого из них пребывает в добром здравии.

Ее комментарий свидетельствовал о зрелости ума. Анжелика постепенно начинала понимать, какое влияние оказывала герцогиня на своих людей. Ей остро захотелось довериться этой женщине, еще недавно совершенно чужой, а теперь казавшейся такой близкой. А что, если она даст совет, который поможет Анжелике разобраться в себе. В светящемся нежностью и теплотой взгляде герцогини де Модрибур таилась не имеющая возраста мудрость. Анжелика спохватилась и перевела разговор на другую тему.

– Вы носите в ладанке кусочек мандрагоры? – поинтересовалась она, прикоснувшись пальцем к золотой цепочке на шее герцогини.

Та вздрогнула:

– Нет, что вы! Я бы побоялась. Ведь это проклятое растение. Нет, это мои обереги.

Из выреза кружевной сорочки она извлекла три золотых медальона и, сняв, положила их Анжелике на ладонь.

– Святой архангел Михаил, святая Люсия, святая Екатерина, – перечислила она.

Образки сохранили тепло женской кожи, и Анжелика испытала двойственное чувство.

– Я ношу их с тех пор, как впервые пошла к причастию, – доверительно продолжала герцогиня. – Бывает, ночью мне не уснуть, но стоит к ним прикоснуться, и страхи проходят.

– Чего вы боитесь?

Герцогиня не ответила. Она прикрыла глаза, и по лицу ее пробежала тень страдания. Приложив руку к медальонам, больная со стоном откинулась на подушки.

– Что до мандрагоры, – не унималась Анжелика, – наверное, вы только что хотели испытать меня? Возможно, вы желали узнать, не колдунья ли я, как сплетничают обо мне в Квебеке или даже в Париже? Так знайте же, милочка, я действительно использую корень мандрагоры для приготовления арабского снадобья, называемого «сонная губка». Смешанная с цикуттой и соком тутовой ягоды, мандрагора утоляет боль. Однако я никогда не занималась ее поисками и откапыванием. Несколько имеющихся у меня кусочков мне раздобыл английский аптекарь.

Амбруазина де Модрибур выслушала Анжелику, глядя на нее сквозь опущенные длинные ресницы, и вдруг оживилась:

– Так, значит, это правда? Вы якшаетесь с англичанами?..

Анжелика пожала плечами:

– Здесь, на побережье Французского залива, полно англичан. Тут не Канада, а Акадия, то есть мы соседствуем с Новой Англией. Договоры были составлены так затейливо, что владения французского короля и английские фактории сплелись в запутанную сеть.

– А земли, хозяйкой которых являетесь вы, сохраняют независимость между этими двумя сферами?

– Видимо, вы хорошо осведомлены.

Анжелика немного натянуто улыбнулась, сдержав вздох разочарования. Когда она впервые ступила на землю Голдсборо, ей показалось, что это самое забытое богом и людьми место, неведомое никому в мире.

Но человеческие руки и воля королей уже перекраивали эти почти девственные земли. Жоффрей де Пейрак оказался важной фигурой, ведь он мог стать как препятствием, так и союзником. Внезапно Анжелика вздрогнула. Что она здесь делает? Разве не приняла

она решения тотчас же бежать за ним? На нее будто что-то нашло, какие-то чары сковали ее, не давали двинуться с места... Она снова бросилась к окну.

Вечерело. На фоне темнеющего неба вырисовывался силуэт какого-то судна, входящего в гавань.

«Опять кто-то... чужой, кто бы он ни был, француз, англичанин или голландец, пират или уж не знаю кто... Тоже станет уговаривать Жоффрея следовать за ним неизвестно куда ради установления порядка и справедливости неведомо где. Но нет, на сей раз он не уедет, не улизнет прямо у меня на глазах, без предупреждения, не оставит меня тут умирать от тоски и одиночества...»

Анжелика схватила накидку из меха нерпы и набросила себе на плечи.

– Прошу меня извинить, сударыня, – обратилась она к герцогине, – я вынуждена вас покинуть. Как бы вы ни протестовали, я пришлю сюда одну из ваших девушек. Она зажжет свечи и, если вам лучше, велит принести ужин. Просите все, что вам может понадобиться.

– Вы уходите? – едва слышно спросила герцогиня. – Ах, умоляю, не оставляйте меня!

– Но вы здесь в полной безопасности, – заверила ее Анжелика, заметив беспокойство в голосе распростертой на кровати женщины.

Бесстрашная с виду, на самом деле герцогиня была слабой и с трудом приходила в себя после ужасов кораблекрушения. Тем более что она, как о чем-то естественном, рассказывала, что у нее бывают видения...

– Я незамедлительно пришлю к вам кого-нибудь, – не уступала Анжелика, стараясь, как ребенка, успокоить больную. – Не волнуйтесь!

Она вдруг насторожилась. На лестнице слышались мужские шаги. Кто-то поднимался. Анжелика открыла дверь, и в проеме появилась фигура Энрико Мальтийца.

– Госпожа графиня, вас просит к себе его сиятельство Рескатор.

Глава IV

Сходя на берег, Энрико вновь принимался называть своего господина Рескатором.

С сильно бьющимся сердцем Анжелика последовала за ним, испытывая одновременно опасение и облегчение. Значит, он все-таки послал за ней.

Она торопливо шла за Мальтийцем. Выйдя из форта, они поднимались к деревне. Когда они достигли последнего, находящегося на отшибе дома, Анжелика услышала, как бьется о скалы прибой, и ей вспомнилось, как с помощью похожих слов ее заманили в ловушку. Как-то вечером, несколько дней назад, незнакомый матрос с бледным лицом и странными глазами сказал ей: «Вас просит к себе господин де Пейрак» – и заманил ее на остров Старого Корабля.

Анжелика инстинктивно прикоснулась к поясу: пистолеты она забыла. Вот глупость! Затем невольно воскликнула, повернувшись к Мальтийцу:

– Тебя действительно прислал господин де Пейрак? Или ты тоже собираешься предать меня?

– Что происходит?

На пороге последнего деревянного дома стоял граф. Его высокий силуэт вырисовывался на фоне огня, полыхавшего в сложенном из валунов деревенском очаге.

Анжелика с облегчением вздохнула:

– Ах, а я уже испугалась, что снова попала в ловушку. В прошлый раз это был белый дьявол, вышедший из моря...

– Белый дьявол?

Пейрак с интересом взглянул на нее.

Он пошел ей навстречу и взял под руку, чтобы помочь взойти на каменное крыльцо.

Граф жестом отослал Мальтийца и закрыл дверь. Ее тяжелые створки сразу заглушили грохот волн.

Теперь в комнатке слышалось только потрескивание огня. Анжелика подошла к очагу и протянула руки к языкам пламени. От волнения ее била дрожь. Граф внимательно наблюдал за ней.

– Как вы взбудоражены! – с нежностью заметил он.

Она обратила на него свой прекрасный взор. От тревог и страданий ее глаза стали темными, как бурное море.

– Еще бы! После всего, что я пережила за эти ужасные дни... Я опасалась, как бы вы не забыли, что мы сказали друг другу нынче утром.

– Как я могу это забыть, особенно когда вы смотрите на меня своими прекрасными глазами!

Его родной голос с такими нежными нотками проник прямо в ее душу. Не смея поверить в свое полное прощение, Анжелика не спускала с мужа страстного взгляда.

Он улыбнулся.

– Ну что же, друг мой, давайте объяснимся, – любезно произнес Жоффрей. – Давно пора, мы и так потеряли слишком много времени. Присаживайтесь.

Он указал ей на один из двух табуретов, которые вместе с грубо сколоченным столом, откидной койкой и рыболовными снастями составляли всю меблировку хижины.

Граф де Пейрак расположился по другую сторону стола и внимательно рассматривал Анжелику. В его мрачных глазах сверкала страсть. Он вглядывался в ее обрамленное роскошными волосами цвета тусклого золота лицо, на котором оставили свои следы пережитые волнения и нанесенный его же рукой удар. Собственная жестокость потрясла Жоффрея.

– О возлюбленная моя! – глухо пробормотал он. – Да, вы правы: нельзя позволить нашим недругам одолеть нас. Никакое оскорбление не стоит того, чтобы разрушить то, что нас связывает.

– Я вас не оскорбляла, – пролепетала она, – ну разве что совсем чуть-чуть...

– Мне нравится ваша оговорка, – расхохотался Пейрак. – Дорогая, вы восхитительны. Ваша непосредственность всегда радовала и завораживала меня. Присаживайтесь же.

Анжелика не понимала, не насмехается ли он над ней, однако его теплый тон ослабил терзавшее ее напряжение.

Уступая ему, она присела. Под ласковым взглядом Жоффрея улетучились все ее страхи, исчезло страшное опасение, что она навсегда потеряла его и снова осталась одна во всем белом свете.

– Наверное, мы слишком долго были одиноки, – вымолвил он, словно отвечая своим потаенным ощущениям. – Быть может, в те времена, когда королевская кара, постигшая меня, разлучила нас, мы недостаточно оценили силу своей любви, а воссоединившись вновь, не до конца осознали глубину своих ран? За долгие годы вы привыкли защищаться в одиночку, никому не доверять, опасаться превратностей судьбы, которая уже однажды столь сурово наказала вас.

– О да, – почти прорыдала Анжелика. – Мне было восемнадцать лет. Вы стали моим небом, моей жизнью, а потом, когда мне не было и двадцати, я навсегда потеряла вас. Как только я осталась жива?..

– Да, бедная девочка! Я недооценил всей силы чувств, которые вы во мне вызвали, а главное – значение любви, которую вы испытывали ко мне. Мне хотелось верить, что с моим исчезновением вы меня позабудете.

– Это бы вас устроило, чтобы вернуться к вашей первой возлюбленной, Науке... Мне ли вас не знать... Вы готовы были умереть, лишь бы узнать, вертится ли Земля, а в разлуке со мной вы смогли выжить и вкусить всех радостей своей полной приключений жизни...

– Да, вы правы... И все же послушайте, что я осознал в эти последние дни, за время потрясшей нас обоих бури. Безусловно, некогда вы обворожили меня, я был от вас без ума, однако, как вы заметили, сумел выжить. Но теперь уже не сумел бы. Вот что вы со мной сделали, сударыня, и поверьте, такое признание далось мне нелегко.

Жоффрей улыбнулся. Но на его выразительном, отмеченном печатью полной невзгод жизни, лице с белеющими на темном загаре страшными шрамами Анжелика различала мощный свет подлинного чувства, которое он испытывал к ней. Его горящий взор, в котором промелькнуло что-то вроде удивления, был прикован к ней.

– Странное дело любовь, – продолжал он, словно говоря с самим собой, – какое-то диковинное растение. В молодости кажется, будто срываешь его в пору цветения и что в дальнейшем ему суждено лишь увядание. Тогда как это всего-навсего первинки плода более сочного, который даруется лишь постоянством, пылкостью, взаимным узнаванием. Сколько раз в эти последние дни я вспоминал, как вы приехали в Тулузу, такая прекрасная, гордая, незнакомая, одновременно ребячливая и мудрая. Тогда, наверное, я не желал признать, что ваша яркая необычность завораживает меня куда больше вашей красоты. Как знать, что нас прельщает при первом обмене взглядами, которому предстоит связать двоих? Зачастую, сами того не ведая, мы таим скрытые сокровища, сдерживаемые силы, которые лишь будущее проявит... то, что сильные мира сего не оставили мне времени обнаружить в вас... Даже тогда я был настороже. Я думал: она изменится, станет как все, утратит свою очаровательную непримиримость, эту жажду жизни, этот пронизательный ум... но нет... Я вновь обрел вас: прежнюю и в то же время другую... Не смотрите на меня так,

любовь моя. Не знаю, в чем источник вашей обольстительности, но она потрясает меня до глубины души.

А всему виной ваши глаза, этот новый, незнакомый взгляд, которым вы посмотрели на меня в Ла-Рошели, когда в грозовую ночь внезапно появились, чтобы просить меня спасти ваших друзей-гугенотов. Вот откуда все беды: этот взгляд превратил меня в человека, которого я больше не узнаю. Боюсь, я чересчур привязан к вам. Вы делаете меня слабым. Непохожим на себя... Да, именно отсюда мои беды. От ваших глаз с этим новым взглядом, в тайну которого мне пока не удалось проникнуть. Знаете ли вы, любовь моя, что случилось, когда вы пришли за мной той ночью, в Ла-Рошели?.. Так вот, я в вас влюбился. Влюбился как безумный. Я потерял голову. Тем более что, зная, кто вы, я не захотел понять, что именно произошло. Я был в смятении, порой становившемся мучительным.

Поистине странное чувство! Когда я видел вас среди ваших друзей-гугенотов на «Голдсборо» с рыженькой дочуркой на руках, я забывал, что вы та самая супруга, некогда данная мне перед алтарем. Вы стали почти незнакомкой, встреченной благодаря превратностям жизни, которая завораживала, обольщала меня донельзя. Которая терзала меня своей красотой, печалью, очарованием изредка мелькавшей на ваших губах улыбки. Таинственной женщиной, которая ускользала от меня и которую мне следовало завоевать любой ценой.

Оказавшись в двусмысленном положении мужа, безумно влюбившегося в собственную жену, я попытался уцепиться за то, что мне было известно о вашем прошлом. Я хотел вернуть вас, властно приблизить к себе. Порой я допускал неловкость, подчеркивая звание супруга, чтобы привязать вас к себе; я хотел, чтобы вы зависели от моей воли, чтобы вы были подле, моя возлюбленная, моя страсть, вы, моя жена, которая вторично, однако новыми и неожиданными средствами, закабаляла меня своими чарами. Тогда я стал опасаться горького признания, что вы охладели ко мне, боялся различить в вашем сердце равнодушие и забвение по отношению к слишком давно находящемуся в изгнании супругу. Я пытался познать все то непривычное, что находил в вас, — ах, как же вы были неуловимы и неприступны, моя дражайшая матушка аббатиса, — возможно, поэтому мне не удалось одержать настоящую победу. Я стал догадываться, что чересчур легкомысленно относился к жизни в том, что касается женщин, и в частности вас, моей супруги. И каким драгоценным сокровищем я пренебрег!

Анжелика слушала графа затаив дыхание; она жадно ловила каждое его слово, и к ней возвращалась жизнь. Подле него она трепетала, как птенец в руках птицелова, пользующегося своей властью, чтобы чарами или любовью удержать при себе вырывающееся из всех сил хрупкое создание. Нет, ей не хотелось вырваться. Его глухой ласковый голос, горящий взор, само его присутствие стоили того, чтобы пожертвовать всеми свободами. Что такое одинокий полет в опасном и пустом мироздании по сравнению с пылкой уверенностью, что рядом с ним она обрела свою тихую гавань. Она это всегда чувствовала, оставалось лишь осознать. И его похожий на исповедь монолог, плод проницательных и искренних размышлений, на который он наконец решился, доказывал, как он ее любит, насколько властно она царит в его сердце. Он никогда не прекращал думать об Анжелике, силился понять ее, чтобы вновь, и уже навсегда, обрести ее.

— Ваша сумасбродная независимость причиняла мне массу страданий, потому что, никогда не зная, что вам взбредет в голову, я постоянно опасался опять потерять вас. К тому же она представлялась мне признаком того, что вы принадлежите только самой себе. Опыт подсказывал мне: не так легко излечиться от глубоких ран, наподобие тех, что получили вы вдали от меня; я должен запастись терпением. Однако тягостные опасения не покидали меня... они выплеснулись наружу, когда... Анжелика, любовь моя, скажите, почему вы уехали тогда из Хоуснока в английскую деревню, не поставив меня в известность?

— Но ведь это было ваше распоряжение!

Он нахмурился:

– Как это?

Анжелика провела ладонью по лбу:

– Точно уже не помню, как было дело, но уверена, что именно по вашему распоряжению отправилась в путь, чтобы доставить Роз-Анн к ее бабушке и дедушке. Я даже была весьма раздосадована, что совершаю это путешествие не в вашем обществе.

Жоффрей задумался. Она увидела, как он сжал кулаки и пробормотал сквозь зубы:

– Выходит, и это тоже подстроили *они*.

– Что вы хотите сказать?..

– Ничего... То есть нет... я начинаю кое-что понимать. Нынче утром, сказав: «Наши недруги хотят разлучить нас. Неужели мы позволим им нас одолеть?», вы открыли мне глаза. Ваша новая прозорливость необычайно притягательна для меня. Я восхищен тем, как умело, со свойственной вам одной изобретательностью, вы приходите мне на помощь в преодолении козней врагов и обрушивающихся на нас трудностей, – вспомним хотя бы кусочек сахара, которым вы угостили канадского мальчика перед Катарунком, что спасло нас от бойни. А ваш дар предвидения... Мне пришлось по душе это новое ощущение: бок о бок со мной женщина, целиком разделяющая мою жизнь. И вдруг ваше отсутствие, ваше исчезновение, подозрение в неверности!.. Как можно было это вынести! Я бы скорей выбрал эшафот! Возлюбленная моя, простите мне охватившую меня ярость.

Однако вообразите, душа моя, в какую пучину страсти низвергла меня любовь к вам, что я утратил чувство справедливости, которое стараюсь сохранять в своих многотрудных делах. Из-за вас я впал в гнев, несправедливость по отношению к вам же, единственная моя любовь, жена моя... Мне хотелось чем-то задеть вас, заставить страдать... Разумеется, непросто постичь истину, с которой прежде не так-то легко согласился бы граф де Пейрак: горечь любви. Однако власть ваших чар заставила меня поверить в нее. Смотрите сами: то, чего не пробудила во мне прежняя Анжелика – сколь бы прелестной и неосознанно обольстительной она ни была, – удалось воскресить к жизни женщине, встреченной мною в Ла-Рошели. Женщине, пришедшей ко мне, чтобы просить помощи находящимся в опасности. Почти незнакомой Анжелике, с ее новой душой, жизненным опытом, ее контрастами – всей той смесью нежности и жестокости, от чего невозможно защититься.

Он умолк и на мгновение задумался. Быть может, ему вновь представилась разыгравшаяся в штормовую ночь сцена, когда его пиратское судно «Голдсборо» плясало на якоре в укромной бухте на подступах к Ла-Рошели.

– Помните? Той ночью все было странным, неожиданным, таинственным. Рок бросил нас навстречу друг другу, а мы даже не подозревали об этом.

Я сидел в каюте и думал о вас. Я строил планы, я размышлял: «Я у стен Ла-Рошели, но как мне найти Анжелику?» У меня не было никаких ваших следов, кроме нескольких слов, брошенных Роша в испанском порту: «Та француженка... помните, купленная вами в Кандии... которая сбежала... Так вот, я видел ее в Ла-Рошели!» И тут входит мой ординарец Язон и свойственным ему равнодушным тоном (бедняга Язон) говорит: «Здесь французская женщина, которую вы купили в Кандии. Она вас спрашивает!» Я решил, что совсем обезумел. Обезумел от радости, от восторга... и от страха.

Как же глуп человек! Счастье пугает его больше, чем боль и предстоящее сражение. Опасается ли он, что радость – это ловушка более смертоносная, чем бедствия?.. Не знаю! Во всяком случае, я не стал исключением. Чтобы достичь этого желанного мига, я припомнил все свои подозрения, все горести, все опасения, тревоги, разочарования, сомнения...

Анжелика улыбнулась.

– По правде сказать, когда мы встретились, я была совсем не обольстительна, – признала она. – Вы сохранили обо мне иные воспоминания. В каком виде я была в ту ночь! Вымокшая до нитки, вся в грязи, растрепанная – я упала, когда бежала через ланды.

– Вы были... Ах, что тут скажешь? – пробормотал граф. – Сердце мое разбилось... Вы появились передо мной, словно воплощение того, как могут изменить человека превратности судьбы, того, что человеческая жестокость – и моя тоже, пусть даже бессознательная, – сделала с вами... Я точно окаменел, понимая, что слова бессильны восстановить ту связь, что соединяла нас до катастрофы. В Кандии сделать это было бы проще... Но в Ла-Рошели я почувствовал, что вы больше не принадлежите нашему общему прошлому, вы изменились. И одновременно случилось то, о чем я вам только что говорил. Я безумно влюбился в эту женщину, такую незнакомую, такую поразительную, такую непохожую и все еще похожую на вас, которая, не обращая внимания на свой жалкий вид, на кровь и ледяную воду, стекавшие по ее одежде, доказывала мне, что необходимо спасти ее друзей. Гром среди ясного неба; все смешалось: восхищение, любовь, необъяснимое очарование, жалость, нежность, желание защитить, страх потерять, упустить мое сокровище, неуверенность в происходящем...

– Должна ли я верить вам? Не вы ли цинично заявили мне: «Как могло случиться, что пленница, обошедшаяся мне в целое состояние, стала женщиной, за которую сегодня я не дал бы и ста пиастров!...»

– Я пытался под иронией скрыть непривычное волнение. Да, как же глуп человек! Сказать правду? В тот вечер вы испепелили меня. Но я в некоторой степени утратил привычку чувствовать, способность выразить свои ощущения. Мне было необходимо навести во всем этом порядок, а время – вы согласитесь, учитывая то, чего вы с таким пылом требовали от меня, – не позволяло. Поразмыслив, я пришел к выводу, что вы – я вам уже говорил, – безусловно, остались для меня мучительным воспоминанием. Однако постепенно оно становилось все более смутным, потому что я уже не мог вообразить подле себя, в своей полной приключений жизни, которая носила меня по волнам всех океанов, некогда бывшую моей супругой юную графиню. К тому же я попытался изгнать вас из своей памяти, когда узнал, что вы вышли за маркиза дю Плесси-Бельера и, как мне почему-то представлялось, отказались от моих сыновей и беспечно странствовали по Средиземному морю. Хотя я искал вас, не в силах разорвать некогда связывавшую нас нить, ваш образ в моей памяти постепенно утрачивал свою четкость. И вот я нашел вас: другую женщину. Но это были вы. И вы поразили мое сердце, вырвали его из тяжелого забытья. И оно ожило, вместе с новой любовью опять обрело отраду в страданиях и надеждах. Мне нелегко далось снова завоевать вас в полном опасностей путешествии на борту «Голдсборо». Наконец в Вапассу я получил возможность ревниво держать вас при себе, но порой, даже нынешней зимой, опасения, что испытание окажется выше ваших сил, что по неведению я могу причинить вам боль, заставляли меня сомневаться на ваш счет. Меня пугало ваше молчаливое согласие, я не знал, как избавить вас от привычки молча претерпевать трудности и страдания, осознавая, что здесь, возможно, кроется опасность для нашего взаимопонимания. Что, покуда вы будете столь ревностно отказываться прибегать к моей помощи, вы не будете мне принадлежать и часть вашего существа будет по-прежнему связана с той жизнью, которую вы прожили без меня и власть которой ощущаете на себе по сию пору. Порой от этих размышлений меня бросало в дрожь... но я понимал, что следует запастись терпением и временем... Вот как обстояли дела, когда несколько недель назад мы прибыли в Хоуснок, на Кеннебеке... и вы неожиданно исчезли...

Граф умолк, его лицо исказила гримаса страдания. Но он тут же взглянул на Анжелику с саркастической улыбкой, которая, впрочем, не могла затмить сверкающего в его темных глазах огня страсти.

– Разумеется, неприятная ситуация – при всех внезапно сделаться рогоносцем, – заметил он, – однако не этот титул причинил мне самые жестокие страдания... Хотя очень важно было не дать нашим людям впасть в растерянность от подобного события... Однако тут вы пришли мне на помощь... Да, в тот час надвигающейся грозы вы не разочаровали меня... Вы повели себя... единственным возможным образом... и, несмотря на мой гнев, вызвали у меня восхищение, любовь... Ах, что за страшное чувство! Ведь я как мужчина страдал от ревности. Только ли от ревности? Скорей от любви, которая еще не достигла своей вершины, а влюбленный уже видит, как предмет его страсти ускользает прежде, чем он добрался до невыразимой точки встречи с любовью: уверенности. Взаимной уверенности. Мы трепещем, а боль настороже, она готова возникнуть вместе с сомнением, страхом, что все закончится прежде... прежде, чем мы обретем друг друга в этой неизъяснимой встрече, которая дарует нам радость, силу, незыблемость.

Сидя по другую сторону массивного деревянного стола, Анжелика не сводила с мужа горящих глаз. Она позабыла обо всем на свете. Сейчас на земле не существовало никого, кроме него. Его слова рождали в ее воспоминаниях картины их жизни. Общей, даже когда они были разлучены.

Жоффрей превратно истолковал ее молчание.

– Вы все еще на меня сердитесь! – произнес он. – За то, что произошло в эти последние дни... Я вас ударил!.. Скажите, что сильнее всего оскорбило вас в моем непростительном поведении? Ну пожалуйста, моя дорогая, ведь я так плохо вас знаю...

– Пожаловаться, – прошептала она. – На вас? На вас, которому я обязана всем?.. Нет, что вы... Скажем, есть вещи, мне не вполне понятные, потому что и я тоже знаю вас недостаточно хорошо...

– Например?

Анжелика медлила с ответом. Солнце нежной и глубокой любви вдруг растопило все ее сетования.

– Так это вы назначили Колена губернатором...

– А вы бы желали, чтобы я повесил его?

– Нет, но...

Жоффрей снисходительно улыбнулся:

– Да, понимаю!.. Подобное согласие двух мужчин, в то время как им следовало бы стать врагами из-за прекрасной Елены Троянской, довольно отвратительно... Вам это причиняет страдания?

– Немного... Но ведь это свойственно женщинам?

– Согласен... а вы восхитительны, – отвечал он. – Что же еще?

– Вы заставили меня об руку с ним войти в пиршественную залу...

– Признаю, это было неприятно. Простите, душа моя. Бывают моменты, когда, упорно сражаясь за что-нибудь, делаешь какие-то неловкие ходы... Возможно, я слишком хотел поскорее стереть из своей памяти... позабыть...

– А вы флиртовали с этой Иньес!

– С какой Иньес? – удивился граф.

– С испанкой, любовницей Ваннерейка... во время пира...

– А... теперь вспомнил. Долг хозяина! Разве не следовало мне утешить это очаровательное юное создание, ведь наш славный друг из Дюнкерка оказывал вам столько внимания. Тот, кто отравлен ядом ревности, питает жалость к тому, кто испытывает те же страдания...

Анжелика понурилась. Вместе с воспоминанием вернулась боль.

– Есть кое-что посерьезней, – прошептала она.

– Что же это?

– Западня на острове Старого Корабля! Завлечь туда Колена и меня – это так на вас не похоже!

Граф де Пейрак помрачнел:

– Верно... Не похоже...

Он вынул из кармана камзола мятый клочок бумаги и протянул Анжелике. Она с трудом разобрала крупные каракули.

«Ваша супруга на острове Старого Корабля с Золотой Бородой. Причальте с севера, чтобы они не заметили вашего появления. Так вы сможете застать их в объятиях друг друга».

Анжелика вздрогнула. Ею снова овладел безотчетный леденящий страх, терзавший ее в последние дни.

– Но кто... кто мог это написать?... – пробормотала она. – От кого вы получили эту записку?

– Мне ее передал какой-то матрос из экипажа Ваннерейка. Он всего лишь посредник. С его помощью я попытался отыскать того, кто дал ему поручение доставить записку мне, но тщетно. Это *их* способ действия. *Они* пользуются сутолокой, вызванной высадкой экипажа и разгрузкой судна, чтобы затеряться среди нас и сделать свое дело, а потом исчезают, словно привидения.

– *Они*? Кто – *они*?

Пейрак был встревожен.

– В Заливе появились чужие, – наконец произнес он, – они рыщут повсюду и, теперь я в этом уверен, проявляют к нам особенный интерес.

– Кто это? Французы? Англичане?

– Не знаю. Скорее французы, но неизвестно, под каким флагом они ходят; ясно одно: их цель – посеять смуту среди нас.

– Тот человек с бледным лицом, что пришел сообщить мне, будто вы ожидаете меня на острове, – один из них?

– Без сомнения. Как и тот, кто по дороге из Хоуснока передал мне ложное сообщение о том, что вы спасены и плывете к Голдсборо на «Ларошельце»...

И Жоффрей рассказал Анжелике, как, вознаградив незнакомца за добрую весть, он, успокоенный относительно ее участи, решил последовать за Сен-Кастинем до Пентагоета по дороге на Голдсборо.

– Я дал ему несколько жемчужин.

– Но кто же *они* такие?... Кто их послал?

– Пока невозможно установить. Очевидно то, что *они* хорошо осведомлены о наших делах и не останавливаются ни перед чем, потому что среди моряков передача ложных известий почитается постыднейшим из преступлений. Даже между врагами существует солидарность мореходов, предать которую могут только законченные мерзавцы или просто бандиты. Предвижу, что те, о ком мы говорим, худшие из них.

– Выходит, – прошептала она, – права я была, когда опасалась какого-то направленного против нас... дьявольского плана...

– Итак, я увидел вас с Золотой Бородой на острове. И тут всплыло обстоятельство, неизвестное нашим недругам, нечто, чего они не могли знать. То есть что Золотая Борода – это Колен. Что совершенно меняло дело. Колен Патюрель, король рабов Мекнеса, к тому же почти мой друг, по крайней мере человек, к которому я, зная его добрую репутацию в Средиземноморье, испытывал глубокое уважение. Да, для меня это многое меняло. Колен!.. Человек, которого не зазорно одарить... скажем так, вашей дружбой... Но мне было необходимо убедиться, что это именно Золотая Борода. Я послал Йана за подкреплением, приказав не возвращаться через фарватер, прежде чем спадет вода.

– А вы остались.

- Я остался.
- Вы хотели знать, кто я? – спросила Анжелика, глядя мужу прямо в глаза.
- И узнал.
- Вы не боялись горьких открытий?
- Я сделал чудесные открытия, и они укрепили мое сердце!
- Вечно вы со своими немыслимыми затеями!

– Дело не только в этом. Решение остаться на острове и затаиться там до прибытия подкрепления было вызвано не только желанием получить узнать мою прекрасную незнакомку-жену. Еще бы: такая возможность; муж может многое узнать про хорошенькую женщину, беседующую с мужчиной, в прошлом не безразличным ей, да к тому же ей известно, что он по-прежнему ее любит. Однако одного лишь любопытства было бы недостаточно, чтобы отважиться на столь тягостное испытание, если бы я не был принужден к этому самой ситуацией. Согласитесь, душа моя, что она была деликатной, если не сказать затруднительной. Появись я перед вами в одиночку, неужели вы думаете, Колен легко поверил бы в мои мирные намерения супруга? Сам же он, будучи пиратом, достойным быть повешенным без лишних разговоров, не сдался бы без боя властителю Голдсборо. Вы обвиняете меня в том, что я не раздумывая ввязываюсь в самые немыслимые авантюры? Однако идея встретиться с ним один на один на том песчаном берегу, имея в свидетелях лишь вас и тюленей, а в качестве неминуемого завершения поединка – его или мою смерть, не показалась мне трезвой и выгодной для кого бы то ни было. Ваш Колен не из тех, кем легко манипулировать. Можете справиться у Мулая Исмаила, который всегда отзывался о нем с почтением и почти страхом, и все же Колен был всего лишь безоружным рабом перед этим неуступчивым и жестоким владыкой.

– Однако вам удалось склонить этого неуступчивого султана перейти к вам на службу, вы сумели подчинить его своей колдовской власти.

– Потому что его привели ко мне в цепях четверо вооруженных солдат. На острове Старого Корабля все было иначе. В сложившихся обстоятельствах я предпочел стать невидимым свидетелем вашей встречи. К тому же случайной и непредвиденной, как я позднее узнал. Соединив нас троих на этом острове, наши недруги вновь рассчитывали на выигрыш. Все шло к тому, чтобы мы сами стали причиной собственной гибели. Единственный способ парировать такие дьявольские козни – вести себя совершенно не так, как ожидает противник. Слава богу, у нас троих хватило душевных сил выстоять.

– Дьявольские козни! – повторила Анжелика.

– Не пугайтесь. Я сумею нарушить их планы и, кто бы ни были наши враги, устранить их. Пока мы не подозревали об их присутствии, мы попадались в их ловушки. В Хоусноке и в Брансуик-Фолз вы, кажется, стали первой жертвой, когда чуть было не расстались со свободой, а возможно, и с жизнью. Возможно, нападение абенаков на английскую деревню имело тайной целью ваше пленение?.. Не знаю. Но когда вечером, непосредственно перед морским сражением с Золотой Бородой, я получил эту записку, мне в душу закрались подозрения. Я понимал, что рано или поздно *они* захотят встречи. Поначалу я решил, что это Золотая Борода, однако получил доказательства обратного. Через фарватер, прихватив с собой всего одного человека, я в лодке отправился на остров; но теперь я был настороже: я опасался не только неизвестного, но и самого себя. Ведь записка могла содержать ложный донос, чтобы завлечь в западню и меня. Или же разоблачение было правдой, и некто рассчитывал на то, что я приду в бешенство и совершу непоправимый поступок, в частности наброшусь на вас. Мне стало совершенно очевидным это намерение навредить вам, и именно вам. «Будь осмотрителен! – думал я. – Остерегайся! Помни: что бы ни случилось, ей ничто не должно навредить. Особенно ты сам». Мой гнев обратился против тех несчастных, которые в своих коварных планах пытались превратить меня в орудие зла, направленное против

вас. «Ты не окажешь им такой любезности», – твердил я себе. На сей раз я, по крайней мере, обязан был любой ценой защитить вас от их нападений. Не я ли в Тулузе дрался на дуэли с племянником архиепископа и завоевал вас?

– Но это совсем другое дело! – с жаром воскликнула Анжелика. – Прежнее не вернется. За кого вы меня принимаете? Теперь я люблю вас!..

И, пораженная собственным признанием, она повторила:

– Да, я люблю вас... Слишком сильно, действительно сильнее, чем вы заслуживаете. Неужели вы настолько отделились от всех, что даже не можете осознать, что я люблю вас? Разве не бились мы с вами вместе против ирокезов, против французов и их дикарей, против зимней стужи, болезней, смерти? Неужели я утратила ваше расположение?.. Умоляю вас, если вы не хотите заставить меня страдать, берегите себя, берегите себя ради меня, возлюбленный мой. Перестаньте играть своей жизнью, потому что я умру, если еще раз потеряю вас, я умру!

Жоффрей поднялся с места и, раскрыв объятия, подошел к Анжелике. Она прильнула к нему, уткнувшись лбом в его плечо, и вновь обрела своего прекрасного заступника, в котором была сосредоточена вся ее жизнь, и вся растворилась, чтобы с острым блаженством ощутить его близость, тепло, его знакомый запах.

– Я тоже провинилась, – прошептала она. – Я усомнилась в вашей любви и искренности вашего чувства. Мне следовало незамедлительно признаться вам: «Да, я повстречала Колена...» Но я испугалась. Не знаю, чего именно. Вынужденная остерегаться подвохов, подлости, низости, которые движут поступками людей, я больше привыкла к молчанию, нежели к правде. Простите меня. Между нами такого не должно быть.

Обхватив ладонями, граф запрокинул прекрасную голову Анжелики, чтобы взглянуть в ее глаза и нежно поцеловать в губы.

– После стольких лет, стольких горестей, исковеркавших наши души и ранивших наши сердца, эта встреча неминуемо должна была оказаться болезненной. Перед началом новой упоительной любви мы по-прежнему опасаемся быть обманутыми. Еще не исцелившись от старых ран, мы вопрошали: докажет ли нам жизнь потрясшими нас порывами, упреками и сожалениями, что мы поистине предназначены друг другу судьбой? Тогда, в Тулузе, было торжество, ослепление. Но то было не древом, а всего лишь корнями любви, которой предстояло узнать свое истинное грядущее значение. Ну что же, теперь оно нам известно. Вдали друг от друга мы оба истекали кровью, не переставая в глубине наших сердец помнить, что мы связаны навеки. Теперь нам предстоит признать это и сказать друг другу. Возлюбленная моя незнакомка, которую я пока так и не смог полностью приручить, простите, простите меня...

С невыразимой нежностью Жоффрей целовал синяк на виске Анжелики.

– Моя новая любовь, моя вечная возлюбленная, моя молчаливица...

Анжелика запустила пальцы в его спутанные волосы и нежно прикоснулась к посеребренным вискам.

– Вы всегда умели говорить о любви. Искатель морских приключений и завоеватель Нового Света не убили в вас трубадура из Лангедока.

– Он далеко. Я больше не граф Тулузский.

– При чем тут граф Тулузский? Тот, кого я люблю, пират, пожалевший меня в Ларошели и напоивший чашечкой турецкого кофе, когда я умираю от холода. Тот, кто приказал стрелять в королевских драгун, чтобы защитить моих преследуемых друзей-гугенотов. Тот, кто, невзирая на их неблагодарность, внял моим мольбам и помиловал ларошельцев. Тот, подле кого я спала в лесной чаще и чувствовала себя в такой безопасности, какая бывает только в детстве. Тот, кто сказал моей дочурке: «Сударыня, я ваш отец...» Вы столь дороги

мне... Мне бы совсем не хотелось, чтобы вы остались безразличны к тому... к тому, что случилось. Мне необходимо каждое мгновение ощущать, что я поистине... принадлежу вам!

Чувственная связь, всегда столь сильная между ними, делала этот миг их безоблачного блаженства еще более головокружительным, их губы сливались в долгом страстном поцелуе, прерываемом лишь шепотом признаний.

– Чаровница! Волшебница! Разве можно от вас отречься? Но однажды я смогу навсегда завоевать вас...

Жоффрей де Пейрак огляделся:

– А теперь, сокровище моей души, что же нам делать? Здешнее население вытесняет нас. Мы приютили столько пиратов и потерпевших кораблекрушение, что теперь у нас нет даже собственного угла. Вы ведь уступили наши покои герцогине де Модрибур?

– Да, вот незадача! Но я действительно не знала, где устроить ее поудобнее, да и вы как раз покинули меня.

– Остается «Голдсборо», – решил граф. – В последние дни я ночевал там, чтобы немного отдохнуть и избежать искушения явиться в форт и чересчур легко простить вас.

– Вот уж эта ложная мужская гордость! Если бы вы вернулись, я бы с ума сошла от счастья. А ведь я столько плакала... Я была сама не своя. Вы чуть не погубили меня!

Он с силой сжал ее в своих объятиях. Анжелика взяла накидку.

– Я рада снова увидеть прекрасное верное судно «Голдсборо» и вашу полную драгоценных диковин каюту, где меня принимал Рескатор в маске и будоражил меня до такой степени... а я не понимала почему.

– И куда явилась эта чертовка Онорина, чтобы в доказательство своих прав на вас украсть мои бриллианты.

– Сколько же у нас общих воспоминаний!

Они вышли из хижины и в темноте принялись потихоньку спускаться в деревню, стараясь говорить вполголоса, чтобы не привлечь ничего внимания.

Точно тайные любовники, они опасались, что их узнают и им придется вернуться к исполнению своих обязанностей. Неожиданно, осознав свои опасения и принимаемые меры предосторожности, оба расхохотались.

– Нет ничего труднее, чем управлять людьми, – заметил Жоффрей. – Именно поэтому мы вынуждены прятаться в темноте, чтобы насладиться несколькими мгновениями близости.

В нескольких шагах позади них следовали испанцы, но мешали им не больше, чем привидения.

– Будем молить Бога, чтобы это были единственные наши сопровождающие и чтобы мы без затруднений смогли добраться до побережья, – шепнула Анжелика.

Глава V

Желанию Анжелики не суждено было сбыться. Когда они уже подходили к форту, от ворот отделилась женщина, видимо поджидавшая их, и бросилась к ним.

Это была Кроткая Мари, юная девушка из группы, прибывшей с герцогиней де Модрибур.

– Ах, сударыня, наконец-то! – в отчаянии воскликнула она. – Мы повсюду вас ищем... Моя госпожа умирает.

– Что вы такое говорите? Ведь совсем недавно я оставила герцогиню де Модрибур в добром здравии!

– Все произошло так внезапно. Она потеряла сознание, потом началась ужасная горячка. Сейчас она в бреду, очень беспокойна, и мы напуганы. Умоляю, сударыня, идемте со мной!

Анжелика повернулась к мужу. Ее охватила паника, результат изнуряющей усталости и нечеловеческого напряжения последних дней. Любое событие приобретало в ее глазах огромные размеры, ей казалось, будто весь мир сплотился, чтобы разлучить ее с возлюбленным. Теперь, когда они наконец объяснились после той чудовищной размолвки, она больше не желала, пусть даже ненадолго, расставаться с ним, пока они не отдохнут после пережитых страданий и не успокоятся в объятиях друг друга. В складках плаща она нащупала его теплую живую руку и уцепилась за нее.

– Да что же это? Не могу больше. Мне так хотелось наконец побыть наедине с вами, – совсем тихо добавила она, повернувшись к графу.

Он спокойно ответил:

– Пойдемте узнаем о самочувствии герцогини. Подозреваю, что все не так опасно. Если потребуется, дадите ей успокоительное питье, и мы сможем спокойно уйти.

В спальне царило чрезвычайное смятение. Петронилла Дамур, громко причитая, кружила по комнате. Дельфина дю Розуа и еще одна Королевская дочь, довольно проворная Антуанетта, пытались привести герцогиню в чувство. В углу усердно молилась Жанна Мишо; сидя подле матери, ее малыш задумчиво сосал палец.

Призванная на подмогу мадам Каррер с ворчанием заваривала какие-то травы.

Присутствие среди всех этих женщин очкастого секретаря выглядело неуместным. Поминутно натываясь на что-нибудь и всем мешая, он бесцельно бродил по комнате.

Зато прямо посреди комнаты неподвижно стоял солдат Адемар. Вокруг него растеклась лужа, потому что его непрестанно посылали то за горячей, то за холодной водой для компрессов. Тощий котенок, яростно шипя и оцетинившись, в поисках убежища вскарабкался на консоль.

Именно его Анжелика заметила прежде всего.

«Бедняжка, – огорченно подумала она, – с этими сумасшедшими он совсем захиреет».

Подойдя к кровати, она склонилась над распростертым телом герцогини. Та, кого она оставила спокойной и безмятежной, теперь и вправду пылала жаром. Не открывая глаз, она издавала какие-то странные бессвязные звуки.

Анжелика приподняла ей веки, увидела закатившиеся глаза и попыталась посчитать пульс, который едва прощупывался. Отметив про себя напряжение пальцев и рук, она, чтобы убедиться, что причиной этого вызывающего опасения состояния не является какое-нибудь внутреннее повреждение, откинула одеяло. Теперь она еще раз ощупала все тело, внимательно наблюдая за реакцией Амбруазины де Модрибур на ее прикосновения. Но та по-прежнему пребывала без сознания, и только из-под смеженных ресниц пробивался неподвиж-

ный смутный свет. Осмотр не вызвал у нее никакой дрожи или иного признака страдания. Анжелика попыталась согнуть ее ноги, тоже неподвижные. Пальцы на ногах были скованы судорогой и холодны как лед. Анжелика осторожно растерла их и ощутила, что напряжение в мускулах немного ослабло.

– Нагрейте кирпичи, – приказала она женщинам.

Не переставая растирать ноги герцогини, чтобы согреть их, Анжелика мысленно отметила их редкостную красоту. Судя по упругой атласной коже, госпожа де Модрибур очень заботилась о них.

Поглощенная тревожным состоянием больной, Анжелика не задумывалась о том, что молодая женщина лежит у всех на виду в одной лишь сорочке из тончайшего батиста, позволяющей наблюдать ее восхитительную наготу.

Внезапно в тишине раздался голос солдата Адемара.

– Вот что значит прекрасная женщина, – с видом знатока произнес он и покачал головой. – Определенно можно сказать, ладненькая бабенка, не так ли, господин граф?..

– Адемар, а ты как здесь оказался? – поинтересовалась Анжелика. – Я полагала, нынче вечером ты стоишь в карауле.

– Ну, это... Да меня за водой послали, – отвечал Адемар, – налетели на меня, ну, это... кудахчут... Как тут откажешь? Хотя недостойное это дело для военного... Но надо же дамочкам подсобить... особенно в такой поганой стране, как эта... Бедняжки! Кабы не я...

Анжелика аккуратно укрыла больную, которой как будто полегчало, хотя она все еще была без сознания.

– Думаю, вы правы, – обратилась она к мужу. – Это что-то вроде нервного припадка, безусловно, на почве слишком сильного страха, пережитого во время кораблекрушения. Дам ей выпить успокоительного снадобья.

– Питье готово, – подходя с плошкой в руке к постели больной, сообщила госпожа Каррер.

– Спасибо, милочка!

Сходив за своим мешочком, Анжелика быстро составила нужную микстуру.

И тут неожиданно в спальне раздался голос герцогини, сильный и отчетливый. Она произнесла:

– Расход воды равен k , константе, помноженной на корень квадратный $2gH$, где g – это ускорение силы тяжести, а H – высота падения воды... Но он ошибается, я уверена... Константа также зависит от силы трения...

Остальное потонуло в бессвязном мычании.

– Это еще что за тарабарщина? – в испуге воскликнул Адемар. – Может, кабалистические заклинания? Она хочет заколдовать нас?

– Господи, она снова бредит! – ломая руки, запричитала Дельфина.

На губах графа де Пейрака неожиданно заиграла загадочная улыбка.

– Она только что изложила теорему итальянского ученого-гидравлика, и я полагаю, вполне резонно откорректировала его формулу, – пояснил он. – Так что у вас нет причин так убиваться, барышня. Стало быть, вы не знаете, что ваша госпожа одна из самых ученых женщин мира, привыкшая в Париже участвовать в математических дебатах с профессорами Сорбонны?

Анжелика слушала его, не вполне понимая смысл столь поразительного сообщения.

Склонившись над Амбруазиной и подложив руку ей под голову, она попыталась приподнять ее, чтобы напоить. И вновь едва уловимый чарующий аромат, исходящий от густых черных волос герцогини, вызвал в ней странную тревогу. словно это было предупреждение.

«Что бы мог означать этот запах?» – задумалась она.

И тут же заметила, что глаза герцогини де Модрибур открыты и пристально смотрят на нее. Анжелика поняла, что больная пришла в себя, и улыбнулась ей.

– Выпейте. – Она поднесла плошку к губам герцогини. – Ну, пейте же, вам полегчает.

Госпожа де Модрибур с трудом приподнялась. После перенесенного припадка она выглядела совершенно разбитой. Обессиленная, она пила маленькими глотками, и Анжелике пришлось несколько раз подбодрить ее, чтобы больная смогла допить все. Потом Амбруазина закрыла глаза и снова откинулась на подушки. Но ей было лучше.

– Жар спадает! – объявила Анжелика, приложив руку ко лбу герцогини и почувствовав, что он уже не такой горячий. – Теперь можете не беспокоиться.

Она пошла вымыть руки и собрать свои снадобья. Спутницы госпожи де Модрибур взволнованно обступили ее.

– О сударыня, не покидайте нас, – умоляли они, – останьтесь здесь нынче ночью, чтобы понаблюдать за ней. Мы так беспокоимся за госпожу.

– Да нет, я же вам сказала, вы понапрасну тревожитесь.

Чрезмерная обеспокоенность всех этих женщин за свою попечительницу начинала надоедать Анжелике.

– Уверяю вас, она будет спать. И вы тоже отдохните, – посоветовала она. – Адемар, собирай свои ведра и откланивайся. Пойдем, проводишь нас до порта с фонарем.

Почему все эти люди, точно лианы, цепляются за них с Жоффреем, словно хотят парализовать? Наваждение какое-то.

Анжелика подошла к мужу. Он не спускал пристального взгляда с распростертого на кровати тела герцогини де Модрибур. Среди разметающихся по кружевным подушкам роскошных черных волос герцогини, чересчур тяжелых и обильных, ее спящее лицо словно бы уменьшилось и казалось совсем детским.

Анжелика вполголоса спросила:

– Вы идете?

Но Жоффрей де Пейрак, казалось, не слышал ее. Мысли Анжелики путались, у нее начиналась мигрень. Больше всего на свете ей сейчас хотелось уйти отсюда, бежать вместе с мужем. Это была острая потребность, в которой желание оказаться в его объятиях играло не самую значительную роль. То была насущная необходимость, вопрос жизни и смерти. Ей ни в коем случае нельзя было снова потерять его в этот вечер, иначе...

Анжелика ощущала, что нервы ее напряжены до предела.

– Сударыня, останьтесь, – не унимались женщины.

– А вдруг она умрет! – трагическим голосом воскликнула Дельфина дю Розуа.

– Да нет же!

Дамы плотным кольцом обступили ее.

– Останьтесь! Останьтесь! – заклинали они. – Сжальтесь, милостивая госпожа!

Их глаза выражали непритворный страх. Анжелику осенило: «Да они безумны!» Ища поддержки, она инстинктивно ухватила за руку мужа.

Он как будто пришел в себя, взглянул на нее, увидел бледное напряженное лицо и у всех на глазах обнял Анжелику за талию.

– Сударыни, будем благоразумны, – произнес он. – Госпожа де Пейрак тоже нуждается в отдыхе, и я увожу ее, нравится вам это или нет! Если же вас посетят какие-то опасения относительно вашей покровительницы, пошлите за доктором Парри. Он плохого не посоветует.

С этими словами, иронии которых дамы не могли оценить, граф де Пейрак чрезвычайно галантно простился с ними и вышел, увлекая за собой Анжелику.

Глава VI

– Эта герцогиня де Модрибур и ее люди меня утомляют, – заметила Анжелика, когда они покинули форт и спускались к берегу. – Она как будто всех их лишает рассудка. Знаете, я никогда не испытывала большего удивления, нежели впервые увидев ее. И почему я представляла ее себе полной престарелой дамой? Наверное, из-за ее титула герцогини, а вдобавок еще и попечительницы...

– А также из-за того, что знали, что она вдова герцога де Модрибура, несколько лет назад скончавшегося в преклонном возрасте. Если я не ошибаюсь, сегодня ему было бы далеко за восемьдесят... что, однако, не мешало ему быть супругом этой чрезвычайно красивой женщины, на каких-то четыре десятка лет моложе его...

– Ах вот оно что, теперь я понимаю! – воскликнула Анжелика. – Брак между феодальными владениями. То, через что в угоду своим семьям должны пройти многие совсем юные девушки, почти дети.

Вздвигнув, она прижалась щекой к плечу мужа.

– Помню, когда меня отправили в Тулузу, я тоже думала, что выхожу замуж за старика... чудище вроде Жиля де Рэ...

– Герцог де Модрибур недалеко от него ушел. Это был похотливый и бесстыжий развратник. Говорили, будто он отдавал на воспитание в монастырь хорошеньких девочек-сирот, чтобы, когда они подрастут, делать их своими любовницами или, если они были знатного происхождения, женами. Вероятно, они быстро наскучивали ему, ибо после смерти трех или четырех его жен поползли слухи, будто он отравил их. Молодой король на некоторое время даже удалил его от двора. Тем не менее Модрибур присутствовал на его бракосочетании в Сен-Жан-де#Люз. Но я отказался встретиться с ним... именно по причине вашей молодости и красоты. А еще до того он навещался ко мне в Тулузу, чтобы получить тайные заклинания для вызывания дьявола.

– Боже, какая ужасная история! К моменту королевской свадьбы он уже был женат на нынешней герцогине? Хотя нет, не может быть, тогда она была еще ребенком, бедняжка.

– Она вовсе не так молода, – насмешливо заметил граф. – Не думаю, что она совсем дитя. Герцогиня – человек огромного ума и исключительной образованности.

– Однако... можно подумать, вы с ней знакомы?! – воскликнула Анжелика.

– Только понаслышке. Она защитила в Сорбонне диссертацию по открытому господином Декартом методу исчисления бесконечно малых. Так как я старался быть в курсе развития науки в Европе, то услышал о ней. Мне даже довелось прочесть ее небольшой труд, в котором она ставит под сомнение не только выводы Декарта, но также законы гравитации Луны... Когда дуэнья Королевских дочерей упомянула имя их попечительницы, я не был уверен, что речь идет именно об этой женщине. Мне это представилось чересчур неправдоподобным. И тем не менее в Голдсборо действительно пожаловала одна из первых докторов *honoris causa* нашего времени.

– Не могу поверить... – пробормотала Анжелика. – Столько событий всего за несколько дней!

Они вышли на берег. Выдающийся далеко в море узкий дощатый настил во время прилива позволял без особых затруднений сесть в шлюпку. Им навстречу, высоко подняв фонарь, чтобы осветить путь, вышел Жак Виньо. Ночь была туманной, но не слишком темной. Невидимая из-за облаков луна изливала угрюмые лучи, которые мерцали на свинцовых волнах между скалами и рифами, словно таинственные светлячки. Эта игра смутного мимо-

летного свечения навевала тревогу. Летящие по небу клочья тумана напоминали чудовищ, блуждающих в ожидании чего-то неведомого.

Анжелика и Жоффрей уже подошли к молу, когда откуда-то издалека донесся совершенно отчетливый душераздирающий женский крик.

Он пронзил воздух и повис, будто бы исторгнутый нечеловеческим страданием, нескончаемой невыразимой мукой.

Казалось, его издала сама ночь из самой глубины черных туч, несущихся над ними.

Этот крик висел в бескрайней темноте, и ветер разносил и бесконечно раздувал его пронзительное эхо, и в этом вое билась и металась неизъяснимая боль, сопровождаемая хрипами дьявольской злобы и ярости.

Все, кто слышал этот леденящий кровь вой, остолбенели.

Адемар выронил фонарь, который вручила ему Анжелика. Его трясло так, что он никак не мог перекреститься.

– Дьяволица... Дьяволица... – бормотал он. – Она самая. Вы ведь тоже слышали, верно?

Даже закаленные в морях матросы были напуганы.

– Там происходит что-то неладное, – вглядываясь в темноту, произнес один из них. – Что скажете, ваше сиятельство? Какая-то женщина попала в беду?..

– Нет, это голос духа, – отвечал другой. – Мне ли ошибиться. То же самое я уже слышал у островов Дьявола, в заливе Святого Лаврентия... Правда, этот крик пришел не с моря...

– Да, скорее, из деревни, – согласился Пейрак, – я бы даже сказал – из форта.

Анжелика тотчас подумала о герцогине де Модрибур.

Подобный крик могла исторгнуть только грудь существа, испускающего дух. Внезапно, преисполнившись уверенности, что больная скончалась, не придя в сознание, Анжелика бегом бросилась к деревне, укоряя себя за то, что не проявила достаточно проницательности и оставила несчастную в ее смертный час.

Запыхавшись, она прибежала к форту и на фоне освещенного оконного проема увидела два темных силуэта.

– Что случилось? – окликнула она.

– Не знаю, – ответил голос Дельфины дю Розуа. – Вдали кто-то кричал. Это было ужасно. Мы до сих пор дрожим от страха.

Анжелика была озадачена.

– Но крик раздался из форта. Странно, что вам показалось иначе... Это не потревожило госпожу де Модрибур?

– К счастью, нет. – Кроткая Мари бросила взгляд назад, вглубь комнаты. – Слава богу, она спокойно спит.

– Ну что же, теперь закройте ставни и тоже отдохните. Возможно, какой-то лесной зверь попал в западню. Как бы то ни было, Мари, вам не следовало бы проводить столько времени на ногах. На сегодня вам и так довольно волнений! Быстро в постель, дитя мое, если хотите угодить мне.

– Слушаюсь, сударыня. Вы так добры, сударыня, – отвечала девушка внезапно дрогнувшим голосом.

– Спокойной ночи, сударыня, – приветливо попрощалась Дельфина.

Девичьи головы исчезли. Хлопнул тяжелый деревянный ставень.

Некоторое время Анжелика прислушивалась, не раздастся ли в темноте эхо того жуткого крика. Ей казалось, он еще звучит в воздухе вокруг нее.

«Кто может так страдать во тьме? – вопрошал ее внутренний голос. – Что за дьявольский суккуб бродит здесь?.. Я теряю рассудок! Своими бреднями *они* меня с ума сведут... Жоффрей!»

Тут Анжелика осознала, что она опять одна, и ее внезапно обуял страх.

– Жоффрей! – Теперь она кричала во весь голос. – Жоффрей! Жоффрей! Где вы?..

– Я здесь, – ответил голос поднимавшегося навстречу ей графа. – Ну что еще стряслось, душа моя? Что за страхи? Вы совсем расстроены...

Она бросилась к нему и судорожно сжала в своих объятиях.

– Ах, как же я вдруг испугалась! Умоляю вас, не будем больше расставаться нынче вечером, пожалуйста! Не то я умру!

Глава VII

И снова наступило утро, белесое, обложенное непроглядными туманами. И все же достаточно светлое и сияющее, чтобы с восходом солнца улетучились все ночные козни.

Облокотясь о бортовое ограждение, Анжелика и Жоффрей поджидали на «Голдсборо» прибытия шлюпки, которая должна была доставить их на берег.

Они не спешили. Им было хорошо вдвоем, туман окутывал их одиночеством и тайной, скрывая от посторонних глаз.

С невидимой земли до них доносились звуки бурлящей жизни колонии. Им предстояло вскоре ступить на твердую почву и снова взвалить на свои плечи груз возложенных ими на себя обязанностей. Но нынче утром их усталости как не бывало. Они ощущали себя счастливыми и полными сил, готовыми к этой напряженной жизни, отголоски которой достигали их ушей сквозь ватную и мутную завесу тумана. Перекликались возвращающиеся на берег рыбаки, слышался перестук плотничьих молотков по доскам, сваям, плотам. Переговаривались занятые своим делом женщины.

Голоса морских птиц и далекое воркование лесных горлинок перекрывали эти звуки, и ароматы жизни проникали сквозь туман, донося до них запахи очага, навоза, табака, рома, свежеспеленных деревьев, типичные для здешних фортов, смешанные с йодистыми испарениями моря и пьянящим смолистым дыханием леса.

– Надо бы мне помириться с местными дамами, – проговорила Анжелика. – Они не слишком покладисты, да и я тоже. Разумеется, мы непрестанно ссоримся. Но все же симпатизируем друг другу, и стычки только сближают нас. Эти женщины умны, они ценят новизну, которую я привношу в их жизнь, делая ее лучше. В гугенотках я всегда отмечала то, что в них, в отличие от большинства католичек, особенно крестьянок и простых горожанок, нет этого ощущения приниженности женской доли, этой бездумной покорности мужу или кюре.

– Вы и правда смогли избавиться от папистского влияния.

– Я вообще избавилась от чьего бы то ни было влияния, – со смехом заметила Анжелика, – кроме влияния вашей любви.

И обратила на него исполненный страсти взор. Стремительно промелькнувшие часы, эта волшебная ночь навсегда сохранятся в ее памяти как бесценный дар. Никогда не забыть ей слов, сказанных накануне, при первой попытке примирения, или позже, в слепом упоении любовных объятий. В сладостном полусне, в блаженстве ночных часов, когда их утолившие свою жажду и вкусившие улады тела еще трепетали, а свободный дух сбросил бремя мирских забот, они смогли наконец без стыда и с открытым сердцем говорить обо всем. Все эти слова навсегда пребудут в ее душе бесценным сокровищем, которым она не устанет восторгаться, припоминая каждое, чтобы вновь насладиться его нежностью и сладостью. Очень скоро наступит день, когда в этом воспоминании она будет черпать силы, необходимые, чтобы пережить суровое испытание.

В то мирное утро, пронизанное светом и теплом наступающего дня, Анжелика этого еще не знала. И лишь колдовская песнь, доносившаяся от Потерянной башни, вселяла в ее душу какую-то смутную тревогу. Анжелике хотелось не думать об этом. Она ощущала себя обновленной, даже какой-то другой, и с улыбкой смотрела в глаза мужчине, которого так сильно любила. Все в нем будоражило ее и делало счастливой.

Плеск воды возвестил о приближении шлюпки. Они подошли к борту, матрос открыл им створку. Стоя на коленях, другой разматывал веревочную лестницу.

– Бедный мой котенок, я совсем забыла о нем! – вспомнила Анжелика. – Надеюсь, кто-нибудь налил ему водички... и что герцогиня де Модрибур не скончалась. Теперь, когда все немного успокоилось, мне следовало бы навеститься к Абигель. Она скоро родит...

Они устроились в лодке, и матросы взялись за тяжелые весла, чтобы преодолеть несколько сажень, отделяющих их от берега.

– Заодно загляну к госпоже Каррер и попрошу ее подыскать достойное пристанище для герцогини, чтобы мы могли вернуться в наши покои в форте. Вы ведь останетесь? Я не перенесу, если вы снова покинете меня, будь то душой или телом... Время тянется так долго и томительно, когда я не знаю, где вы. Я готова целиком посвятить себя Голдсборо, но при условии, что вы будете поблизости... Что за судно вчера вечером вошло в порт?..

Пейрак покачал головой:

– Честно говоря, я всерьез опасаясь, как бы это не оказались люди, явившиеся сюда, чтобы разлучить нас, вынудив меня вновь для поддержания порядка бороздить Французский залив.

– Это англичане?

– Нет, французы. Губернатор Акадии господин де Вильдавре. Мне еще вчера вечером доложили, что он прибудет, но я поручил Колену и д'Юрвиллю его принять, потому что хотел посвятить себя вам, и только вам.

Шлюпка пристала к берегу. Анжелика тотчас заметила какое-то крошечное живое существо, отчаянно барахтавшееся среди выброшенных волнами водорослей.

– Что это? Краб? О боже, мой котенок! – воскликнула она. – Что он здесь делает, ведь он и без того еле живой!

Анжелика подхватила его на руки. Покрытый пеной и песком, с прилипшей к тонюсеньким косточкам шерсткой, он снова казался на последнем издыхании. Но, как и прежде, смотрел на свою спасительницу требовательным и благодарным взглядом своих золотых глаз.

– Можно подумать, он явился на берег, чтобы дожидаться меня; будто знал, что я вернусь сюда...

– Я тоже дожидался вас здесь вместе с этой зверушкой, – проскулил кто-то, и из тумана появился Адемар. – Вот еще незадача... Губернатор Акадии, что прибыл вчера вечером, говорит, что мы – я и другие солдаты, что прежде были в форте Святой Марии, – дезертиры. Грозится, что он передаст нас в военный трибунал, а того, кто нас сюда привез, отходил бы палкой.

– А, Дефур тоже здесь, – сказал Пейрак. – Похоже, будет скандал, ведь братья Дефур недолюбливают чиновников из Квебека. Кто там еще?

Из тумана выступили три-четыре силуэта. Колен, квартирмейстер Ванно, д'Юрвиль, Габриэль Берн. Им желательно, сообщили они, безотлагательно обсудить с господином и госпожой де Пейрак несколько вопросов, прежде чем прибывший накануне вечером неумный французский губернатор завладеет вниманием графа, засыпав его протестами и требованиями.

Колен уже вошел в курс дела. Он с такой компетентностью защищал интересы гугенотов в Голдсборо, что постепенно снискал себе их поддержку.

Он сообщил, что разработал два проекта, о которых уже одобрительно высказались как гугеноты, так и католики. Прежде всего это строительство небольшого форта с четырьмя угловыми башнями в означенном месте, а именно на реке Кайюгов, на полдороге между лагерем Шамплейна и портом Голдсборо. Именно по этой реке враждебно настроенные индейцы могли проникнуть к поселениям белых.

Здесь индейцами кайюгами год назад было совершено нападение на графа де Пейрака, с тех пор это место получило такое название. Чуть позже, осенью, там же, другим промыш-

ляющим грабежом племенем была похищена женщина и серьезно ранен мужчина. Индейцы соседней деревушки были убиты, а немногие выжившие бежали, бросив свои хижины.

Строительство там сторожевого и оборонительного форта, который защитил бы занятых мирным трудом местных жителей, стало насущной необходимостью особенно сейчас, когда следовало ожидать рыцарей в окрестностях воинственных племен ирокезов.

Второй проект касался возведения католической часовни на другом конце мыса, где собирались обосноваться новые колонисты с «Сердца Марии».

– Прекрасно, – одобрил граф. – Мы незамедлительно решим эти щекотливые вопросы, а для начала пойдемте-ка к госпоже Каррер, чтобы подкрепиться, отведаем ее похлебку из ракушек и горячее вино с корицей.

Он увлек Анжелику за собой к трактиру, откуда приятно пахло дымком. Остальные вместе с испанскими солдатами последовали за ними. Последним, уныло, точно за катафалком, тащился Адемар.

Анжелика, обеспокоенная тем, что котенка сотрясает дрожь, спрятала его под накидкой.

Поравнявшись с ней, Габриэль Берн отвел ее в сторонку:

– Простите, сударыня, всего одно словечко. Я предчувствую, что через несколько дней господину де Пейраку предстоит вновь отбыть в экспедицию по реке Святого Джона, и боюсь, что вы пожелаете сопровождать его... Поэтому мне бы хотелось попросить вас... Приближаются роды моей супруги... Я крайне обеспокоен. Одно ваше присутствие здесь могло бы утвердить нас в уверенности, что она счастливо разрешится от бремени...

– Не волнуйтесь, дорогой Берн, – ответила Анжелика. – Я ради этого и прибыла сюда и не покину Голдсборо, пока Абигель не произведет на свет своего младенца и полностью не оправится от родов.

Сердце ее сжалось, и она спросила:

– Вы правда полагаете, что мужу вскоре придется покинуть Голдсборо? Какие дела могут быть у него на реке Святого Джона?..

– Положение там чрезвычайно сложное. Некий Фипс, англичанин из Бостона, прибывший вместе с адмиралом Шеррилгэмом, нашел способ блокировать в реке суда важных особ Квебека. Губернатор Акадии с личным капелланом и несколькими молодыми смельчаками из своей свиты чудом прорвался и прибыл сюда просить помощи. Подобное столкновение может стать дополнительной причиной войны между двумя королевствами, и только он, ваш супруг, может этому помешать.

Берн кивнул в сторону входящего в трактир графа де Пейрака.

Солдаты встали в караул у дверей. Дон Хуан Альварес проследовал в трактир за графом. Ступив на твердую землю, он ни на шаг не отступал от него, ведя незаметное, но тщательное наблюдение.

Глава VIII

В главном зале трактира собрались дамы.

С тех пор как было основано это заведение, у женщин Голдсборо постепенно вошло в привычку ранним утром, когда дети уже проснулись, а мужа разошлись по делам, собираться здесь. В трактире они позволяли себе перекусить спокойно, свободные от необходимости обслуживать семейную трапезу, делились друг с другом новостями и советами. А затем каждая возвращалась к домашним делам.

Анжелика тотчас увидела госпожу Маниго; та поднялась и присела в легком реверансе.

Дети и подростки, чистившие рыбу над деревянной лоханью, тоже весело приветствовали вошедших. На обычно суровом лице госпожи Маниго играла непривычная улыбка.

Пейрак улыбнулся в ответ.

– Вижу, вы распаковали сундуки с фарфором, – заметил он. – Этот хрупкий груз было не так-то легко доставить из Европы, но Эриксон не пожалел соломы, так что, похоже, убытки не плачевные.

– Нет. Разве что ручка лиможской миски и несколько голландских изразцов. Но господин Мерсело пообещал все склеить.

Дамы принесли на стол кое-какие образчики фаянсовой посуды, вокруг которой в то утро велись все разговоры. Посуда представляла гораздо более захватывающую тему, нежели навязшие в зубах за последние дни разбой, сражения и повешения, предательства и кораблекрушения, раненые и убитые.

Всеобщему душевному покою способствовало присутствие, по всему виду, помирившихся графа де Пейрака и его жены.

Каждое семейство Голдсборо получило подарок: кто супницу, кто несколько тарелок или кувшин, кто корзину, большое блюдо – все это можно было повесить или поставить на посудную полку, чтобы придать скромному жилищу лоск.

– Ну, мы прямо как короли! – воскликнула госпожа Маниго. – С этого следовало бы начать. Вместо того чтобы судачить, открыли бы ящики сразу.

– А вы, душечка, успели рассмотреть свои подарки? – склонившись к Анжелике, поинтересовался Жоффрей де Пейрак.

– О нет, я не осмелилась...

Она почти не притронулась к угощению, мысли ее по-прежнему были заняты сообщением Берна. Жоффрей наблюдал за ней.

– Чем вы снова озабочены?..

– Я думаю о том, как некстати прибыл этот губернатор. Теперь вам придется отправиться во Французский залив?

– Посмотрим. Но по меньшей мере в ближайшие два дня я не покину вас, даже если всем этим господам из Канады будет угрожать неминуемая опасность остаться без скальпов или быть нафаршированными пулями. Я не юла, чтобы вертеться между всеми, кто попал в передрагу.

Его обещание успокоило Анжелику. Два дня... Целая вечность! Под любопытными взглядами ребятишек она напоила и накормила котенка, а затем побеседовала с госпожой Каррер о возможности переселить герцогиню. На краю деревни стоял дом, хозяин которого отправился вглубь материка торговать мехом. Вероятно, герцогине с ее свитой будет там тесновато, но на войне как на войне... Если отважился приехать в Канаду, следует быть готовым ко всему... Заодно Анжелика справилась, удалось ли привести в порядок одежду Амбруазины де Модрибур.

– Пока нет. Пришлось специально искать и подбирать нитки всех цветов радуги, чтобы починить ее яркие наряды... Знаете ли, в ее одежде есть что-то нечистое...

– Что вы хотите сказать?

– Пятна, прорехи...

– А как же иначе после кораблекрушения?

– Тут другое... Не могу я объяснить...

Уходя из трактира, Анжелика взяла с мужа обещание вернуться в форт хотя бы к полудню, чтобы они могли вместе отдохнуть, а также что он не отправится в военный поход, не предупредив ее. Он рассмеялся, повторил свои обещания и поцеловал кончики ее пальцев.

Однако Анжелике было беспокойно. Мысль о том, что она может снова потерять Жоффрея, пугала Анжелику, словно разверзшаяся под ногами пропасть, и ей никак не удавалось избавиться от этого видения.

Впрочем, когда она увидела, что солнце окончательно пробилось сквозь туман и под его лучами засияли дома Голдсборо из светлого дерева, поросшие изумрудной зеленью утесы, деревья, песчаные бухты, скалистые мысы – то синие, то лиловые или розовые, ее охватила радость. И Анжелика сказала себе, что она самая счастливая из женщин. Как бы там ни было, они преодолеют все преграды. Ничто не дается без борьбы.

Подходя к форту, Анжелика молила Небо, чтобы герцогиня достаточно оправилась и смогла переехать; ей хотелось остаться наедине со своим счастьем, со своим обновленным сердцем. Ее одолевало желание рассмотреть содержимое доставленных на «Голдсборо» ящиков. Она лишь наспех заглянула в них в поисках платья, в котором могла бы появиться – как знать – на казни Колена. Чудовищное воспоминание, но оно лишь подчеркивает ее сегодняшнее спокойствие! Она устроит уютное гнездышко для котенка, и он быстро пойдет на поправку, как только обретет главное: кров, человеческое тепло, немного пищи.

Поднимаясь по внутренней лестнице форта, Анжелика услышала резкие голоса. Кто-то яростно спорил. Затем из покоев, сложившись почти вдвое, чтобы не стукнуться и так уже покалеченным лбом о притолоку, вышел долговязый капитан Джоб Саймон. Втянув голову в плечи, словно придавленный тяжелой ношей, а потому напоминавший горбуна, он бросил на Анжелику мрачный взгляд:

– Ну и ну! Мало того что я потерял свой корабль, так меня еще и оскорбляют. Вы полагаете, это справедливо?..

Откровенно безобразное лицо капитана, вдобавок с утра покрытое седоватой щетиной, украшали добрые серые глаза: затененные густыми бровями, они делали его похожим на грустного пса, выпрашивающего капельку ласки.

– Вы спасли своего единорога, – сказала Анжелика, чтобы подбодрить его, – разве это не добрый знак, не счастливое предзнаменование?

– Ну, согласен. Но его надо бы позолотить. Где я найду здесь сусальное золото? Оно легче дыхания, а стоит дорого. Да, не скоро доведется мне опять приладить единорога на нос корабля. Я разорен. А меня еще и упрекают.

– Между нами, капитан, разве вы ничуть не виноваты? Вам следовало идти в Квебек, а вы умудрились заплутать в наших широтах!

Казалось, замечание Анжелики поразило морского волка, он задумчиво взглянул на нее и сокрушенно вздохнул:

– Допустим... Но в кораблекрушении моей вины нет.

– А чья же?

– Этих чертовых береговых разбойников, тех, что размахивали на берегу своими фонарями, чтобы заманить нас на эти треклятые скалы.

Внезапно он как будто опомнился.

– Что вы там говорили про моего единорога? Может, я смогу позолотить его? Это мысль!.. Мой отец был золотильщик. Я немного знаком с этим ремеслом... Только бы найти золото. А где прикажете искать сусальное золото в этих проклятых краях, где одни дьяволы да морские разбойники!..

– Как знать, авось найдем! Разве вы не знаете, что золото – это по части дьявола?

– Не надо так шутить, сударыня! – воскликнул Адемар, который шел за ней следом.

Капитан неистово осенил себя крестным знамением, однако не преминул добавить:

– Тем хуже! Тем хуже для дьявола. Если вы найдете сусальное золото для моего единорога, я ваш по гроб жизни! Заранее благодарю, сударыня! Хотя бы вы добры ко мне.

И он ушел, заметно повеселев.

Котенок выбрался из рук Анжелики и принялся обнюхивать дверь.

– Смотри, чтобы он опять не сбежал... Лови его, Адемар! Почему ты постоянно за мной ходишь, бедный мальчик?

– А думаете, охота быть повешенным, как мне пообещал губернатор Акадии!.. А еще мне надобно рассказать вам мой сон. Я видел ангела, но он был красный, весь красный, с головы до ног. Как-то ненормально для ангела...

Анжелика вошла к себе в спальню. Котенок по-хозяйски проследовал за ней. Хвост трубой, он напрямик подошел к пожалованному ему накануне толстому одеялу, устроился на нем и принялся старательно вылизывать свою шерстку.

Глава IX

Амбруазина де Модрибур в черном бархатном платье с кружевным воротником сидела подле окна. Темный наряд еще подчеркивал ее бледность и придавал ей сходство с сиротой-инфантой. Скрестив руки на коленях, она, казалось, была погружена в глубокие раздумья. Камеристки старались не нарушать царившую в комнате тишину.

При появлении Анжелики герцогиня быстро подняла голову. Движения ее отличались изяществом, но в них ощущалась не лишенная очарования природная порывистость, что придавало Амбруазине еще более юный вид.

— А, вот и вы, сударыня, — промолвила она. — Я вас ждала. Боже, как же я вас ждала! Ну наконец-то!..

В ее глазах сияла едва сдерживаемая радость.

— Вы поднялись с постели, — отвечала Анжелика, — и я надеюсь, оправились от своих недугов? Хорошо ли вы спали? Впрочем, вы по-прежнему очень бледны.

— Ничего страшного. А я как раз размышляла о том, что чересчур докучаю вам и господину вашему супругу, заняв ваши личные покои. Теперь я могу переселиться, хотя все еще чувствую себя разбитой. Капитан Саймон только что сообщил мне, что наше судно пропало вместе со всем, что было на борту. Никакой надежды найти его. Однако, подписав переводные векселя, я смогу найти корабль, который наконец доставит нас с девушками в Квебек.

— Не стоит так поспешно говорить об отъезде, сударыня, — запротестовала Анжелика, помнившая о планах относительно Королевских дочерей. — Ни вы, ни они еще окончательно не окрепли.

— В таком случае мне не хотелось бы стеснять вас в вашем доме. Меня устроит любая лачуга. Отправляясь в Новую Францию, я отнесла отсутствие комфорта к числу жертв, которые готова принести во славу Господа. Суровые условия жизни меня не страшат.

— Мы разместим вас поблизости от ваших девушек, — сказала Анжелика. — Вопреки вашему стремлению испытать все тяготы жизни, я позабочусь о том, чтобы вы ни в чем не нуждались.

Она ощутила огромное облегчение, услышав, что герцогиня де Модрибур сама тактично предлагает освободить покои в форте. Хотя эта молодая женщина была несколько странновата, она тем не менее получила блестящее образование и усвоила прекрасные манеры, как воспитанная в монастыре девушка из знатного семейства. Более того, казалось, ее действительно заботили чувства и благополучие других.

Амбруазина едва заметно улыбнулась Анжелике и указала на свое платье:

— Вот еще за что я должна просить вашего снисхождения. Видите, сколь я бесцеремонна. Не зная, во что одеться, я позаимствовала у вас это платье.

— Вы могли бы выбрать более подходящее, — вырвалось у Анжелики. — Это не идет к вашему цвету лица. В нем вы похожи на сиротку из монастырского пансиона.

— Но это так и есть, — рассмеявшись, будто слова Анжелики ее позабавили, заметила герцогиня. — Разве я вам не говорила? Я сирота, — добавила она просто, чуть понизив голос.

Анжелике вспомнились полученные от Жоффрея де Пейрака сведения относительно брака этой молодой особы со стариком, и она испытала нечто вроде жалости и угрызений совести. Она, возможно единственная, под маской очень уверенной в себе женщины разглядела в герцогине де Модрибур, которая была, судя по ее репутации, не только дамой ученой, но и искушенной в делах, что-то детское и надломленное. Анжелика ощутила желание оберегать и защищать ее, заставить Амбруазину позабыть о лишениях, которые той довелось испытать.

— Я подышу вам наряд повеселее.

– Нет, прошу вас, – возразила герцогиня, покачав головой, – позвольте мне, пожалуйста, носить траур по тем несчастным, что два дня назад умерли ночью без причастия. Какое страшное несчастье! Непрестанно думаю об этом.

И она закрыла лицо руками.

Анжелика не настаивала. Эти люди, прибывшие из Европы, еще не вошли в ритм здешней жизни. Она заметила, что, хотя сердца местных старожилов не ожесточились, они привыкли к жизненным неурядицам. Опасность смерти стала такой обыденностью, что они скоро свыклись с ней.

Молодые женщины и Петронилла Дамур держались так, будто готовы были покинуть спальню по первому требованию своей госпожи. Они прекрасно все убрали и вымыли и казались спокойными и полностью оправившимися от вчерашних волнений. Секретарь в очках заканчивал свою писанину, сидя у стола, за которым обычно работал Жоффрей. Он воспользовался принадлежавшим хозяину девственно-чистым пером альбатроса, и это инстинктивно не понравилось Анжелике, хотя, если подумать, у потерявшего все бедняги не было выбора. Арман Дако, секретарь герцогини де Модрибур, был человеком без возраста. Легкая полнота и несколько педантичная чопорность, должно быть, обеспечивали ему почтение простого люда. По необъяснимой причине Анжелике он был несимпатичен. Несмотря на его любезное обхождение и добродушие, у нее сложилось впечатление, что этот человек не в ладах с самим собой и своим положением. Впрочем, возможно, ей только так казалось. В любом случае должность секретаря при знатной особе, требующая одновременно столь противоположных качеств, как раболепство и наглость, не способствовала формированию особенно яркой личности.

– Господин Арман подсчитывает наши убытки, – пояснила госпожа де Модрибур.

Хотя Амбруазина выразила готовность переехать, она продолжала сидеть, сложив руки на коленях. Анжелика заметила, что ее пальцы перебирают самшитовые четки.

– Не интересовался ли мною кто-нибудь из высшего духовенства? – неожиданно спросила герцогиня.

– Здесь?! – воскликнула Анжелика. – Но, сударыня, мы находимся вдалеке от всех городов, разве я вам этого еще не говорила? Разумеется, в Акадии есть несколько странствующих иезуитов, капелланы некоторых концессий или военных фортов...

Она умолкла, пораженная внезапной мыслью.

Амбруазина де Модрибур оживленно проговорила:

– Мой духовник письмом предупредил о моем прибытии церковные власти Новой Франции. В частности, один господин из Общества Иисуса уже должен был быть уведомлен, что я стала жертвой кораблекрушения у побережья Мэна, и прибыть сюда, дабы мы обрели опору в нашей святой вере.

– Их здесь немного, а расстояния значительные, – в задумчивости ответила Анжелика. Казалось, герцогиня к чему-то прислушивается.

– Здесь не слышно колоколов... – прошептала она. – Как же узнать время?.. Я бы хотела присутствовать на святой мессе, но мне сообщили, что здесь даже нет церкви.

– Скоро у нас будет часовня.

Анжелика была признательна Колену, что он дал ей возможность, *in extremis*, объявить об этом.

– Как же вы здесь живете, не имея возможности присутствовать на мессе Господней? – спросила молодая попечительница, с искренним удивлением глядя на Анжелику. – Говорят, у вас нет даже капеллана. Значит, все эти люди живут и умирают, как скоты, без святого причастия.

– Здесь есть пастор...

– Протестант! – в ужасе воскликнула герцогиня. – Еретик!.. Это еще хуже. Разве не сказано в Писании: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что такой развратился и грешит, будучи самоосужден»².

– Ну что же, – с некоторым раздражением ответила Анжелика, – но не забывайте, что наша «развращенность» сохраняет в нас, жителях Голдсборо, способность сострадать нашим ближним, что в конечном счете и есть первая заповедь Нового Завета. Что бы ни говорил ваш знаменитый кормчий Джоб Саймон, мы не береговые разбойники и сделали для вас все, что в наших силах.

Не переставая беседовать с Амбруазиной, Анжелика ходила по спальне, расставляя вещи по местам. Что же за странная мысль посетила ее совсем недавно, когда герцогиня заговорила о высшем духовенстве?

Что-то поразило ее как молния. Что-то очень важное... Теперь она не могла вспомнить.

Анжелика открыла ящик с пистолетами и осмотрела содержимое футляра. При мысли о внимании Жоффрея по отношению к ней у Анжелики потеплело на сердце, и она отвлеклась от досады, причиненной словами герцогини. Она ощущала на себе пристальный и любопытный взгляд Амбруазины.

– Вы носите оружие, – нарушила та молчание. – Поговаривают даже, будто вы отменно стреляете?

Госпожа де Пейрак живо обернулась к собеседнице.

– Решительно вы знаете обо мне слишком много! – воскликнула она. – Порой мне кажется, что не случай привел вас сюда...

Госпожа де Модрибур вскрикнула, словно была поражена в самое сердце, и вновь закрыла лицо руками.

– Что вы такое говорите? Как это – не случай? Что же тогда, если не случай? – срывающимся голосом проговорила она. – Я не могу верить, что это Провидение, как надеялась еще вчера. Но я понимаю весь ужас того, что обрушила на нас судьба. На всех этих несчастных, погибших, утонувших, искалеченных вдали от родных краев. Мне кажется, их проклятие вечно будет тяготеть надо мной... Ах, если не случай привел нас к здешним берегам, тогда что? Значит, боюсь, сам Сатана... Сатана... О боже! Где найти силы, чтобы противостоять ему...

Казалось, ей пришлось сделать усилие, чтобы овладеть собой.

– Простите меня, сударыня, умоляю, – тихо промолвила герцогиня. – Я чувствую, что оскорбила вас своими вопросами и замечаниями относительно вашей жизни рядом с еретиками. Я чересчур несдержанна, и меня частенько упрекают в том, что я слишком прямолинейно высказываю свое мнение. Такова уж я. Я мыслю логически и не прислушиваюсь к голосу сердца. Разумеется, вы правы, я это понимаю. Какое имеет значение, есть тут часовня или нет? Что такое обряд без доброты? «Если я говорю языком человеческим и ангельским, а любви не имею, то я – медь звенящая... Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто...»³ Так говорил святой Павел, наш общий учитель... Дорогой друг, простите ли вы меня?

Ее прекрасный взор, в котором сиял свет умиления, омрачила тень страдания. Слушая герцогиню, Анжелика размышляла о двойственности натуры этой столь одаренной и столь незащитной женщины. Казалось, строгое религиозное воспитание в сочетании с отвлеченными занятиями наукой обрекли ее на существование вне реальной жизни, в атмо-

² Послание к Титу святого апостола Павла, 3: 10–11.

³ Первое послание к коринфянам святого апостола Павла, 13: 1–2.

сфере мистической экзальтации. Разумеется, ее место в Квебеке, у епископа, среди иезуитов и монахинь, а не на вольных берегах Голдсборо, куда забросила ее судьба.

Суровая Америка не пощадит подобной хрупкости. И вновь Анжелика испытала чувство жалости к Амбруазине.

– Я не сержусь, – сказала она. – И охотно вас прощаю. Вы вправе справляться о тех местах, где находитесь, и образе жизни тех, кто оказывает вам гостеприимство. Конечно, я тоже несдержанна и не раздумывая говорю все, что у меня на уме. У вас нет причин волноваться. Иначе вы снова занедужите.

– Ах, я так измучена, – прошептала герцогиня, проведя рукой по лбу. – Здесь мне не по себе. Эта жара, этот непрестанный ветер, этот идущий от моря запах соли и серы, душераздирающие крики птиц, непрерывно носящихся в воздухе, точно мятущиеся души... Я бы хотела вам поведать, что произошло со мной нынче утром, но вы станете смеяться.

– Нет, не стану. Расскажите!..

– Мне явился Сатана, – очень серьезно начала герцогиня. Присутствующие принялись в ужасе осенять себя крестным знаменiem. – Впрочем, это уже не в первый раз; однако сегодня он явился в весьма необычном обличье: он целиком был красным...

– В точности как мой ангел! – воскликнул Адемар, обожавший подобные откровения и, казалось, даже провоцировавший их.

– Красный и безобразный, – продолжала герцогиня. – Он ухмылялся, был взъерошен, аки зверь, волосатый и смердящий... Я едва успела перекреститься и произнести слова молитвы... И он вылетел в каминную трубу.

– В трубу?..

– Мой ангел тоже! – тут же в восторге выкрикнул Адемар.

– Мне известно, – продолжала герцогиня, – что Сатана может принимать любую наружность и что он предпочитает красное и черное... Но на сей раз я была особенно напугана. Я теряюсь в догадках: что может предвещать это новое обличье, которое избрал дьявол, чтобы поколебать мою веру? Какие-то несчастья, муки, новые искушения... Теперь вы поймете, почему я жаждала получить поддержку опытного священника, если бы таковой обнаружился в здешних местах, – закончила она дрожащим вопреки ее воле голосом.

– Капеллан «Бесстрашного» уже отбыл, но возможно, отец Бор еще здесь. Он францисканский монах, капеллан господина де Сен-Кастина из форта Пентагоет.

– Францисканский монах, – как будто оскорбилась герцогиня, – нет, слишком ничтожно...

Анжелика тем временем разглядывала очаг, через который, по словам госпожи де Модрибур, исчез князь тьмы. Там лежала зола, потому что, несмотря на теплые июльские ночи, для больной разводили огонь. Накануне Анжелика собственноручно подбросила туда вязанку хвороста, чтобы пламя разгорелось пожарче и уцелевшая в кораблекрушении страдальца ощутила благотворное успокоение.

Приглядевшись, Анжелика различила след босой ступни. В очаге витал вполне ощутимый запах, Анжелике он был знаком. «Какой-то дикарь, который проник сюда со свойственной им бесцеремонностью!.. Вероятно, он искал меня. Кто бы это мог быть?»

Происшествие напомнило ей проникновение посланца ирокезов Тахутагета в лагерь Катарунка, в самую гущу их врагов, абенаков, для встречи с Пейраком. Несмотря на воспоминание об ирокезах, военные отряды которых снова стали угрожать краю, Анжелика как будто успокоилась и даже обрадовалась.

– Думаю, ты оказался прав, – со смехом обратилась Анжелика к Адемару. – Скорее всего, это ангел.

– Полагаю, мое видение вы всерьез не принимаете, – обиделась герцогиня де Модрибур.

– Что вы, сударыня! Я убеждена, что вы видели что-то... или кого-то, но не думаю, что это был дьявол. Взгляните на Адемара! Вот простая душа! Потому-то его восприятие сверхъестественного достаточно верно!

Между тем кто-то из всех сил барабанил в дверь. Пришли сыновья госпожи Каррер, посланные матерью, чтобы помочь герцогине де Модрибур собрать вещи и сопроводить ее в новое жилище.

Румяные лица этих мальчиков и подростков, задубевшие от морского воздуха и вольного ветра, овевавшего их во время охоты, рыбной ловли и привычного с детства тяжелого труда, были прелестны. Они действовали уверенно, как положено людям, самостоятельно распоряжающимся своей жизнью и далеким от сложностей общества, задушенного многовековым соблюдением приличий, столь же мелочных, сколь и бессмысленных.

– Где ваши вещи? – осведомились они.

– Их нет, – вздохнула герцогиня. – Господин Арман, вы закончили со своей писаниной?

Секретарь присыпал листки песком, глубоко вздохнув, свернул их в трубочку и поднялся со стула.

И вся компания принялась спускаться по деревянной лестнице форта.

Несмотря на заверения герцогини, твердившей, что она великолепно себя чувствует, Анжелика подхватила ее под руку, чтобы поддержать. И правильно сделала, потому что, дойдя до последних ступенек, Амбруазина де Модрибур снова лишилась чувств.

И на то у нее были все основания.

В дверях, преграждая им путь, во всем своем величии стоял Пиксарет, вождь патсуикетов, Пиксарет – Крещеный Великан, Великий Воин Акадии.

Без сомнения, именно он утром бесцеремонно явился во всей своей красе перед невинными и неискушенными очами вновь прибывших. Ничего удивительного, что дамы решили, что это дьявол.

Нынче облик его внушал особый ужас. Прикрытое лишь набедренной повязкой, все его тело с головы до ног было разрисовано темно-красными, алыми и лиловыми разводами, которые замысловатыми спиралями и завитками обегали вокруг грудных мышц, выступающих бедер, колен, щиколоток, плеч и предплечий, а также пупка. Нос, лоб, подбородок и скулы тоже подверглись подобной раскраске, что делало лицо индейца похожим на маску заживо освежеванного, на которой ослепительно сверкала живая улыбка и пронизательные и насмешливые глазки хищного зверька.

Анжелика поспешила признать его.

– Пиксарет, – воскликнула она, – как я рада тебя видеть! Пожалуйста, заходи, располагайся в этом зале, по соседству. Я прикажу, чтобы тебе принесли прохладное питье. Жером и Мишель с тобой?

– Они здесь, – объявил Пиксарет, отставив копье, чтобы пропустить неразлучных друзей.

Это новое пополнение в перьях и боевой раскраске доконало Королевских дочерей и их попечительницу. Однако госпожа де Модрибур повела себя с похвальным мужеством. Все же она отличалась огромным самообладанием. Было очевидно, что даже сам дьявол не заставил бы ее утратить чувство собственного достоинства перед лицом порученных ее попечению простых девушек.

Даже когда Пиксарет подошел к ним и решительно положил свою лоснящуюся руку на плечо Анжелики, герцогиня и глазом не моргнула.

– Ты ждала моего прихода и не сбежала. Это хорошо, – похвалил Анжелику Пиксарет. – Ты не забыла, что я твой хозяин, потому что во время боя положил руку тебе на плечо.

– Я бы не посмела забыть об этом. Да и куда мне, по-твоему, бежать? Присаживайся! Давай поговорим.

Анжелика провела неожиданных гостей в центральный зал со столом и табуретами, а затем вернулась к французенкам, которые наблюдали за происходящим с широко раскрытыми глазами, хотя постепенно успокаивались.

– Это великий индейский вождь, – охотно пояснила она. – Видите, это не дьявол. Наоборот, он католик, да к тому же ревностный. Искренний приверженец Святого Креста и иезуитов. Его спутники – воины, и тоже крещеные.

– Первые дикари, которых мы видим! – прошептала Амбруазина. – Какой волнующий момент...

Дамы все с тем же чувством страха и отвращения издали рассматривали троих краснокожих. А индейцы тем временем, с любопытством озираясь по сторонам, шумно рассказывались вокруг стола.

– Однако вид у них отвратительный и пугающий, – снова заговорила герцогиня. – К тому же от них дурно пахнет...

– Ничего, можно привыкнуть. Это всего лишь жир медведя или нерпы, они смазывают им свои тела, чтобы зимой защититься от холодов, а летом – от moskitov. Нетрудно привыкнуть. Я думаю, нынче утром в полусне вы и приняли за дьявола нашего Пиксарета.

– Да... пожалуй... наверное... Но как он осмелился без приглашения проникнуть в ваши покои?

– С ними все возможно. Дикари совершенно беспардонны и чрезмерно кичливы. К тому же они ничего не смыслят в правилах приличия, принятых среди белых. Так что сейчас я вынуждена вас покинуть, чтобы заняться ими, не то они будут оскорблены... Страшно оскорблены.

– Разумеется, милочка. Я понимаю, что следует угождать этим дикарям, за спасение которых мы в наших монастырях возносим свои молитвы. И все же они ужасны. Как вы можете сохранять с ними свой веселый нрав и терпеливо сносить их прикосновения?

Анжелику забавляла настороженность герцогини.

– Зато они очень смешливы, – сказала она. – Их следует уважать и смеяться с ними вместе. А большего они и не требуют.

Глава X

Пиксарет угостился виргинским табаком и отказался от пива и с еще большим негодованием – от водки.

– Демон опьянения – худший из всех: он забирает нашу жизнь, он влечет к преступлениям и лишает нас рассудка.

– Ты говоришь, как Мопунтук, вождь металаков из верховий Кеннебека. Он открыл мне свойства родниковой воды.

– Родниковая вода передает нам силу предков, погребенных в землях, по которым она протекает.

Анжелика послала за самой свежей ключевой водой, какую только смогут сыскать.

Пиксарет внезапно впал в задумчивость.

Неужели великому абенаку, союзнику французов и их духовных вождей, иезуитов, было не по себе в поселении Голдсборо? Быть может, несмотря на личную независимость, он почувствовал неловкость из-за того, что пробрался в почти английское поселение с целью получения выкупа за пленницу, которую не мог бы даже обратить в христианскую веру, поскольку она и так была католичкой?

Желая угодить гостю, Анжелика заверила его, что здесь он и его воины найдут лучшее железо для своих томагавков. А если ему нужен жемчуг, то специально для него, великого вождя, господин де Пейрак приберег голубые и зеленые жемчужины, из тех, что он заказывает в Персии. К тому же раковины, которые он предложит ему, важному сагамору, во время переговоров, не обычные, подобранные на берегу, а настоящие каури из Индийского океана. Эти редкие в Америке раковины веками доставлялись сюда на каравеллах ост-индских компаний и использовались как деньги. Из них делали самые прекрасные украшения, и далеко, за теплыми морями, ходили легенды о драгоценных уборах никогда не выдавших белого человека вождей сиу, которые горделиво обвешивались связками этих раковин, выловленных в морях, о существовании которых они даже не подозревали. Жером и Мишель очень заинтересовались. Их глаза алчно горели, однако Пиксарет резко прервал Анжелику, сказав, что не подобает пленнице обсуждать собственный выкуп и что он сам обсудит его с Текондерогой, Человеком Громом.

– Ты хочешь, чтобы я отвела тебя к нему? – предложила Анжелика, почувствовав перемену в его настроении.

– Нет, я сам сумею найти его, – не допускающим возражений тоном заявил Пиксарет.

Что вдруг на него нашло? Сказать, что Пиксарет, этот весельчак, этот шутник, вдруг проявил озабоченность, означало ничего не сказать. Суровое и чрезвычайно глубокое раздумье, которое можно было прочесть в его черных, как ежевика, глазах, придавало его пестро размалеванной физиономии, внезапно застывшей и словно окаменевшей под сетью переплетающихся узоров, угрожающие черты. Он принялся озираться вокруг, однако на сей раз без любопытства, а подозрительно, и словно бы к чему-то принохивался. А потом прикоснулся кончиком пальца ко лбу Анжелики.

– Над тобой опасность, – прошептал он. – Я знаю, я чувствую.

Его заявление вновь пробудило в Анжелике чувство тревоги.

Ей не нравилось, когда дикари или блаженные, вроде Адемара, выкладывали свои тайные предчувствия. Слишком близки они были к истине.

– Какая опасность, Пиксарет, скажи мне, – попросила она.

– Не знаю.

Он встряхнул косицами с вплетенными в них лисьими лапами.

– Ты крещеная? – спросил он, вперив в нее взгляд иезуитского исповедника, что в сочетании с его раскрашенной физиономией выглядело совершенно нелепо.

– Разумеется. Я тебе уже говорила!

– Тогда моли Пресвятую Деву и святителей. Это все, что ты можешь сделать. Молись! Молись! Молись! – с важным видом твердил он.

Поднеся руки к салным волосам, он порывался в них, вытащил одно из своих многочисленных украшений – крупные четки капуцинского монаха, оканчивающиеся деревянным крестом, – и надел на шею Анжелики. После чего троекратно благословил ее, произнеся сакральную формулу:

*In nomine Pater, Filius et Spiritus Sanctus...*⁴

Потом вскочил на ноги и схватил копье.

– Поторапливайтесь, – рявкнул он своим спутникам. – Мне надо отправиться в путь, пока ирокезы не разбрелись по нашим лесам. Лето выгоняет этих койотов из их вонючих нор. Теперь, когда мы покончили с англичанами, нам пора завершить справедливое дело, чтобы угодить французам, нашим братьям во Христе, и исполнить волю наших возлюбленных отцов, Черных Сутан. Иначе нас опередят демоны, что рыщут вокруг. Мужайся, сестра моя. Я должен покинуть тебя. Но помни, что я сказал. Молись! Молись! Молись!

С этими торжественными заклинаниями он исчез в несколько прыжков. Двое его приспешников бросились следом. В помещениях форта еще некоторое время витал их первобытный запах.

Напуганная Анжелика с тревогой размышляла о причине столь резкой перемены в настроении Пиксарета.

Что-то в Голдсборо не понравилось ему.

С какой стати он вдруг опять подтвердил свои дружеские чувства к французам и Черным Сутанам? А его намек на англичан пробудил у Анжелики болезненное воспоминание о резне, невольной свидетельницей которой она недавно стала.

Ураган, пронесшийся над ними с Жоффреем, бой с пиратами и его исход, неожиданное прибытие Королевских дочерей, а также французской знатной дамы со всеми сопровождающими этому событию неудобствами не могли заставить Анжелику забыть о том, что в нескольких милях к западу, где-то за фиалково-голубой кромкой моря и розовыми холмами Пустынных гор, по-прежнему разыгрывается кровавая драма. Индейские племена, лавиной хлынув из лесов и обрушившись на поселения белых колонистов, убивали, грабили, жгли, снимали скальпы.

Анжелика подумала о встреченных ею беженцах из прибрежных английских поселений, укрывшихся на многочисленных островах залива Каско и спешно организовывавших их оборону, пока ребятишки под присмотром старших плескались в бухтах среди тюленей.

Неужели и там их настигли флотилии индейцев? Живы ли они еще?..

В сравнении с ужасами, возможно в этот самый момент происходившими с ними, свобода и относительное спокойствие жизни в Голдсборо и его ближайших окрестностях представлялись каким-то чудом.

Подобным чудом колонисты были обязаны силе влияния графа де Пейрака, умело использующего союз с бароном де Сен-Кастинем, соседними индейскими племенами, а также свою договоренность с французскими колонистами в Акадии и торговцами английских концессий.

Оказавшись в Голдсборо, человек попадал в другой мир. Здесь, несмотря на внутренние распри или схватки с пиратами, случайно заплывшими в эти воды, можно было чув-

⁴ Во имя Отца и Сына и Святаго Духа (лат.).

ствовать себя в определенной безопасности, защищенным невидимыми границами, которые отныне воздвигало на тысячи миль вокруг одно лишь упоминание еще вчера неизвестного имени французского графа де Пейрака, нынче ставшего богатым, независимым от королей, щедрым. В Голдсборо, несмотря на близкую угрозу войны, можно было избирать губернатора, заниматься торговлей, принимать то теологов из Бостона, то представителей Квебека.

Возбуждение, бурлящее в форте, было кипением жизни. Склады наполнялись доставленными товарами, добычей с «Сердца Марии», обсуждались будущие браки, строительство церкви, новые коммунальные или муниципальные законы.

Волей и умом одного-единственного человека, с помощью верного, несмотря ни на что, и решительного, хотя и разношерстного, люда, здесь закладывалась основа маленького свободного государства, свободного от насилия и произвола далеких монархий Франции и Англии. Новое государство заботилось лишь о созидании, о плодородности почвы, об укоренении в этой почве будущих поколений.

Не потому ли стекались в этот свободный порт, чтобы просить убежища или справедливости, все те, кто опасался за свою жизнь или права?

Но не заставляла ли столь необычная и чудесная ситуация задуматься о ее шаткости? Реальность, неожиданно созданная усилиями и напористостью колонистов, оставалась чересчур ненадежной.

Возможно, предстоящее короткое и жаркое лето станет для всех них моментом истины. Что оно принесет: поражение или победу?

Анжелика поднялась к себе.

Она ощущала какое-то опустошение – словно перед сражением. Все в порядке, каждая деталь согласована. Остается ждать. Чего ждать?

Глава XI

Анжелика взяла свои пистолеты. Какие они легкие и надежные! Пользоваться ими будет удобно, и стреляют они в два раза быстрее любого другого известного оружия.

Она застегнула пояс с кожаной пряжкой, затканной серебряной нитью. В складках ее юбок оружие будет почти незаметно. Инкрустированные перламутровыми цветами и эмалью рукоятки из благородного дерева, а также выполненные с чисто женским изяществом мешочки для запала и пуль будут выглядеть скорее как какие-нибудь невиданные драгоценные вещицы. Анжелика поупражнялась стремительно вытаскивать поочередно пистолеты из карманов и проворно заряжать их. И очень скоро приноровилась к оружию с кремневым замком, бесконечно более практичным, чем любая другая система, но для нее новым.

Теперь, вооруженная, она чувствовала себя гораздо спокойней.

Котенок вспрыгнул на стол и с живейшим интересом наблюдал за ее действиями. Он внимательно следил за движениями ее рук, затем внезапно прикоснулся к ним лапкой, словно хотел поймать этих проворных и неутомимых зверьков – женские пальцы. И тотчас, как мячик, отскакивал в сторону. Ему удалось завладеть одной пулей, и теперь он катал ее по комнате и надолго останавливался, подняв хвост трубой, перед каким-нибудь ларем или креслом, под которым, как ему казалось, спрятался враг.

Когда, закончив с оружием, Анжелика направилась к поставленным один на другой в углу комнаты сундукам, он принялся кружить возле ее ног. И стоило ей приподнять крышку, юркнул внутрь и утонул в шелках среди безделушек. Его довольная мордочка то и дело выныривала на поверхность, украшенная то лентой, то кружевом. Анжелика весело смеялась над его проделками.

– До чего же ты забавный, похож на шаловливого, худенького и живого мальчишку, каким когда-то был Флоримон... Хватит, не мешай мне... Убирайся...

Раз двадцать она вытаскивала его из сундуков. Но он всегда умудрялся залезть туда снова, порой совершенно незаметно. Анжелика не могла лишиться себя удовольствия поиграть с ним, столько в этом котенке было жизни и обаяния. Присутствие резвого зверька приносило ей облегчение. Анжелика думала только о том, что происходило сейчас и приносило ей столько приятных открытий.

Нынче утром, когда она упомянула об элегантности герцогини де Модрибур и, в частности, о ее необыкновенных красных чулках, Жоффрей ответил:

– Несколько пар таких чулок прибыли из Европы с нашими товарами, которые я приказал отнести к вам. Неужто вы еще даже не взглянули?

Там и вправду были прелестные вещицы, способные вызвать восхищение самой требовательной парижанки. Анжелика не обратила на это внимания, когда в воскресенье лихорадочно рылась в сундуках в поисках платья, чтобы достойно выглядеть возле виселицы и эшафота, где будет казнен Колен Патюрель. Тогда ее выбор пал на то черное платье с воротником из малинских кружев с цветочным узором, которые плетут в Бельгии. Но именно его нынче утром позаимствовала герцогиня де Модрибур. Очень строгое, сшитое из прекрасного бархата, оно ладно сидело и смотрелось чрезвычайно богато. Прочие туалеты были столь же хороши: все из отборных тканей, прельщающие новизной кроя, дорогой отделкой. Анжелика растрогалась, обнаружив среди дамских нарядов платья для девочки и два костюмчика на мальчика из плотной шерсти ярких расцветок.

«Как будто Жоффрей сам выбирал. Впрочем, думаю, Эриксон годится лишь на погрузку товаров. Но Жоффрей, должно быть, сохранил в Париже, Лондоне, да и в других столицах, поставщиков, знающих его вкусы и усердно угождающих ему. Что бы он ни гово-

рил и как бы далеко от цивилизованного мира ни жил, Жоффрей остается графом Тулузским. Ах, что за мужчина!»

Вероятно, именно поэтому рядом с ним, изгнанником, лишенным корней и семьи, все продолжали ощущать связь с отторгнувшим их миром.

Благодаря усилиям графа де Пейрака им и в изгнании были доступны самые приятные, самые утешительные стороны уклада Старого Света, его утонченность – все те достижения цивилизации, что уцелели, несмотря на варварство, войны и несправедливости...

Не далее как нынче утром здешние дамы, которые начинали свою новую жизнь в жалких лачугах из плохо оструганных досок на диком, забытом богом побережье, получили дельфтский и жьенский фаянс. И этот подарок представлялся им залогом будущего уюта и благосостояния.

Поглощенная мыслями о муже и его прекрасных идеях, Анжелика порывисто поцеловала одежду, которую держала в руках, – камзольчик для мальчика. Несомненно, Онорина, очень сожалевшая, что родилась девочкой, без всяких возражений его присвоит...

На лестнице послышались шаги.

С сильно бьющимся сердцем Анжелика бросилась к двери.

Он!..

В дверном проеме возник Жоффрей де Пейрак. Его сопровождал испанец с легким деревянным ларцом в руках. Прежде чем откланяться, он поставил ларчик на стол перед Анжеликой.

– Взгляните, что я вам принес, – сказал Пейрак. – Это ларчик для лекарств. Вы сможете хранить в нем свои пузырьки, склянки с притираниями, пакетики с травами и хирургические инструменты. Перегородки можно переставлять по вашему желанию. Я заказал его в Лионе. При отделке этой вещицы мастер счел необходимым поместить на стенки гравюры с изображениями покровителей хирургов, святых Космы и Дамиана, чтобы они помогали вам. И я полагаю, он прав, потому что, коль скоро речь идет о спасении жизни, не стоит пренебрегать никаким заступничеством, не так ли?

– Разумеется, – согласилась Анжелика. – Я очень почитаю Косму и Дамиана и охотно приму их участие в своих заботах.

– А что наряды, которые вы разбираете? Нравятся они вам?

– Бесконечно! Можно подумать, некий вездесущий граф Тулузский оказался там, в Европе, и сам выбирал их.

– Выбирать и рассматривать женские туалеты в их бесконечном разнообразии всегда представлялось мне чрезвычайно занимательным занятием. Смею ли признаться: на Средиземноморье и в восточный период моей жизни я сокрушался об отсутствии в ней этого прелестного безумия – моды, порой не слишком удобной, но так много говорящей о личности тех, кто ей следует! И что за удовольствие я испытываю теперь, когда снова могу наряжать вас!

– Мне очень приятно. Но что мне делать со всеми этими платьями в лесной глуши Вапассу?

– Вапассу – это королевство. А вы его королева. Как знать, свидетелями каких празднеств нам предстоит еще стать здесь в один прекрасный день... Да и нынче мы не обойдены вниманием знатных визитеров. Вдобавок я хочу, чтобы вы ослепили Квебек своей красотой.

Анжелика вздрогнула. Чтобы на драгоценных шелках не остались следы коготков, она подхватила котенка на руки и теперь машинально гладила его.

– Квебек... – прошептала она. – Неужели мы поедем в Квебек?.. Прямо в западную королю Франции? В логово наших извечных злейших врагов, ханжей, церковников, иезуитов...

– Почему бы и нет? Именно там все затевается. Поехать туда? Мне известно, что рано или поздно меня там загонят в тупик. Разумеется, я не желаю подвергать вас ни малейшему риску. Я приду туда со своими кораблями и пушками. Но мне также известно, что французы особенно чувствительны к женской красоте и скорее склонятся перед обворожительной женщиной во всем блеске ее нарядов и красоты, нежели перед военной угрозой. К тому же у нас там есть друзья, люди весьма значительные: герцог д'Арребу, шевалье де Ломени-Шамбор и даже сам Фронтенак, губернатор. Поддержка, оказанная мною Кавелье де Ла Салю, создала, нравится это кому-то или нет, нечто вроде союза между Новой Францией и мною. Мне это только что подтвердил господин Вильдавре.

– Губернатор Акадии? И что же он за человек?

Пейрак улыбнулся:

– Вы его увидите. Вроде Пегилена де Лозена, но с деловым чутьем и дилетантством Фуке и присущим Мольеру критическим взглядом на современников. Да еще гораздо более сведущ во многих науках, чем кажется. Он сказал, что хотел бы видеть в Квебеке именно вас и что ваше присутствие скорее, нежели мое, будет решающим.

– Разумеется, из-за той легенды о прорицательнице, предсказавшей появление Демона Акадии?

Жоффрей де Пейрак пожал плечами:

– Чтобы пробудить страсти толпы, нужна самая малость. Обратимся к фактам. Неодобрение церкви зиждется на мистических основаниях, гораздо более значительных, нежели все мои грядущие завоевания якобы французских территорий. Необходимо развеять эти допотопные опасения.

Анжелика вздохнула. Мир болен, но кто исцелит его? Что на самом деле может противопоставить представлению о жизни, основанному единственно на идее вечного спасения и сверхъестественных силах, холодный металл пушек?

Нет, не силе покорится непримиримая душа Квебека, достойная новорожденная дочь католической, апостолической и римской церкви.

Пришедшие, чтобы принести спасение дикарям и изгнать духа тьмы из языческих лесов Нового Света, жители Квебека сохранили в своих сердцах частичку души крестоносцев былых времен.

– Квебек?.. Лицом к лицу встретиться с этим городом? – Анжелика разволновалась. – Сможем ли мы к зиме вернуться в Вапассу? Видите ли, я утратила привычку к светской жизни, и мне не терпится поскорее встретиться с Онориной.

– Лето и правда короткое. Прежде всего нам придется навести порядок во Французском заливе, однако... Кстати, об Онорине... Представляете, как она будет хороша на охоте в этом дворянском камзоле?

– Так, значит, эти вещи для нее?

– Да, она по-мальчишески дерзка и отважна. Зимой девичьи юбки сковывают ее порывистые движения, и она злится, что не может быть такой же удалой, как Бартелеми и Тома. Эти костюмы – воплощение ее мечты.

– О да, вы сумели разгадать и понять ее!

– Она очень близка и дорога мне, – сказал Пейрак, одарив Анжелику одной из своих странных чарующих улыбок, которые всегда так умиротворяюще действовали на нее.

Анжелика не могла бы выразить радость, которую доставило ей то, что муж так внимателен к Онорине.

Котенок спрыгнул с рук Анжелики и, устроившись на уголке стола, как ни в чем не бывало принялся старательно мыть мордочку.

Анжелика обвила руками шею Пейрака. Упоминание об Онорине еще укрепило силу их любви. Девочка могла бы стать камнем преткновения, а превратилась в залог неруши-

сти их уз. Вверенное их заботам в годину страданий и горя, слабое беззащитное дитя заставляло их бороться, чтобы любой ценой обеспечить будущее ребенка, научиться обходить таящиеся в них самих ловушки, всегда стараться превзойти себя, чтобы не обмануть чаяния невинной малышки, сумевшей всколыхнуть их сердца. В минуты, когда Анжелику особенно тревожила участь ее бедной незаконнорожденной дочери, мысль о том, что Жоффрей де Пейрак взял на себя заботу об этом ребенке и полюбил его, вселяла в нее уверенность. «Потому, что я ваш отец, сударыня...» Незабываемое мгновение! Никогда так отчетливо, как в ту минуту, Анжелика не осознавала, сколько доброты вмещает сердце этого человека. Тем более что жизнь, а главное, незаурядный ум могли бы сделать Жоффрея нетерпимым, равнодушным, а значит, жестоким.

Граф де Пейрак легко мог бы возвыситься над всеми одной лишь властью своего влияния, знаний, дерзновенного и изобретательного склада подвижного ума, постоянно стремящегося к усовершенствованию. А он, не обходя своим вниманием бедных и слабых, сохранил непосредственный интерес к жизни и ее радостям, любовь к женщинам и детям, ко всему живому, что заслуживает почитания и любви.

Потому-то подле него всегда так хорошо и покойно. И Анжелика испытывала невероятную радость, что, помимо всех тех, кого она смогла пленить и удержать подле себя, рядом с ней оказался этот незаурядный человек, одновременно несговорчивый и нежный, горделивый и скромный, скрытный, не склонный к откровениям и неохотно впускающий к себе в душу, но надежный и прямолинейный. Это доказала недавняя драма, заставившая их обоих пересилить себя, обнажить свои чувства друг перед другом, чтобы не погубить свою любовь.

Теперь Анжелика испытывала полнейшую уверенность в Жоффрее. Угроза исходила откуда-то извне.

Она провела руками по плечам мужа. Возможность прикоснуться к нему, осязать его была ее утешением, ее счастьем. Анжелика со страхом думала о том, как она сможет жить, если лишится всего этого.

Она спрятала голову у него на груди и нерешительно спросила:

– Верно ли, что вам вскоре придется уехать? От вас ждут помощи чиновники из Квебека, заблокированные на реке Святого Джона судом Фипса?

Взяв жену за подбородок, Жоффрей поднял к себе ее лицо, чтобы посмотреть в глаза и утешить, успокоить, как печального ребенка.

– Так надо. Не следует упускать случая оказать услугу этим дурням из Квебека.

– Но объясните же мне наконец, почему канадцы так на нас сердиты! – запальчиво воскликнула она. – Почему во мне они видят дьяволицу, а в вас – опасного захватчика французских территорий? Согласно договорам, эти земли принадлежат Массачусетсу, вы получили их на законном основании... Не могут же канадцы претендовать на то, чтобы держать под своей пятой весь Американский континент!

– То-то и оно, что могут, любовь моя! Таковы их притязания, одновременно как французов и католиков... Первейший долг добропорядочного француза – служение Богу и королю, и они готовы умереть за это, хотя их всего горстка в шесть тысяч душ против двухсот тысяч англичан на юге. Отважному сердцу нет преград! Вопреки существующим договорам, они по-прежнему полагают французскими все территории вокруг Французского залива. Доказательство тому – повсеместно сохраняющиеся бесчисленные сеньории и наследственные крестьянские владения, цензивы: Пентагет с Сен-Кастином, Пор-Руаяль и другие. И всякий год губернатор Акадии прибывает сюда за оброком с этих владений. Столь бесцеремонное мздоимство не по нраву отдаленным подданным короля Франции. Со временем жители Акадии сочли себя независимыми, на манер обитателей Голдсборо. Вот почему Сен-Кастин прибыл сюда, чтобы просить меня взять под защиту разномастных колонистов,

населяющих побережье: французов, шотландцев или англичан, каждый из которых в душе полагает себя полноправным хозяином здешних земель.

Разумеется, если этот вопрос обсуждался в Квебеке, я не могу предстать там в ореоле святости и рассчитывать на особое расположение вышеупомянутого губернатора Акадии, тем более в тот момент, когда он прибыл собирать налоги со своих непокорных подданных. Поэтому выручить его из затруднительного положения было бы политически верным шагом.

— Что с ним стряслось?

— В отместку за резню, учиненную абенаками под началом французов на западе, в Новой Англии, Массачусетс послал адмирала с несколькими судами с целью покарать всех подвернувшихся под руку французов. Хотя и оправданный, подобный план мог бы лишь ухудшить наше и без того шаткое положение и ни к чему бы не привел. Следовало бы образумить Квебек, а не нападать на нескольких мелких акадийских землевладельцев, которые из последних сил цепляются за полученные от предков и не каждый год дающие урожай угодья. Мне удалось убедить адмирала Шеррилгэма, но сопровождавший его бостонец Фипс и слушать не захотел. Он стал действовать самостоятельно и, прослышав, что высокопоставленные чиновники из Квебека, в том числе губернатор Акадии Вильдавре, а также интендант Новой Франции Карлон в сопровождении знатных дворян, находятся в Джемсеге, принял решение блокировать вход в реку Святого Джона, чтобы не позволить им спуститься по течению и выйти в море. Господин де Вильдавре, которому на месте не сиделось, предпочел выбраться оттуда пешком через лес. Благодаря туману ему удалось, не привлекая внимания англичан, подняться на борт рыболовного судна и прибыть сюда, чтобы обратиться ко мне за подмогой. Невзирая на то что он считает меня презренным противником и потенциальным врагом, главное для него — спасти свой корабль, как я подозреваю, груженный ценными мехами, собранными во время его губернаторской поездки. С моей стороны было бы нелюбезно отказать ему в этой услуге. Если Фипсу удастся захватить этих людей в плен и вместе с судами доставить их в Бостон или Салем, дело дойдет до Версаля, и король может усмотреть в нем предлог, который он как раз ищет, чтобы объявить войну Англии. А мы здесь новому конфликту предпочитаем наш непрочный мир.

Анжелика встревоженно слушала его. В его изложении, хотя он многое сгладил, чтобы не испугать ее, Анжелике стала понятнее шаткость их положения и тяжесть задачи, которую он на себя взвалил.

Господи, как же он одинок! За что, за кого он собирается сражаться?.. За нее, за маленькую Онорину, за своих сыновей, за тех отверженных, что встали под его знамена, поверили в его силы. Чтобы созидать, двигаться вперед, чтобы строить, а не рушить...

— Это классический случай для Французского залива с его разномастными обитателями, — с улыбкой заключил он. — Никакой договор не будет соблюдаться, пока существуют такие туманы, такие болота, такие укромные местечки по берегам реки, где можно скрыться от всех... Это край тайных логовищ и перестрелок, но все же именно здесь я построю вам королевство...

— Опасен ли поход, в который вы отправляетесь?

— Обычная прогулка. Речь идет лишь о том, чтобы помочь французам избежать вмешательства индейцев в конфликт, а в сущности, отобрать у Фипса добычу, хотя он имеет на нее некоторые права. Он будет в ярости, но мы ни в коем случае не развяжем бой.

Жоффрей сжал Анжелику в объятиях.

— Как бы я хотел взять вас с собой.

— Нет, это невозможно. Я не могу оставить Абигель. Я пообещала ей, что буду присутствовать при родах... и, сама не знаю почему, мне за нее страшно. К тому же я чувствую, что и ей, хотя она смелая женщина, как-то не по себе. Мое присутствие ободрит ее. Я должна остаться.

Анжелика несколько раз тряхнула головой, словно отгоняя искушение, повинувшись безотчетному желанию вцепиться в Жоффрея, во что бы то ни стало последовать за ним.

– Не будем больше говорить об этом, – решительно сказала она и уселась в кресло. Приняв ее движение за сигнал об окончании игр и разговоров, котенок прыгнул к ней на колени и свернулся клубком.

Он был таким дружелюбным и довольным жизнью, что Анжелике передалось немного его спокойствия. «Онорина будет от него без ума», – подумалось ей.

Онорина! Сердце Анжелики тревожно сжалось. Жоффрей уедет, и ей придется бороться совершенно одной. Против какой угрозы?

А вдруг в игру вступит то незнакомое судно с людьми на борту, которые словно бы получили задание запутать их судьбы? Кто их направил? Канадцы? Англичане?.. Такое предположение не выдерживало никакой критики. Отношения с соседями выглядели более определенными. Канадцы посылали проклятия, нападали. У англичан были другие заботы, нежели беспокоить полезного для них человека, с которым они заключили выгодные соглашения.

Тогда кто? Личный враг Жоффрея? Домогавшийся места соперник в делах, исподтишка стремящийся подорвать дух первых поселенцев? Ведь кто-то уже исподволь пытался настроить его против Золотой Бороды!

Но в таком случае почему ополчились против нее? Анжелика постоянно чувствовала себя под прицелом, и это угнетало ее. Ощущение было таким отчетливым, что ей казалось, если бы не она, Жоффрей мог бы спокойно существовать.

Анжелика не удержалась и поделилась с ним своими размышлениями:

– Если бы меня не было подле вас, ваше положение было бы гораздо проще, я чувствую.

– Если бы вас не было подле меня, я не был бы счастлив.

Он посмотрел вокруг.

– Я в одиночестве построил этот форт. Вы исчезли из моей жизни. И все же в глубине души я не верил в вашу смерть. А найдя Флоримона и Кантора, я понял, что это залог чего-то, какое-то обещание. «Она придет, она вернется, моя возлюбленная...» Это глупо, но я неосознанно добавлял некоторые детали специально для вас... Это было как раз незадолго до того, как я собрался возвращаться в Европу. И надо же было так случиться, что на испанской набережной я встретил Роша, который сказал мне: «Та зеленоглазая француженка... помните, купленная вами в Кандии... она жива... Она в Ла-Рошели. Я ее там недавно видел...»

Как выразить ошеломительную радость, охватившую меня в тот миг!.. Гром среди ясного неба! Славный Роша! Я засыпал его вопросами. Я щедро одарил его, как самого дорогого друга... Да! Судьба оказалась к нам благосклонной, хотя порой она выбирала окольные пути.

Он склонился и стал целовать ее ладони.

– Так давайте же и впредь доверяться ей, любовь моя.

Глава XII

Анжелика и Абигель сидели среди высоких цветов и трав, в примыкавшем к дому Бернов палисаднике, на новоанглийский манер окруженном деревянным дощатым забором. В этих краях, где аптекарь зачастую находился далеко, такой садик полагалось иметь жене каждого колониста – для поддержания здоровья семьи собственными лекарствами и чтобы придать вкус и аромат пресным блюдам из рыбы и дичи. В нем также выращивали кое-какие овощи, салат, порей, редиску, морковь, а главное, много цветов – для души.

Весна была теплой. Некоторые семена уже дали всходы. Абигель ногой поправила торчащий из грядки круглый ворсистый лист.

– К осени вырастут тыквы. Я приберегу их на зиму, но несколько штук сорву, когда они будут не больше дыни. Если запечь их в золе, получится не хуже печеных яблок.

– Моя матушка так любила сад, – неожиданно сказала Анжелика. – Помню, она трудилась в огороде не покладая рук... Так и вижу ее... Вдруг вспомнила...

Анжелике внезапно привиделся неясный силуэт. Статная и благородная, мать проходила в соломенной шляпе, с корзинами в руках, а иногда с букетами, которые она прижимала к груди, как ребенка.

«Матушка!»

Это смутное видение посетило ее внезапно, без всякой причины.

«Матушка, защитите меня!» – мысленно взмолилась Анжелика. Ей в голову впервые пришла мысль просить мать о заступничестве. Она взяла руку присевшей рядом Абигель и нежно сжала ее своими ладонями. Быть может, в этот миг Абигель, такая статная, спокойная, бодрая, напомнила ей о позабытой матери?

После обеда появился Берн, чтобы просить господина де Пейрака с супругой разделить их вечернюю трапезу. Его неожиданное приглашение призвано было, вероятно, доказать, что почтенный и непреклонный протестант, равно как и его единоверцы, хотят публично покаяться перед хозяином Голдсборо и сообщить о своем намерении загладить неприятное впечатление от более чем горячих речей, произнесенных при вступлении в должность Золотой Бороды. Понимая и разделяя это стремление к примирению, граф де Пейрак принял приглашение и с наступлением темноты вместе с Анжеликой отправился в жилище Бернов.

Однако оппоненты обладали такими сильными характерами, а воспоминания о жарких спорах между ними были исполнены такого накала страстей и непримиримости, что во время встречи неизбежно возникла некоторая напряженность.

Оставив мужчин побеседовать с глазу на глаз, Абигель увлекла Анжелику за собой, чтобы показать ей сад. Никакие распри не могли нарушить их женской дружбы. Повинуясь внутреннему чувству, они уединились, не желая вникать в то, что в поступках мужчин могло показаться чересчур оскорбительным, и высказывать категорическое мнение, чтобы уберечь эту столь необходимую им взаимную привязанность, сохранить союз двух нежных женских сердец. При всей несхожести, обе молодые женщины испытывали потребность в любви. Она была их прибежищем, их опорой, чем-то живым и нежным, чего даже разлука не могла нарушить, а каждое пережитое испытание лишь укрепляло их привязанность друг к другу.

Лучи заходящего вдали, над островами, перламутрового заката ложились на милое лицо Абигель, подчеркивая ее красоту. Тяготы ее положения не исказили тонкие черты и не затуманили румянца. Она все так же носила строгий ла-рошельский чепец. Городские дамы не особо жаловали этот головной убор, но Абигель он достался от покойной матушки, а та была родом из Ангулема, где не принято обвешивать себя кружевами и лентами. Госпоже Берн, как никому, шел этот суровый стиль.

– Ну что, вы счастливы? – спросила Анжелика.

Абигель вздрогнула, и, если бы не сумерки, Анжелика увидела бы, как она зарделась. Однако молодая женщина сумела скрыть свое волнение, и Анжелика догадалась, что она улыбается.

— Сказать проще, чем признаться... Как мне благодарить Господа? Каждый день я обнаруживаю новые сокровища души моего супруга, богатство его ума и познаний, его мудрости, его достойные уважения качества сильного мужчины, порой чересчур твердого, но умеющего чувствовать... Я думаю, в глубине души... он очень добр, что в наше время является опасной добродетелью. И он это знает.

Абигель мечтательно добавила:

— Я учусь любить мужчину. Занятное дело... Мужчина — это что-то серьезное, неведомое, отличное от нас, но такое значительное. Порой я думаю, а не слишком ли мы, женщины, этим пренебрегаем, отказываясь признать их особый образ мыслей. И если они порой не понимают нас, всегда ли мы делаем усилия, чтобы принять их такими, какими их сформировали века: ответственными за весь мир — а ведь порой это нелегкая доля, даже если они сами добровольно взялись за это?

— Мы унаследовали привычку к рабству и к господству, — сказала Анжелика. — Вот почему иногда между нами возникают трения. Но все же какой захватывающий эксперимент — обрести согласие в любви!

Почти стемнело. В домах и в порту засветились огни, белые, словно опаловые, на темно-синем фоне; бледные, красноватые звездочки костров и фонарей, зажженных на рассеянных в заливе островах, выдавали незаметное днем присутствие людей. Внезапно у Анжелики вырвалось:

— За нами как будто кто-то подглядывает... В кустах что-то шевелится.

Молодые женщины прислушались. У обеих было ощущение, что кто-то, подобравшись поближе и спрятавшись в кустах, смотрит на них. В этом наблюдении им чудилась смутная угроза.

Абигель обвила рукой плечи Анжелики и прижала ее к себе. Позже она расскажет, что в тот момент явственно осознала, что над Анжеликой де Пейрак нависла страшная опасность.

Им показалось, что совсем рядом послышался тяжелый душераздирающий вздох, но возможно, это просто ветер пролетел в растущих на утесе соснах.

— Давайте вернемся, — сказала Абигель, увлекая Анжелику за собой к дому.

Они сделали несколько шагов, но испуганно остановились, явственно услышав треск веток и хрюканье.

— А, вот оно что! — воскликнула Абигель, обернувшись. — Значит, свинья наших соседей Мерсело снова забралась к нам в сад. Между нами только плетень. А они совершенно не заботятся о том, чтобы держать свинью в загоне, полагая, что гораздо проще позволить ей искать пропитание на деревенских улицах и в чужих садах.

Она направилась к лужайке, разделявшей владения. На соседнем, совершенно запущенном участке стоял такой же дом из досок и бруса, с крышей из дранки.

Дверь дома была открыта. В освещенном проеме вырисовывался черный силуэт молодой женщины с младенцем на руках. Абигель окликнула ее:

— Бертий! Ваша свинья снова потоптала все у меня в саду.

Женщина спустилась с крыльца и неторопливо пошла в их сторону. Впрочем, ее походка была грациозной, а сама она — молоденькой и хорошенькой. Когда она приблизилась, Анжелика действительно признала в ней Бертий Мерсело, дочь торговца бумагой из Ла-Рошели. Пухлый кудрявый малыш ладно сидел у нее на руках и, казалось, серьезно наблюдал за происходящим. Правда, разглядеть в темноте его личико не удавалось.

– Я уже говорила мужу, – плаксиво произнесла Бертий. – Он наконец согласился поставить забор, поделив с вами расходы на плотника. Но со всеми этими историями, что приключились в последние дни, – сражениями, иностранцами, новым губернатором – ничего не успел.

– Не спорю, тут дела более неотложные, нежели установка забора, – примирительно согласилась Абигель. – Однако вам следовало бы следить, чтобы свинья находилась в своем закуте. Она уже причинила немалый ущерб нашему хозяйству.

Пинками и окриками Анжелике удалось загнать свинью на хозяйскую территорию, откуда та тотчас ускакала к другим соседям. Вздохнув и коротко, но вежливо простившись, Бертий тоже ушла.

– Так Бертий Мерсело замужем? – удивилась Анжелика. – А я и не знала. Даже ребеночек есть. Мы прибыли всего год назад, тогда ни о чем таком и речи не было!

– Это не ее ребенок, – пояснила Абигель. – Это малыш Шарль-Анри, сынок Жени Маниго, тот самый, что родился чуть ли не в день нашего прибытия. Несчастному ангелочку скоро год! Впрочем, вам, должно быть, неизвестно, что стряслось с бедняжкой Жени.

– Нет. И что же?

– Ее похитили индейцы! Поздней осенью. Не прошло и двух месяцев, как она родила. В тот день наши – кто пешком, а кто верхом – отправились из лагеря Шамплейна в Голдборо. Как вдруг в том самом месте, где однажды уже было совершено нападение, с воинственными возгласами появились индейцы. Наши мужчины были вооружены и отбили их атаку. Индейцы отступили, но увели Жени, которая вместе со своей сестрой Сарой замешкалась на опушке леса, где они собирали ягоды. Саре удалось сбежать и догнать нас. Госпожа Маниго ехала верхом, с младенцем на руках. Она увидела бегущую к нам Сару, за которой гнались краснокожие дьяволы. Мой муж Габриэль выстрелил, и один индеец упал. Но другой метнул свой томагавк и, попав в одного из наших мужчин, раскроил ему череп. Для общины это стало большим горем, потому что он был отменным плотником. К тому же мы потеряли Жени.

Рассказ Абигель сразил Анжелику.

– О каких индейцах идет речь? Об ирокезах? Вероятно, мы могли бы...

Она уже представляла, как побежит с подаренным Уттаке ожерельем вампум хлопотать об освобождении Жени Маниго. Абигель покачала головой:

– Нет! По приказу господина д'Юрвиля наши мужчины несколько дней устраивали облавы. Но не обнаружили никаких следов. Нам любезно помог господин де Сен-Кастин. Ему удалось установить, что это дело рук индейцев из мелкого племени, по всей видимости приплывших на каноэ с верховьев Кеннебека. И тем же путем скрывшихся вместе с пленницей. Господин де Сен-Кастин полагает, что это абенаки, но не связанные с другими племенами. Они кочевники, а потому никогда не знаешь, где их застать. Они живут наверху, на севере, скорее ближе к англичанам, чем к Канаде.

– Какой ужас! – прошептала Анжелика.

Она вздрогнула, внезапно почувствовав ночную прохладу.

– Господин Маниго прямо обезумел от горя, – продолжала Абигель. – Он хотел бежать из этих проклятых, по его словам, мест и перебраться в Бостон. Но повалил снег, начались метели. Пришлось зимовать. Все боялись, что без материнского молока ребенок умрет. Госпожа Маниго опытная женщина. Она удумала кормить его молоком коз, которых мы тут разводили. И малыш выжил. Он у нас крепыш! Ест теперь овощи и рыбу, как настоящий маленький мужчина. Теперь нам больше не надо трястись за его жизнь. Его отец полгода назад женился на Бертий. Она всегда была по уши влюблена в него и, воспользовавшись случаем, сделала все возможное, чтобы выйти за него.

– Снова женился... Но... возможно, Жени жива!

– Меня это тоже беспокоило. Но все твердили, что мало шансов, чтобы в лапах дикарей ей удалось избежать смерти. Мой отец дал согласие на этот союз. Несчастный молодой человек был в отчаянии, он не мог в одиночку воспитывать сироту, да и Бертий в конце концов принудила бы его жить в грехе. Так что все сложилось как нельзя лучше. Она занимается ребенком...

Анжелика сделала над собой усилие, чтобы философски принять известие об этом ужасном происшествии и его удачном завершении. Она понимала, что для кальвинистов, живущих в изоляции по своим собственным законам, несчастная Жени, оказавшись в мире индейцев, действительно перешла в мир иной.

Бедный маленький Шарль-Анри, которому она захотела дать имя своего сына, убитого солдатами короля! Неужели она принесла ему несчастье?

– Вернемся в дом, – предложила Абигель. – Вы расстроены. Я не хотела вас огорчать. В здешних местах следует стараться не слишком задумываться, не слишком размышлять об окружающих нас опасностях, о смертях и ошибках, которых нам не удалось избежать, иначе опустятся руки. Необходимо собрать все силы, чтобы идти вперед к своей цели, ради жизни, ради лучшего будущего...

– Да, вы правы.

Глава XIII

Пристроившись на краешке стола, два маленьких мальчика играли в триктрак.

Поглощенные игрой, они низко склонились над доской, и жесткие светлые каштановые волосы скрывали их лица. Старый негр с похожей на паклю седой шевелюрой внимательно следил за партией. Он тоже склонился к столу, положив подбородок на темные руки с лиловыми ногтями.

Эту сцену мягко освещало пламя свечи в оловянном подсвечнике, оно зажигало искорки в золотых кольцах, висевших в ушах старика, плясало на его скулах, крыльях эбенового носа и белой эмали глаз.

При появлении Анжелики и Абигель картина тотчас оживилась. Мальчишки вскочили на ноги и бросились Анжелике на шею. Чернокожий старик тоже поспешил навстречу молодым женщинам, чтобы приветствовать их на почти безупречном французском, со свойственным африканцам едва различимым мягким и чуть сюсюкающим акцентом. Это был Сирики, слуга Маниго. Они заметили его, больного, среди доставленных в Ла-Рошель рабов и взяли себе в давние времена, когда Маниго, помимо прочих многочисленных коммерческих операций, занимался и торговлей «черным деревом». Нынче вечером Сирики был одет все в ту же прекрасную, хотя и сильно поношенную и залатанную, малиновую ливрею с золотым галуном, которой всегда так гордился. Анжелика вспомнила, как он с криком «Хозяин! Хозяин, возьми меня с собой...» вихрем мчался по ландам за бегущими гугенотами.

А вслед скакали драгуны короля⁵. Страшная картина! Но сегодня все они, целые и невредимые, собрались в этом бедном жилище в Америке.

Сирики с гордостью поспешил представить Анжелике своего питомца, светловолосого Жереми Маниго, которого нянчил с младенчества.

– Не правда ли, сударыня, он очень подрос. Почти мужчина, а ведь ему еще нет одиннадцати.

И верно, у Жереми щеки были круглые, глаза голубые, а волосы совсем светлые!

Его партнер по триктраку Лорье Берн казался рядом с ним более щуплым, хотя тоже окреп.

– Кто выигрывает? – поинтересовалась Анжелика.

– Он. – Жереми со злостью указал на Лорье. – Он всегда выигрывает.

Лорье заважничал и показал ему кукиш. Жереми надулся. Этот последыш, единственный сын, появившийся в семье богатого ла-рошельского горожанина Маниго, где рождались только девочки, был избалован своими родными. Однажды по дороге в школу он имел неосторожность остановиться, чтобы поглазеть на католическую процессию, и был похищен приверженцами иезуитов. Это чудовищное происшествие способствовало решению Маниго покинуть страну. После многотрудных хлопот по розыску сына, в которых Анжелика помогла семейству, богатому ла-рошельскому купцу удалось вернуть своего ребенка, но он осознал, какая опасность отныне нависла над всеми протестантами Франции, каково бы ни было их положение и состояние.

Абигель утешила Жереми, приласкав его и дав кусок пирога.

– Продолжите свою партию завтра, – сказала она. – Я аккуратно уберу доску на этажерку, чтобы не сдвинуть позицию.

Жереми с набитым ртом простился со всеми по очереди и вложил свою ладошку в руку Сирики.

⁵ См. «Мятежная Анжелика». (Примеч. автора.)

Дом Бернов стоял на склоне, спускавшемся к центральной площади деревни. Оконца были маленькие, чтобы в жилище не проникал холод, да и стекло в этих краях считалось редкостью. Тем не менее Голдсборо был одним из немногих поселений, где с первой же зимы обитателям не пришлось закрывать оконные переплеты пергаментом или рыбьей кожей.

Наспех построенные осенью дома гугенотов были довольно тесными. Жилище Бернов состояло из двух комнат: в одной проводили весь день и ели, в другой стояла родительская кровать и шкаф. Было также две пристройки: для хранения дров и для умывания. Под крышей находился чердак, куда попадали по крутой лестнице через люк. Старший сын Марсиаль счел, что ему в доме тесновато, и построил себе в саду берестяной вигвам.

– Как у нашего старого канадца Элуа Маколле, – заметила Анжелика.

Лорье спал в общей комнате. Северина обосновалась на чердаке.

Она тоже была здесь и, чтобы отпугнуть комаров, жгла лимонную мяту. Девочка вступила в пору отрочества, но оставалась все той же большеухой румяной худышкой, хотя и расцвела рядом с терпеливой Абигель. Северина тоже расцеловала Анжелику и тотчас выпалила:

– Какое счастье, что все, что про вас болтали, оказалось враками, госпожа Анжелика! Я готова была убить себя. Мне не нравится жизнь, полная сложностей и разочарований.

– Уж больно ты категорична, Северина. Ты совсем не изменилась, узнаю тебя.

Сидя друг против друга за столом, на котором красовалась темная, с длинным горлышком бутылка старого рома, Жоффрей де Пейрак и Габриэль Берн вели оживленную беседу. По-видимому, разговор шел об их общей любимице Онорине. Жоффрей де Пейрак повествовал о подвигах Онорины в Вапассу, а Берн дополнял его рассказы, описывая ее героизм в Ла-Рошели. Оба сходились на том, что невозможно с первого взгляда не полюбить это престелестное дитя с сильным характером.

– Она еще младенцем уже была такой, – говорил Берн, – помню, когда я нашел ее в лесу, у подножия дерева, к которому была привязана малышка...

Он умолк. Взгляд его встретился с глазами Анжелики, в которых мелькнул внезапный страх, и снова обратился к Жоффрею де Пейраку, пристально следившему за выражением их лиц.

– Старая история, – сказал Берн. – Она принадлежит тому миру, который мы оставили позади. Когда-нибудь я расскажу вам ее, сударь, если госпожа Анжелика позволит. Или она сама расскажет. А пока выпьем за наше здоровье и за здоровье наших отпрысков: присутствующих, отсутствующих или будущих, – поднимая стакан, провозгласил ларошелец Берн.

К началу ужина явился маленький нежданный гость.

– Ой, смотрите, кто пришел! Мой котенок! – воскликнула Анжелика.

Вспрыгнув к ней на колени и упершись передними лапками в край стола, он хриплым, но приветливым мяуканьем представился сотрапезникам и потребовал свою долю с пиршественного стола.

– По-моему, он похож на Онорину, когда она появилась у нас, – сказала Северина. – Сразу было видно, что она считает себя самой важной персоной на свете...

Анжелика поведала историю котенка.

– Он невероятно отважен. Не понимаю, как такому малышу удастся, преодолев тысячу препятствий, находить меня, где бы я ни была.

– Обычно кошки привязываются не к людям, а к месту, – изрекла высокоумная тетушка Анна.

Заговорили о кошках. А предмет беседы в это время лакомился жареной дорадой, всеерьез полагая, что он тоже самая важная персона на свете. Котенок по-прежнему был тщедушным, однако теперь, когда силенок его уже хватало на то, чтобы умываться, оказалось, что он

белоснежный, со светло-коричневой спинкой и несколькими такими же пятнышками на мордочке. Более темные отметины можно было разглядеть вокруг глаза, на ушке, на кончике хвоста и на одной лапке. Шерстка была длинной и густой. А роскошные бачки и кисточки на ушах придавали ему сходство с рысенком. Котенок был очарователен и знал это.

Глава XIV

Анжелика застала герцогиню де Модрибур вместе со всей ее паствой, включая Жюльенну, за молитвой. Даже секретарь Арман Дако преклонил колени в своем углу.

Было очень жарко, однако никто как будто не страдал, стоя в неудобном положении, на коленях, на земляном полу скромного жилища, куда перебралась попечительница. Впоследствии Анжелика отметит, что подобные благочестивые бдения были не редкостью для Королевских дочерей. Утонченная и обворожительная герцогиня де Модрибур отличалась твердостью духа и крепко держала в руках свое маленькое общество. Казалось, молитва – ее излюбленное состояние, в которое она погружается с истинным наслаждением. Ее обращенный к небесам взгляд сверкал экстатической радостью, а лицо приобретало лилейную белизну и, казалось, светилось изнутри. В такие моменты она бывала особенно хороша, однако, не будь ее набожное рвение столь искренним, ей, по всей видимости, не достало бы сил выдержать невероятное испытание долгих благочестивых бдений.

Джоб Саймон – знаменитый кормчий «Единорога» с родимым пятном на лице – был единственным из спасшихся после кораблекрушения, кто не принимал участия в этих богоугодных упражнениях. Он в задумчивости сидел недалеко от дома на песке возле резного деревянного единорога и, казалось, вместе со своим мифическим животным охранял это сборище весталок, словно угрюмый и грозный страж.

– Радуйтесь! – проходя мимо, сказала ему Анжелика. – Будет вам золотая фольга. Я замолвила за вас словечко перед господином де Пейраком.

Окунувшись в заунывное многоголосое гудение, Анжелика на мгновение растерялась, потому что не ожидала услышать «Ave Maria». Заметив ее, госпожа де Модрибур тотчас перекрестилась, облобызала распятие на своих четках, убрала их в карман и поднялась навстречу гостье.

– Мне не терпелось снова увидеть вас, милочка. Как видите, хотя и весьма скромно, но мы уже обустроились и чувствуем себя здесь как дома. Чтобы вновь обрести силы и мужественно противостоять невзгодам, нам необходимо только место, где мы могли бы собираться все вместе на молитву.

– Превосходно! – сказала Анжелика. – Я рада, что вы в состоянии выслушать то, что я пришла сообщить вам.

– Я готова. – Пристально глядя на Анжелику, герцогиня выпрямилась.

– Нынче на берегу мы устраиваем угощение в честь господина губернатора Академии маркиза де Вильдавре. Он наш гость, и я приглашаю вас с вашими девушками присоединиться к нам.

Свое приглашение Анжелика начала очень серьезным тоном, но последние слова произнесла с улыбкой. Герцогиня поняла ее замысел и побледнела. Потом лицо ее залилось румянцем.

– Полагаю, вы надо мной смеетесь, – пробормотала она извиняющимся тоном. – Должно быть, я кажусь вам чересчур набожной? Простите, если это шокирует вас. Но, понимаете ли, молитва крайне необходима мне!

– Не вижу в этом ничего дурного. Простите и вы меня. – Заметив детский страх, промелькнувший во взгляде герцогини, Анжелика пожалела о своем насмешливом тоне. – Молиться похвально.

– И радоваться жизни тоже, – весело ответила герцогиня. – Угощение у моря, какая прелесть! Представим, что мы в Версале, на берегу большого канала... Маркиз де Вильдавре, вы сказали? Это имя мне как будто знакомо. Не ему ли принадлежит охотничий домик на полдороге между Версалем и Парижем, куда любит наведываться король?

– Не знаю. Вы сами спросите его. Кстати, мой супруг желает представить вам нескольких обитателей нашего поселения.

– Вильдавре... Если я правильно понимаю, он здесь представляет Новую Францию и короля? И он гостит у вас?

– Мы добрые друзья. Эта встреча позволит вам обсудить с ним ваше положение и возможности достойно выйти из него.

Анжелика осторожно прощупывала почву. Очевидно, ни одна из Королевских дочерей не сообщила попечительнице о сделанном им губернатором Голдсборо предложении обосноваться здесь. Согласится ли госпожа де Модрибур отказаться от возложенной на нее священной миссии доставить девушек в Квебек, чтобы они населили своим потомством Новую Францию?

Вероятно, сейчас это ее не слишком занимало. Герцогиня торопливо причесалась, распустив по плечам свои темные волосы, поправила кружевной воротник черного бархатного платья и с готовностью последовала за Анжеликой.

Согласно стихийно сложившейся традиции местные жители собирались на берегу перед трактиром, чтобы обсудить назревшие вопросы, и их встречи напоминали одновременно совещание и веселое ярмарочное гулянье. Предварительно сколачивали простые дощатые столы и выставляли на них различные прохладительные и алкогольные напитки, фрукты, блюда из рыбы или дичи, так что каждый мог полакомиться вволю.

Пришедшие, руководствуясь общими интересами, уже образовали небольшие группы. Люди постарше охотно обступили Жоффрея де Пейрака, графа д'Юрвиля, Колена Патюреля, господ Маниго или Берна. Напротив, недавно прибывшие английские беженцы робко держались в сторонке, но по причине одной религии, несмотря на национальные различия, инстинктивно жались к гугенотам из Ла-Рошели.

Тут же сбились в кучку новоиспеченные колонисты, матросы с «Сердца Марии», которых по известным причинам недолюбливали их соотечественники – французы из Ла-Рошели. Моряки вели себя относительно смирно и дисциплинированно под суровым оком Колена Патюреля, который как губернатор Голдсборо принимал тех и других, но не терял из виду свой прежний экипаж. В этом ему помогал его заместитель Франсуа де Барсампюи.

Среди официальных лиц мелькали несколько дикарей, это были сагаморы, великие вожди индейских племен. Но тщетно Анжелика искала взглядом высокую ярко-алую фигуру Пиксарета. Зато она заметила Жерома и Мишеля, степенно прогуливавшихся в толпе, обмениваясь шуточками в адрес смугло-оливкового выходца с Карибских островов, служившего торговцу пряностями.

Этот выходец с теплых островов, выросший под знаком ананаса и хлопка, казался индейцам, привычным к медвежьему жиру и маису, более чуждым, чем парижанину – русский из сибирских степей. Караиб оказался в Голдсборо потому, что его хозяин, пират с Антильских островов, решил поселиться тут после отплытия своего судна. Без объяснения причин подобного поступка. Вероятно, сказала усталость от долгих странствий или привязанность к жившему здесь Аристиду, а возможно, желание пополнить свои запасы трав и пряностей, чтобы торговать ими наряду с прочими местными товарами.

Когда Анжелика с герцогиней де Модрибур подошли, от толпы отделился ярко разодетый мужчина и бросился к ним. Точнее, к Амбруазине, шедшей чуть впереди. Бурно приветствуя дам восклицаниями и жестами, незнакомец отвесил герцогине несколько поклонов, да таких низких, что плюмаж его шляпы касался земли. Он был невысокого роста, несколько полноват, но проявлял крайнюю любезность и восторг.

– Наконец-то! – вскричал он. – Наконец-то я вижу несравненную красоту, о которой только и говорят в Новой Франции, даже еще не зная ее! Позвольте представиться. Я маркиз де Вильдавре, наместник его величества короля Франции в Акадии.

Несколько удивленная Амбруазина де Модрибур ответила легким кивком. Маркиз скороговоркой продолжал:

– Так, стало быть, это вы вскружили голову нашему степенному д’Арребу и совратили этого святого человека, Ломени-Шамбора? Знаете ли вы, что вас обвиняют в смерти Пон-Бриана?

– Сударь, вы принимаете меня за кого-то другого, – поспешно возразила герцогиня. – Я не имею счастья быть знакомой с этими господами, и на моей совести нет ничьей смерти...

– Стало быть, вы неблагодарны.

– Да что вы. Говорю же вам, вы принимаете меня за другую. Я не...

– Не вы ли самая прекрасная женщина на земле!

Тут герцогиня откровенно расхохоталась.

– Премного вам благодарна, сударь. Но еще раз повторяю, что я не та... кому адресованы ваши слова. Могу поспорить, речь скорей идет о хозяйке здешних мест графине де Пейрак, которая столь обворожительна, что и впрямь может быть ответственна за все упомянутые вами несчастья... Кружить головы степенным людям и совращать святых... это по ее части. Вот она...

Повернувшись к Анжелике, на которую указывала Амбруазина, маркиз побледнел, покраснел и забормотал:

– Какой конфуз! Простите меня! Я очень близорук...

Он рылся в карманах очень длинного, по версальской моде, и расшитого розовыми и зелеными цветочками жилета, который выглядывал из-под его редингота.

– Где же мои очки? Ты не видел моих очков, Александр?

Губернатор обернулся к сопровождавшему его подростку, который, несмотря на свои юные лета, выглядел настолько же хмурым, насколько маркиз был жизнерадостным и возбужденным.

– Очки? – надменно ответил мальчик. – Зачем надевать очки?

– Но чтобы видеть, господа! Тебе прекрасно известно, что без своих окуляров я почти слеп. И только что допустил непоправимую оплошность. Ах, сударыни, примите мои извинения! Ну разумеется, дражайшая графиня, у вас светлые волосы! Мне именно так вас и описали. Стало быть, вы и есть Дама Серебряного озера, легенды о которой рассказывают по всему Квебеку.

Видно было, что гость овладел собой, к нему вернулась его говорливость, он снова непринужденно улыбался и с нескрываемым удовольствием переводил взгляд с одной дамы на другую.

– Что за важность? – заявил он. – Блондинка стоит брюнетки. Глупо было бы сетовать. Чем больше хорошеньких женщин, тем счастливее мужчина! Несомненно, жизнь прекрасна!

И он решительно подхватил обеих дам под руки.

– Вы на меня не сердитесь? – спросил губернатор у Анжелики.

– Да нет же, – едва успела она ответить, потому что тот уже повернулся к Амбруазине.

– Надеюсь, что и вы тоже. Таков уж я. Прямой, искренний, говорю, что думаю. И если кто-то внушает мне восхищение, становлюсь крайне несдержанным. К красоте, в самых разных ее проявлениях, я испытываю страсть. Красота – мое божество, и мне необходимо говорить о ней.

– Я полагаю, вам охотно прощают этот недостаток.

Герцогиня де Модрибур заметно повеселела. Ее прекрасное лицо, обычно такое печальное, преобразилось. Она снисходительно посмеивалась, глядя на маркиза с дерзостью, обычно ей несвойственной.

– Сударь, будет ли мне позволено задать вам один вопрос?

– Разумеется. Такой прекрасной женщине все позволено!..

– Почему ваше лицо измазано чем-то черным?

– Что вы говорите?! – взволнованно воскликнул господин де Вильдавре. – А, понимаю. Я привез господину де Пейраку образцы каменного угля из залива Шигнекто... – Он лихо-радочно искал носовой платок. – Мне известно, что он ценит такие подарки. Нынче днем мы с ним внимательно рассмотрели и оценили красоту и достоинства этого минерала, способного в суровые зимние дни успешно заменить древесину. Я отправил в Квебек грузовое судно с углем. Только уж очень он пачкается...

Он вытер лицо, стряхнул угольную пыль с одежды и вновь оживился.

– Взамен граф подарил мне печь из голландских изразцов дивной красоты! Согласитесь, какой утонченный знак внимания! Что за обворожительный человек! Мой дом в Квебеке станет самым красивым во всем Новом Свете.

– Граф, – заговорил он с подошедшим Жоффреем де Пейраком, – решительно это недопустимо! Вы у себя в этом чертовом Голдсборо собрали редчайшие сокровища. Да еще и окружили себя двумя самыми прекрасными в мире женщинами.

– Вы уже познакомились с герцогиней де Модрибур? – спросил Пейрак, указывая на Амбруазину.

– Только что. – Губернатор несколько раз прикоснулся губами к пальчикам герцогини. – Она обворожительна.

– Госпожа де Модрибур гостит у нас уже несколько дней. Ее судно потерпело кораблекрушение у наших берегов.

– Кораблекрушение! Какой ужас! Неужели вы хотите сказать, что этот великолепный край, это прекрасное море опасны!..

– Не прикидывайтесь младенцем, – с улыбкой отвечал Пейрак. – Кому, как не вам, знать это после того беспримерного подвига, который вы только что совершили, пробившись через пороги устья реки Святого Джона на своем трехмачтовике.

– Это не я, а Александр, – выпятив грудь, сказал маркиз.

Жоффрей де Пейрак представил герцогине губернатора Голдсборо Колена Патюреля, его помощника де Барсампюи, командующего флотом Ролана д'Юрвиля, капитана испанских гвардейцев дона Хуана Альвареса, затем самых уважаемых лиц из числа ла-рошельских гугенотов. И наконец, барона де Сен-Кастина, которого Анжелика только что заметила, и его будущего тестя Матеконандо, вождя сурикезов с Пенобскота, заявившегося на пир в нахлобученном на длинные, заплетенные в косы волосы черном флорентийском берете, подаренном его предку Верадзано.

Герцогиня всем любезно улыбнулась:

– Вы, граф, положительно правы. Мне думается, что здесь, на побережье, дворян знатного происхождения гораздо больше, чем в приемной короля.

Ей вспомнились слова графа, сказанные ей по прибытии.

– Мы все – джентльмены удачи! – воскликнул лейтенант де Барсампюи. – Над нами реют знамена наших отцов, а в приемной короля остались одни буржуа да трусы.

Лейтенанту хотелось привлечь к себе внимание. Он был влюблен в Кроткую Мари и опасался, как бы герцогиня не сочла его невыгодной партией. Для пущей убедительности он еще раз повторил свое имя, уже произнесенное графом, и перечислил дворянские титулы своих родственников из Нанта, откуда он был родом.

Герцогиня с интересом взглянула на загорелое и обветренное лицо этого молодого корсара, в котором читались искренность и пыл привыкшего к сражениям воина. И верно, ни в приемной короля, ни в монастырских приемах герцогине де Модрибур не попадались дворяне подобного сорта. Нечто вроде сдержанного любопытства мерцало в глазах Амбруазины, и она с интересом переводила взгляд с одного лица на другое. Она отменно владела собой, так что нелегко было понять, о чем она думает, но Анжелика интуитивно ощущала, что, попав в столь непривычное для нее общество, герцогиня испытывает определенное удовольствие.

Барсампюи пытался знаками привлечь внимание Кроткой Мари. Ему, хотя и гораздо менее сдержанно, вторил Аристид Бомаршан, задумавший покорить Жюльенну.

Но Королевские дочери благоразумно отдалась на попечение своей благотельницы и Петрониллы Дамур, их чинную группу довершал секретарь Арман Дако.

Неожиданно девушек заметил маркиз де Вильдавре.

– О, да тут еще! – вскричал он. – О, что за чудное место! Извольте, сударыни, не желаете ли освежиться?

Вырвавшись из толпы, он увлек компанию к столам. Анжелика услышала, как он говорил Амбруазине де Модрибур:

– Кораблекрушение! Какой ужас! Расскажите же мне о нем, бедняжка!

Анжелика возобновила знакомство с бароном де Сен-Кастином, и тот представил ей свою невесту Матильду, юную индейскую принцессу, в которую был влюблен. Девушка с тяжелыми черными косами, обрамлявшими золотистый овал ее лица, была прекрасна и изящна.

– Есть ли какие-нибудь известия от нашего английского морехода Джека Мервина? – спросила Анжелика барона.

– От отца Вернона? Он снова отправился в путь. Думаю, он попытается пробиться на Кеннебек к отцу д'Оржевалю, чтобы отчитаться о своей миссии.

– А что нового в войне с индейцами?

– Мои племена ведут себя спокойно, но доходящие до нас вести их будоражат, так что я с трудом сдерживаю их. Абенаки с западного берега Кеннебека продолжают собирать урожай скальпов и пленных. Говорят, будто они спустили на воду свой флот, чтобы осадить острова в заливе Каско и вытравить англичан из их последнего убежища. Если острова падут, Новая Англия вряд ли оправится от подобного удара.

– Хорошенькое дело! – вскричал услышавший эти слова Вильдавре, который лакомился неподалеку блюдом из крабов.

– Дело станет не таким хорошим, если корсар Фипс возьмет в плен вашего интенданта Новой Франции, – возразил Сен-Кастин, – и если в отместку все эти английские суда, что нынче ловят рыбу в заливе, придут, чтобы взять в блокаду мой форт Пентагоет.

– Ничего не бойтесь, любезнейший. Господин де Пейрак займется англичанами, – заверил губернатор Акадии, не переставая жевать. – Вы уже отведали краба, барон? Восхитительное блюдо. И тончайшее послевкусие. Интересно, что бы это могло быть? Бьюсь об заклад, мускатный орех. Что скажете? – восхищаясь, словно узнал тайну чрезвычайной важности, он ткнул пальцем в сторону Анжелики.

Она признала, что маркиз прав. «Не бывает вкусного краба без мускатного ореха», – гласит старая ла-рошельская гастрономическая поговорка. Недаром же после отхода «Бесстрашного» в Голдсборо по неизвестным причинам остался торговец пряностями и его слуга-караиб.

Тут внимание присутствующих привлекли два события, произошедшие одновременно. В одно и то же мгновение половина голов повернулась к опушке леса, откуда, неся индей-

ское каноэ на голове, появился монах в коричневой рясе; а вторая половина – к рейду, куда входила тяжелая шлюпка водоизмещением тонн тридцать.

– Брат Марк, капуцин из Сент-Обена на реке Святого Креста, – закричал Вильдавре, указывая на монаха, – а там, – он ткнул пальцем в сторону моря, – Гран Фонтен.

Гран Фонтена прозвали Дрыном. Из-за полученной по наследству прекрасной и почти бескрайней дубовой рощи, где он проводил большую часть своей жизни. Этот здоровяк кое-как перебивался, изредка подторговывая пушниной, а главное, был заядлым охотником и рыболовом, что ничуть не улучшало его положения.

Бесцеремонно растолкав и отпихнув находившихся в шлюпке людей, он ступил на сушу и, узнав Пейрака, издали закричал:

– Пороги и устья реки Святого Джона покорены. И сделали это французы, да к тому же в кружевах, квебекские красавчики. Но с тылу на это дурачье напали преследовавшие их англичане. И теперь англичане заперли вход, так что я не могу вернуться домой. Поэтому прошу вашей помощи.

Он двинулся вперед, за ним, выбравшись из шлюпки, потянулась вся разномастная компания. Несколько крепко сбитых жителей Акадии, группа женщин и детей, явно английского или голландского происхождения, индейцы – малеситы или микмаки – в расшитых островерхих шапках. В толпе отчетливо выделялся шотландец Кромли в коротком клетчатом килте, недавно отправленный графом в иностранные поселения Французского залива с предупреждением о грозящей им опасности.

– Да, – подойдя ближе, повторил Дрын, – этот болван губернатор совершил подвиг, снимаю перед ним шляпу, но мы все из-за него попали в переделку...

– О ком вы толкуете, сударь? – поинтересовался маркиз де Вильдавре, выпрямившись во весь свой рост, чтобы его заметили.

– А, так вы здесь! – увидев его, воскликнул Дрын. – Вам удалось выбраться... из Джемсега? И вы прошли пешком через лес?

– Мне всегда удастся пройти там, где я хочу пройти, – в ярости визгливо прокричал губернатор. – И да будет вам известно, что мне всегда удастся окоротить наглецов вроде вас...

– Не гневайтесь, – отвечал ему Дрын в некотором смущении, – я же сказал, что снимаю перед вами шляпу за то, что вы преодолели пороги устья.

Он шмыгнул носом и утерся рукавом куртки из буйволовой кожи.

– Но мы и вправду из-за вас влипли: англичане выются вокруг, как осы. Лучше бы вы ускользнули от них, славировав в залив, а не входили бы в реку.

– Это был единственный способ спасти мой ценный груз.

– Ну да, – ухмыльнулся один из вновь прибывших. – Еще бы! Конечно, ценный, ободрали нас как липку – одни меха, которые вы награбили, чего стоят.

– Я вас вовсе не грабил, как вы, господин Дефур, говорите! – прорычал губернатор. – Хотя бы потому, что, прибыв в ваши угодья, я там даже драной кошки не обнаружил...

– Отчего же? А наша?

– Только ее, и больше ничего! – От ярости Вильдавре раскалился докрасна и брызгал слюной. – Господа Дефуры, все четверо, разбежались по лесам, вместо того чтобы, как подobaет верноподданым его величества, достойно встретить его представителя, то есть МЕНЯ! К тому же один из них, убегая, еще и умудрился склонить к дезертирству шестерых солдат форта Святой Марии и явиться с ними в распоряжение господина де Пейрака.

– Что же, вы должны бы быть довольны, потому что господин де Пейрак окажет вам услугу. Так что, приведя этих солдат сюда, мы следовали исключительно вашим желаниям. А вы, вместо того чтобы отблагодарить нас...

Братья Дефур очень походили друг на друга, разве что младший, только что прибывший, был еще выше ростом и шире в плечах, чем старший. Вильдавре мрачно уставился на них:

– Ну что же, будем надеяться, что в скором времени здесь соберутся все четыре мерзавца, чтобы я мог заковать их в кандалы и под надежной охраной отправить в Квебек.

Оба брата и Дрын разразились громким наглым смехом, им оглушительно вторили все микмаки, родственники или соплеменники.

Дрын вытащил из кармана огромный крестьянский платок и вытер им выступившие от смеха слезы.

– Вы, господин губернатор, здесь не на французской территории. Голдсборо – нейтральное королевство, а мы его подданные.

– Нейтральное королевство! – выпучив глаза, повторил губернатор. – Что я слышу? Да это бунт!.. Бунт против королевской лилии!..

Жоффрей де Пейрак не проявлял к ссоре ни малейшего интереса. Губернатор Акадии славился распрями со своими подопечными, которые в одних и тех же выражениях разгорались при каждом его ежегодном визите.

Граф предпочел коротко переговорить с Кромли и несколькими людьми, доставленными шотландцем, скорее из соображений осторожности, нежели опасаясь конкретной угрозы войны с индейцами, беженцами из английских и голландских концессий. Выяснилось, что иностранные колонисты Французского залива сильнее обеспокоены действиями своего бостонского соотечественника Фипса, нежели поведением французов. А потому воспользовались возможностью переждать в Голдсборо, пока не уладятся дела в устье реки Святого Джона. Проходившая мимо акадская барка охотно приняла их на борт.

– Пока набирайтесь сил, – сказал им Пейрак после того, как представил преподобному Пэтриджу, мисс Пиджент и англичанам, уцелевшим в заливе Массачусетс. – Через несколько дней вы сможете вернуться домой. Старый вождь Скудун держит в руках своих индейцев, а я собираюсь сам нанести им визит, чтобы успокоить его.

– А я как раз принес вам от его имени вот это, – сообщил, подходя, монах в коричневой рясе.

Он протянул Пейраку тонкий кожаный ремешок с нанизанными на него ракушками.

– Скудун специально пригласил меня к себе в деревню Метудик, чтобы послать к вам. Эти квебекские господа из Джемсега просят его повести своих воинов и выступить против англичан. Он пока не принял решения и посылает вам эту низку...

– Всего одну!..

Пейрак в задумчивости перебирал ракушки. Уж слишком незначительная посылка. Она могла означать как «Что я должен делать? Я занял выжидательную позицию», так и «Это знак глубокого почтения, которое я выражаю вам, прежде чем начать кампанию, однако действовать я буду по своему усмотрению».

– А что вы об этом думаете, отец мой? Вы ведь с ним виделись? – обратился Пейрак к капуцину.

– Он с места не двинется, не узнав вашего мнения. Однако приказал начать военные приготовления, чтобы угодить господам, чьим судам угрожают англичане.

Капуцин говорил с полным равнодушием. Ощущалось, что исход переговоров его совершенно не интересует. Молодой, безбородый, с решительным и пригожим загорелым лицом и взлохмаченными ветром каштановыми волосами, он был одет в высоко поддержанную веревочным поясом рясу и мокасины. Хотя он принял сан и мог служить мессу, было в нем что-то, из-за чего все звали его брат Марк, словно он был послушник.

– Какая удача, что Скудун отправил вас бродить по лесам, – язвительно заметил Вильдавре, – вы ведь любите это больше, чем читать «Отче наш»? Заодно вы смогли подучиться

на всех стремнинах и порогах Святого Джона, Святого Креста, то есть Медукснакеага. Сколько раз ваша лодка перевернулась и вы оказались под ней? Сколько воды вы наглотались в водоворотах у скал?.. Эта молодежь только и думает что о безумствах, эта страна буквально лишает их рассудка, – пояснил он, обращаясь к Анжелике. – Вы только взгляните на нашего монаха. Даже индейцев поражает, с какой дерзостью он сплавляется по всем рекам, считающимся непреодолимыми и опасными. И вы верите, что его мысли заняты служением Богу, ради которого он был отправлен сюда? Как бы не так! А взять моего Александра? Родители доверили мне сына, чтобы я сделал из него настоящего дворянина, а не дикаря, только и думающего о том, чтобы промчаться вверх по течению со скоростью десяти мустангов, что он, кстати, уже сделал в прошлом году на Малом Кодиаке. А нынче ему, видите ли, понадобилось устье реки Святого Джона...

– Стало быть, вы признаете, что втравили нас в эту историю, чтобы угодить своему любимчику! – выкрикнул Бертран Дефур.

– Но я не вызывал Фипса, – вне себя от ярости проревел Вильдавре.

– Не важно, – примирительно заключил брат Марк, – подвиг остается подвигом. И заметьте, он имеет не только дурные последствия. Именно воспоминание о прошлогоднем походе вверх по течению и о недавнем покорении порогов вызвало такое восхищение Скудуна, что он задумался, не следует ли ему оказать поддержку французам и в конце концов проявить себя надежным союзником.

Лицо маркиза посветлело, на нем блеснула юношеская улыбка, делавшая губернатора на двадцать лет моложе.

– А что я вам говорил?! – воскликнул он. – Александр не напрасно рисковал своей жизнью... и моей... Он необыкновенный юноша. Вы поняли, граф, если бы не мой Александр, мы все погибли бы.

– Не торопитесь, мы пока не спасены, – со смехом уточнил Пейрак. – Тем более что мне бы не хотелось, чтобы Скудун проявлял особенную преданность французам. На сегодня я бы предпочел, чтобы он выказал свое высокомерие. Полагаю, теперь мой черед произвести на него впечатление.

Посмотрев вокруг, граф направился к англичанам. По большей части они расположились на песке прямо у полосы водорослей и скромно перекусывали, попивая пиво.

– С вами ли торговец вразнос господин Кемптон? – поинтересовался Пейрак.

Тот как раз сноровисто снимал мерки, обещая назавтра – самое позднее через неделю – обеспечить всех желающих элегантной обувью отменной прочности и по последней лондонской моде. Достаточно ли у него кожи для стольких заказов? Разумеется, да к тому же лучшего качества. На худой конец, он раздобудет ее через два дня. У него на примете есть один островок, где...

Услышав вопрос Пейрака, мелкий торговец из Коннектикута выступил вперед и представился, из почтения к знатной особе задрал вверх свой острый нос. Обмотанная несколькими слоями лент шея делала его похожим на заклинателя змей.

– Господин Кемптон, – сказал ему граф, – мне понадобится ваш медведь.

– Мой медведь! Что вам от него надо? – запротестовал Илай Кемптон, заподозрив неладное.

– Хочу взять его в союзники. Или, пожалуй, поручить ему миссию чрезвычайной важности. Такому умному медведю просто необходимо стать дипломатом на английской службе. Хочу взять его с собой в Метудик, чтобы склонить на свою сторону вождя малеситов Скудуна, от которого я жду важных уступок, например отказа от вступления в военный союз с французами.

Илай Кемптон покачал головой:

– Это невозможно. Мистеру Уиллоби не стоит ввязываться в столь опасные дела. Да и не могу я расстаться со своим медведем.

– Но вы могли бы сопровождать его.

– О! Yes! А есть ли там европейские женщины? – подозрительно спросил торговец.

– Разумеется! Покинутые своими мужчинами. Они с радостью примут вас.

– О! I see. Это все меняет, – возликовал Илай, и глазки его радостно загорелись.

– До чего же похотливы эти англичане, – с отвращением заметил Вильдавре, отламывая маленькие кусочки от пирога с черникой. Он достаточно знал английский язык, чтобы следить за диалогом.

– Да нет же, – рассмеялась Анжелика. – Этот славный малый – мелкий торговец из Новой Англии. Он ищет клиентуру. Его торба поистине бездонна, в ней всегда найдется что-нибудь на продажу. Чудом появления на нашем побережье всех этих многочисленных кружевных манжет и атласной тесьмы мы обязаны ему. И разумеется, все женщины рады его видеть.

Тем временем Кемптон решил:

– Ладно. Я уведомя Мистера Уиллоби и завтра сообщу вам его ответ. – Торговец спешил вернуться к своим делам. Он оставил графа де Пейрака и снова закричал: «Обувь! Кому превосходную новую обувь!..»

– Какая занятная личность, – заметила герцогиня де Модрибур после его ухода. – И до чего заняты и утомительны все эти люди... Мне никогда не было так весело! – воскликнула она, с восторгом побывавшей на первом балу девочки глядя на Анжелику.

Казалось, она столь очарована происходящим, что позабыла свой долг попечительницы, чем воспользовались некоторые поселенцы из числа тех, кто полагал себя женихами Королевских дочерей. Желая попытаться счастья, молодые люди, делая вид, что стремятся предложить закуски или напитки, увлекали барышень к столам, чтобы остаться наедине с дамой своего сердца. Барсампюи старался противопоставить галантное обхождение скромности Кроткой Мари, квартирмейстер Ванно принялся пересказывать Дельфине Барбье дю Розу свои странствия по миру. Аристид Бомаршан, разумеется, взялся за Жюльенну, которой время от времени никак не удавалось удержаться от громкого хохота; тогда она пугливо озиралась на герцогиню и Петронииллу Дамур и прикрывала смеющийся рот ладошкой. Впрочем, пышнотелая дуэнья тоже ослабила бдительность. Появление Кромли совершенно перевернуло представления почтенной женщины о мужском сословии. Этот его представитель в юбке и с торчащими во все стороны и растрепанными, словно метла, рыжими бакенбардами очевидно привлекал ее внимание. Заметив такой интерес к своей особе, шотландец, со свойственной ему самоуверенностью, принялся рассказывать Петрониилле леденящие кровь истории о случающихся в заливе видениях, о кораблях-призраках и о чудесах морских.

Анжелика заметила, что всеми покинутой оказалась только мавританка, впрочем очень приветливая и хорошенькая. В стремлении к благопристойности матросы Колена Патюреля вовсе не хотели любезничать с метиской, дабы не вспоминать о своем явном пристрастии к островитянкам во время морских странствий.

Анжелика уже собралась развлечь девушку и поручить заботам местных барышень, но в этот момент ее опередил Жан Ле Куеннек. Углядев одиноко стоящую гостью, он подошел к ней:

– Говорите ли вы по-французски, сударыня?

– А как же! – воскликнула она. – Я воспитывалась в монастыре урсулинок в Нёйи, под Парижем. Я умею читать и вести светскую беседу.

– Вы меня восхищаете, – заверил добрый малый. – Не желаете ли отведать елового пива, а может, лимонада из ягод белого сумаха или немного испанского вина для увеселения сердца?

– Испанского вина, – заулыбавшись, сказала девушка.

Стоя подле Анжелики, герцогиня наблюдала за развитием событий.

– Очень любезно со стороны этого юноши заняться девочкой, – со вздохом заметила она. – Бедная моя мавританка! Мне не хотелось брать на себя такие хлопоты, но одна приятельница, маркиза де Роканкур, сильно настаивала, чтобы я позаботилась о ней. Не знаю, найдется ли на нее охотник в Квебеке. А жаль, потому что я привязалась к малышке. Впрочем, она всегда может уйти в монастырь и стать послушницей. Это дитя – само совершенство.

В сознании Анжелики молнией пронеслась мысль о незаконнорожденных детях, прижитых порочными знатными дамами от своих лакеев-мавров. После развратницы прятали младенцев в монастырях или слуги приносили их в корзинах во Двор чудес и продавали там.

– О чем вы задумались? – спросила герцогиня, прикоснувшись к запястью Анжелики.

– Ни о чем определенном. – Анжелика тряхнула головой, чтобы избавиться от своих воспоминаний.

Париж и его развратные нравы остались где-то далеко.

Амбруазина внимательно вглядывалась в нее своими огромными глазами цвета янтаря.

– Порой на вашем лице мелькает какая-то тень, – промолвила она, – которая придает ему невыразимую красоту... Должно быть, у вас чрезвычайно напряженная духовная жизнь?

– Не знаю, – улыбнулась Анжелика. – У меня нет времени задумываться над этим.

Она размышляла, насколько уместно было бы сейчас обсудить с герцогиней план поселения Королевских дочерей в Голдсборо. Ей представлялось, что момент подходящий.

Но тут к ним вернулся Жоффрей де Пейрак:

– Вы ведь известили меня нынче о том, что сагамор Пиксарет утром появился в Голдсборо?

– Верно. Он сказал, что пришел за моим выкупом, и безотлагательно хотел с вами повидаться. Однако здесь я его не вижу.

– Что за история с выкупом? – заинтересовалась герцогиня, и глаза ее округлились. – Нынче утром вы уже об этом упоминали.

Анжелика вкратце рассказала ей, что во время сражения в Новой Англии была взята в плен знаменитым Пиксаретом. Он предоставил ей свободу, однако, согласно военным законам индейцев, господин де Пейрак должен был заплатить выкуп ему, а также двоим воинам-абенакам за взятых в плен англичан, освобождения которых граф добился.

– Как все это странно, – с удивлением глядя на Анжелику, сказала госпожа де Модрибур. – Почему бы вам не избавиться от этих наглых индейцев?

– Надо соблюдать их обычаи...

Позвали двух воинов, Жерома и Мишеля, которые возле костра лакомились жареными ножками косули. Тщательно вытерев жирные руки о мокасины и волосы, они подошли к графу.

– Где Пиксарет? – на наречии абенаков спросила их Анжелика.

Воины-патсуикеты в нерешительности переглянулись.

– Сбежал, – ответил Жером.

Слово прозвучало необычно, особенно применительно к нестигаемому Пиксарету. Пейрак потребовал, чтобы они повторили, после чего спросил, как это понял Сен-Кастин. Однако другого перевода этому слову и быть не могло. Пиксарет именно «сбежал»... Почему? Чего испугался? Похоже, никто не знал ответа на этот вопрос. Анжелика с графом переглянулись.

– Жаль, что Пиксарета нет, – сказал Пейрак. – Я бы хотел, чтобы он сопровождал меня в нашей экспедиции. Скудун весьма озабочен союзом абенаков с другими племенами, так что визит достославного Крещеного Великана, о котором, кстати, он мне с интересом говорил, разумеется, привел бы его в величайший восторг. Они побеседовали бы о религии, покурили бы моего лучшего виргинского табака, а я тем временем успел бы устранить опасность конфликта.

– Возьмите с собой моего будущего тестя, Матеконандо, – предложил молодой гасконский барон. – Он тоже большой любитель поговорить о религии.

Тут Жером и Мишель принялись разглагольствовать об участии своих английских пленников, которых они долго преследовали и наконец взяли в Брансуик-Фолз. Настало время понять, уводить ли им их с собой, или граф согласится дать за них выкуп. Пора было обсудить этот вопрос, потому что оба приятеля и так проявили достаточное терпение.

– Эти дикари великолепны, не так ли? – сказал маркиз де Вильдавре, когда послали за юным Сэмюэлом Коруэном, преподобным Пэтриджем и мисс Пиджент и еще двумя участниками драмы, взятыми в плен абенаками.

– Вы только взгляните на их мускулатуру. Ни единой унции жира. При каждом движении кожа отливает золотом. Только вот пахнут они очень скверно. Жаль! Известно ли вам, что они могут бежать со скоростью оленя? Я сам видел это в Булонском лесу, когда вместе с господином Романьи привез несколько подобных образчиков во Францию, чтобы поздравить короля. Одного молодого ирокеза, Уттаке, заставили бежать наперегонки с оленем, так он догнал его и схватил за рога. Король опомниться не мог от изумления. Теперь этот Уттаке – вождь союза пяти племен и злейший враг Новой Франции. Не стоило устраивать ему такое прекрасное путешествие. Вот и пойми этих скотов!

– Я получила от него вампум, – сказала Анжелика, которая очень гордилась этим подарком вождя ирокезов.

– Вы, милочка, способны на все, – резко перебил ее маркиз, набрасываясь на тарелку с засахаренными колотыми орешками. – Однако, – заключил он с набитым ртом, – ирокезы – настоящие чудовища, и Новая Франция вздохнет свободно, только когда все они будут истреблены. Ах, я придумал! – воскликнул он, перескакивая с пятого на десятое. – Пейрак, дорогуша, если вы хотите поразить вождя малеситов, возьмите с собой моего Александра. Вы ведь слышали, что давеча сказал брат Марк. После того, что он совершил, не следует упускать возможность воздать по заслугам юному герою.

– Даже если это очевидная глупость, – прогудел Дрын. – Будь дело только в Малом Кодиаке, еще можно понять, в этом есть своя польза. Если там кости не переломаете, за час можно покрыть расстояние, которое, идя по реке против течения, обычно преодолевают за целый день. Но бешеные пороги устья Святого Джона...

– А почести... подвиг... Грубым натурам вроде вас не понять...

И все снова принялись неистово спорить. А больше всех кипятился брат Марк. Его слушали с определенным вниманием, потому что он имел большой опыт. Поговаривали даже, будто ни один дикарь не знает, как он, до мельчайших порошков, все бесчисленные речушки, ручейки и реки, начиная с Волчьей реки в низовье Святого Лаврентия до самого Кеннебека, не говоря уже о реке Святого Джона, Святого Креста и Пенобскоте.

– Судя по всему, эта тема очень занимает их, – шепнула Анжелика стоявшему подле нее д'Юрвиллю.

– Знали бы вы те края, вам было бы понятней, – ответил молодой нормандский дворянин. – Там вся жизнь подчинена течению рек, вода окружает вас, бурлит со всех сторон. Даже лес наполнен шумом падающей воды...

– Если бы не приливы в одиннадцать туазов, – проговорил Дефур.

– Но они есть, приливы в одиннадцать, а то и в двенадцать туазов, как мне говорили, – с торжествующим видом заметил Вильдавре. – А вот в Средиземном море они не достигают даже одного туаза. Отсюда можно сделать лишь один вывод: мы находимся в регионе поразительных явлений, что принуждает нас порой к поведению, отличающемуся от нормы.

– На восточной оконечности Бретани бывают приливы в восемь туазов. Однако бретонцы же не сумасшедшие.

– Они еще хуже. Общеизвестный факт, что они не такие люди, как все, во всяком случае, это какая-то совершенно отдельная порода. Однако вернемся в наш Французский залив. Что бы могло быть здесь причиной столь полноводных приливов?

– Я знаю, – сказал матрос с «Сердца Марии», который как раз был бретонцем. – Мне приятели из Сен-Мало объяснили. Они всю жизнь рыбачат там, а до них с незапамятных времен там рыбачили их предки, еще до того, как туда прибыл Колумб. Выходит, они все секреты побережья знают.

– Ну и?..

– Они говорят, что давным-давно таких приливов не бывало. А потом появилось огромное, длиной в несколько миль, морское чудище и забилося в расселину подводного рифа, да так там и сидит. И когда оно ворочается, море выходит из берегов.

Все засмеялись.

– Закрой рот, болтун! – прикрикнул на него Колен. – В наше время пора прекратить нести такую чушь.

– Это еще почему? – возразил задетый за живое матрос. – Парни из Сен-Мало говорили даже, что иногда возле пяти островов, напротив Парсборо, можно видеть, как глаза чудища сверкают под водой. И вроде полморды у него в Зеленом заливе, а вторая половина – в заливе Шигнекто, прямо на входе в Малый Кодиак. Вот вам и объяснение, почему там все так бурлит, – это оно пытается закрыть пасть.

– Помолчи! Помолчи, милейший, – снисходительно уговаривал его Вильдавре. – Слышал бы господин де Пейрак, человек ученый, вот уж он бы отругал тебя!

Впрочем, на многих матросов слова бретонца произвели большое впечатление.

– А чем это не объяснение, даже если оно не ученое, как вы говорите, господин маркиз, – бросился земляку на выручку другой бретонец. – Вот, к примеру, совсем недавно у нас в Бретани, возле Сен-Бриека, земля вдруг ходуном как заходит. Тогда чародей Мерлин велел копать, а там два гигантских дракона, белый да красный... Здешние края сильно на наши смахивают. А те парни из Сен-Мало, что с незапамятных времен ходят рыбачить во Французский залив, само собой, много чего знают. Ненормально же, что море вдруг ни с того ни с сего начинает подниматься, потом отступать, будто изнутри его что-то выталкивает, а потом подзывает обратно. Мы-то, выросшие на морском побережье, люди привычные и об этом не задумываемся, но все же должна быть тому какая-то причина.

Вильдавре вынужден был признать, что и для него это явление представляет загадку.

– Не могут ли столь сильные приливы зависеть от миграции рыб, когда они, обгоняя друг друга, огромными косяками идут на нерест? – высказал предположение брат Марк. – Это бы многое объяснило. Во Французском заливе столько рыбы, это отличает его от других. К тому же имеются тюлени и киты...

Колен с сомнением покачал головой, маркиз поморщился.

– Ваше предположение не кажется мне убедительным... А вот и граф возвращается. Как знать, возможно, он нас рассудит.

Дело с английскими пленниками уладилось довольно быстро, или по меньшей мере были сформулированы основы этого урегулирования, удовлетворившие обиженных абенаков. Предметом сделки не были белые дети, что упростило задачу, а Уауэнуруз-Жером

не сильно настаивал на своем желании увести с собой в качестве пленника раздражительного преподобного Пэтриджа, поэтому вполне удовлетворился, забрав предложенные Пейраком синие и ярко-красные лимбургские одеяла. Сложенные стопкой, они как раз достигали роста одного пленника и представляли собой достойный выигрыш.

Этот торг вывел пастора из себя. Он принялся орать, низвергая на индейцев потоки библейских проклятий, но те лишь смеялись в ответ.

Впрочем, Тенуиенан-Мишель сожалел, что не может увести мисс Пиджент в свою миссию Святого Франциска под Квебеком. Она была старовата, но добрая, работающая и еще вполне бодрая. Французы охотно выкупили бы ее, чтобы обратить в свою веру. Однако за горсть ракушек из южных морей он с удовольствием оставил англичанку ее собратьям по вере.

– Рассудите нас, граф, – взволнованно обратился к Пейраку Вильдавре. – Подозреваю, вы-то, возможно, сумеете дать ответ на вопрос, вернее, вопросы, которыми мы задаемся. Начнем по порядку. *Primo*: что за феномен является причиной приливов вообще? *Secundo*: почему именно в нашем Французском заливе происходят столь мощные приливы, которые за считанные часы изменяют пейзаж до неузнаваемости? Вы причаливаете к берегу на опушке леса, а шесть часов спустя в том же самом месте оказываетесь у подножия скалы. Есть над чем поразмыслить, а?

Жоффрей де Пейрак приветливо оглядел собравшихся и улыбнулся.

В тот день граф был одет в простой камзол темно-зеленого бархата, который особенно нравился Анжелике, потому что именно в нем она встретила его в Ла-Рошели. Особенно охотно Жоффрей надевал его в непринужденном состоянии, когда не ощущал необходимости сдерживать сложную, напряженную ситуацию и навязывать кому-то свою волю. Сегодня Анжелика чувствовала, что он спокоен и искренне наслаждается обществом столь разных людей, каждый из которых молчаливо одобряет его присутствие. В обществе царила какая-то новая атмосфера. Глядя на стоявшего неподалеку Пейрака, Анжелика видела, сколь приветлив и доброжелателен его взгляд, который, как она знала, может испепелять, а может излучать страсть и веселье, и тоже чувствовала умиротворение.

Ей показалось, что седина на висках мужа стала заметнее, и сердце ее исполнилось нежности к нему.

Анжелика ощущала, что недавние тревоги оставили в их истерзанных душах неизгладимый след. Однако в эти летние дни им слишком многое предстояло сделать. Пусть так, но постепенно хорошее придет на смену дурному. И после они вкусят сладость и богатство своей любви полнее, нежели сейчас, в этой суматохе. А теперь им следует держаться стойко и прямо, нести весь тяжкий груз своих обязанностей, чтобы позже позволить себе отдых, в котором они так нуждаются. Еще немного, и они вернутся в Вапассу, «домой», подбодрила себя Анжелика. Только бы Жоффрей отказался от представлявшейся ей столь опасной затеи отправиться в Квебек.

– Охотно отвечу на первый вопрос, – сказал Пейрак. – Но мне бы хотелось послушать, как это сделает кто-нибудь из вас. Того, кто откроет истину путем рассуждений и выводов из своих наблюдений, ждет награда. Ну же, господа, вы люди морские и наверняка в своих странствиях почерпнули немало знаний. Припомните, что видели, и обобщите свой опыт. И я уверен, очень скоро вы приблизитесь к научному и математически обоснованному ответу на вопрос о том, что вызывает приливы на нашем земном шаре.

Все принялись переглядываться и перешептываться, насупились и погрузились в глубокие размышления.

– Я вижу, что Йан поднял глаза к небу, – заметил граф. – Горячо, малыш!

– Не следует ли искать тайну приливов в звездах? – спросил Йан.

– Разумеется. Во всяком случае, в светилах, – подтвердил чей-то голос. – Потому что приливы связаны с притяжением Луны...

Глава XV

Голос принадлежал женщине. Все взгляды обратились в сторону, откуда он исходил.

Стоявшая подле Анжелики герцогиня де Модрибур стойко выдержала удивленное, а скорей ироничное и осудительное, внимание мужчин. Гордо вскинув свою изящную головку, она ответила им вызывающей улыбкой.

На мгновение воцарилось изумленное и, пожалуй, даже возмущенное молчание. Все ждали, что скажет граф.

Жоффрей де Пейрак сделал несколько шагов к герцогине.

– Сударыня, вы победили, – поклонившись, сказал он. – Знайте же, что для Голдсборо большая честь принимать в своих стенах, если вы позволите мне так выразиться, одну из учениц великого астронома Гассенди, француза, который первым в мире во Французской Гвиане рассчитал длину земного меридиана.

– Луна? При чем здесь луна? – воскликнул губернатор Акадии. В этот момент он напоминал изумленного Пьеро. И добавил: – Прежде всего, приливы бывают не только ночью, но и днем.

– Вы меня удивляете, друг мой, – ответил ему Пейрак. – Подумайте сами, наша Земля – планета среди других планет, и Луна всегда здесь, и ночью и днем. Впрочем, как и Солнце.

– А притяжение? Что такое притяжение? – поинтересовался квартирмейстер Ванно.

– Случалось ли вам видеть, как магнит собирает иголки? – ответила госпожа де Модрибур. – В определенные часы Луна так же воздействует на нас.

Каждый оценил простоту образа, и снова воцарилось удивленное молчание, но на сей раз не столь неодобрительное.

Многие отвели глаза и посмотрели вверх. А Вильдавре как раз разглядел бледный серп луны на фоне перламутрового неба, с приближением вечера постепенно приобретающего золотистый оттенок.

– Так вот, шельма, что ты с нами вытворяешь! – воскликнул он. – Верно, Бержерак, ученый, что слагал стишки и прокалывал шпагой всех, кто насмехался над его чересчур длинным носом, еще в прошлом веке говорил что-то подобное. Но я думал, что этот гасконец безумен, как все гасконцы, – продолжал весельчак, подхватывая под руки де Пейрака и Сен-Кастина. – А теперь мне хотелось бы понять, почему в определенные часы, впрочем разные, эта шутница притягивает нас, а в другие – оставляет в покое.

Жоффрей де Пейрак учтиво поклонился Амбруазине де Модрибур:

– Вам начинать, сударыня...

– Вы, граф, могли бы объяснить не хуже моего, – с некоторым кокетством возразила она. – Уж не испытание ли это?

Он отрицательно покачал головой. Его темный внимательный взгляд задержался на лице герцогини.

И тут Анжелика испытала необъяснимое, почти физическое страдание, как если бы чья-то грубая и безжалостная рука внезапно сжала ее сердце.

Эта идущая из какого-то невидимого источника потаенная глубокая боль испугала Анжелику. Ей потребовалось некоторое время, чтобы определить источник этой боли. Взгляд Пейрака. Тут она поняла. Взгляд, которым он смотрел на герцогиню, принадлежал только ей, Анжелике, его возлюбленной, его жене.

А сейчас ее супруг обратил его на лицо молодой женщины, которое в перламутровом свете сгущающихся сумерек приобретало прозрачность алебаstra, на это лицо, где в огромных темных глазах плясало пламя живого ума. Жоффрей едва заметно улыбался, но никто не мог бы сказать, о чем он думает.

– Испытание? О нет, сударыня! – возразил он. – Я и без того слишком часто всхожу на кафедру. Мне доставило бы удовольствие на несколько мгновений стать вашим учеником.

Она разразилась почти детским смехом и резко тряхнула головой в знак протеста, от чего рассыпались по плечам ее роскошные черные волосы.

– Глупости! Я уверена, что ВАС мне нечему учить.

– А вот я убежден в обратном.

«Да они флиртуют», – в ужасе призналась себе Анжелика. Какой-то страх пригвоздил ее к месту, а они продолжали беседовать у нее на глазах, и издали, как в кошмарном сне, она различала их голоса: глухой, принадлежавший мужу, и другой, воркующий, завораживающий, – голосок Амбруазины, ее горловой смех.

– Граф, вы расставляете мне ловушки!.. Ведь не станете же вы, прославленный ученый, утверждать, будто не знаете, по какой причине прилив происходит не точно в тот час, когда Луна находится в зените, но с некоторым временным сдвигом?..

– К несчастью, именно так. Мне пока не удалось математически обосновать причину сего феномена.

– Вы надо мной насмехаетесь.

– Нет! Скорее вы вправе посмеяться надо мной... Но это столь мелкое унижение... Нетрудно простить себе незнание, когда обладаешь привилегией поступить в обучение к столь прекрасной женщине... Итак, послушаем ученого магистра...

– Постойте! Подождите! – закричал Вильдавре. – Я тоже хочу понять! Начнем сначала. Каким образом лунное притяжение, если допустить, что таковое имеется, может вызывать приливы?.. Слушай внимательно, Александр!

– Я все это и так знаю, – обиженно проворчал молодой человек.

Амбруазина тотчас повернулась к подростку с вопрошающим и одновременно властным выражением лица. У того достало ума пойти на попятную:

– Я хочу сказать, что в Квебеке мне об этом уже рассказывал отец де Мобеж. Но я не прислушивался.

– Отец де Мобеж? – Казалось, Амбруазина заинтересовалась. – Он ведь бывал в Китае и содействовал основанию обсерватории в Пекине, не так ли? Мне не терпится побеседовать с ним!

– Так что с Луной? – настаивал Вильдавре.

– Сейчас узнаете, маркиз. Если желаете, можете задавать мне вопросы. – На сей раз она обращалась непосредственно к губернатору Акадии.

– Итак, – наставительно начал он. – Э-э-э... если Луна, как вы говорите, оказывает влияние на весь земной шар в приблизительно равных пропорциях, как может случиться, что в каких-то местах приливы незначительны, а в других – огромны?

– Тонкое замечание. Действительно, об этом велись долгие споры. В наши дни пришли к выводу, что подобная разница в силе приливов вызвана неодинаковой в разных морях вязкостью воды. Так, например, Средиземное море – внутреннее, а потому очень соленое, и притяжение Луны не может создать кривизны, достаточной для того, чтобы уравновесить вязкость поверхности. Напротив...

– Что вы называете вязкостью поверхности? – поинтересовался кто-то.

– Плотность того, что составляет «кожу» моря.

– «Кожу» моря! – прыснул Вильдавре.

– Да-да, друг мой!

Анжелика пришла в себя. С тех пор как маркиз включился в разговор и он перестал быть диалогом между графом де Пейраком и герцогиней, Анжелика почувствовала себя лучше, внезапно нахлынувшая дурнота прошла.

Щеки вдруг загорелись, и графиня поняла, что несколько секунд, должно быть, была бледна как смерть. Слова по-прежнему гудели в ушах, она заставила себя прислушаться и понять их смысл, сию же минуту осознав, что же произошло.

«Что это было? Да ничего! Что на меня вдруг нашло?... Ничего не случилось. Все в порядке, все как обычно...»

Анжелика слушала голос Амбруазины де Модрибур, которая очень доходчиво объясняла, что, если выстрелить по поверхности моря, пуля рикошетом от нее отскочит. А значит, благодаря своей «коже» море оказывает сопротивление любому проникновению. «Кожа» внутреннего моря, каким является, например, Средиземное, неизбежно стягивается, становится очень плотной и таким образом сопротивляется притяжению ночного светила. Напротив, чем больше поверхность, тем больше она растягивается, как здесь, во Французском заливе, или в бретонской бухте Мон-Сен-Мишель, где встречаются две оконечности безбрежного океана. И тем охотнее море покоряется притягательной силе Луны.

— Кроме того, в обоих этих местах географам удалось обнаружить наличие ледниковой платформы, о которой мы только что говорили, что, вкупе с небольшой глубиной, является дополнительной причиной крайнего утончения сопротивляющейся поверхности воды. Вот почему в наших краях Луна может играть с нею, как с легкой вуалью, покорной всем ее капризам. Скажите, граф, не слишком ли далеки мои объяснения от научной строгости?

— Они точны и доступны всем, — признал Пейрак.

И несколько раз одобрительно кивнул.

Вне себя от радости, Амбруазина бросила на него пылкий взгляд. Губы ее приоткрылись, обнажив ряд блестящих прекрасных зубов.

— Все это представляется логичным, — согласился губернатор, — но удалось ли кому-нибудь установить, в какой момент, помимо наших сновидений, оказывает на нас влияние нежная Феба?

— Самое сильное влияние она оказывает, когда находится между Землей и Солнцем...

— А почему происходят два прилива? — с жаром вмешался квартирмейстер.

Стоило герцогине заговорить о науке, голос ее приобрел особую силу и звучность. Она рассказала, что при том и другом приливе Луна меняет свое местоположение по отношению к Солнцу. Когда она находится в квадратуре, то есть под прямым углом к Солнцу, два полюса притяжения противодействуют между собой, и притяжение, а вместе с ним и прилив, ослабевает. Это явление называется квадратурным или малым приливом с половинной амплитудой. Не следует путать его с отливом, как это частенько делают люди, несведущие в морской терминологии.

— А что происходит во время отлива?

— Луна отдаляется, притяжение ослабевает, и поднявшаяся вода просто отступает.

— От ваших рассказов у меня голова кругом идет, — скептически заметил Вильдавре. — Это ведь как на качелях, верно?

Краем глаза он следил за реакцией Пейрака, однако тот, по-видимому, не подвергал ни малейшему сомнению утверждения хорошенькой женщины. Напротив. Его суровое, обычно непроницаемое лицо как будто осветилось удовлетворением.

— Стало быть, законы Кеплера подтверждены? — поинтересовался он.

— Конечно. Кстати, я состояла с ним в переписке.

Граф едва заметно приподнял бровь.

— С Кеплером? — с сомнением переспросил он.

— А почему нет? — Амбруазина снова дерзко взглянула на него. — Выходит, по вашему мнению, женщина не в силах понять законов, выведенных им из его наблюдений за фазами Марса? А также того, что планетарные орбиты — это эллипсы, одним из фокусов которых является Солнце, и что площадь развертки лучей вектора, идущих от центра Солнца к центру

планеты, прямо пропорциональна времени, затраченному на прохождение этой дуги. И еще тех законов, доказывающих, что квадрат времени обращения планет пропорционален кубу главных осей орбит.

– Именно из этих законов английский ученый Ньютон вывел законы всемирного тяготения, и лунного притяжения в их числе, – добавил Пейрак, с неослабным вниманием слушавший герцогиню.

В его голосе Анжелика словно бы различила скрытое послание. Сомнений не было. Жоффрея глубоко взволновала беседа с герцогиней де Модрибур, смысл которой оставался неясным для всех остальных присутствовавших.

Она испытала облегчение, когда маркиз де Вильдавре, не любивший оставаться на вторых ролях, своим вопросом вновь нарушил колдовские чары:

– Вернемся же к Луне! Она ближе к нам, нежели ваши чертовы бесплотные центры. Ответьте еще на один вопрос, герцогиня, лично для меня, касательно приливов. Допустим, на поверхности Земли, на том полушарии, что обращено к Луне в момент притяжения, возникает вздутие, но как подобный феномен может произойти у антиподов, на другой стороне земного шара?

Амбруазина сочувственно улыбнулась ему.

– Да потому, сударь, что в беспредельной системе окружающих нас планет, – мягко произнесла она, – Земля – это всего лишь крохотная точка. Так что влияние Луны, впрочем, как и Солнца, не ограничивается тем, что застаёт нас в одном определенном месте, то есть там, где вы находитесь. Оно буквально обволакивает нас, проникает внутрь. Если поразмыслить, подобное единение с окружающими нас в бескрайности бытия видимыми и невидимыми системами поистине чудесно. И нам остается лишь признать величие Творца, Господа, Отца нашего Небесного, – с воодушевлением закончила она, устремив свой взор ввысь.

Там, в золотистом вечернем воздухе, зажглась звезда.

В этот момент, шумно хлопая крыльями, над ними, словно мощное дыхание кого-то невидимого, пронеслась большая стая птиц.

Анжелика почувствовала, что происходит нечто необычное, непривычное, чего никто, кроме нее, не замечает. Сама она, впрочем, лишь мельком ощутила это явление, словно бы это творилось где-то в другом месте и вовсе не имело к ней отношения. Но странное видение, точно вспышка молнии, запечатлелось в ее зрачках! *Все присутствующие мужчины не сводили глаз с Амбруазины де Модрибур.*

Поразительная красота герцогини, с ее юным и бледным лицом, словно освещенным изнутри иступленной религиозной страстью, ослепляла. Анжелика не могла бы сказать, сколько прошло времени, – возможно, всего лишь краткий миг. А быть может, на самом деле и вовсе не было этого мгновения тишины.

Попечительница повернулась к графу де Пейраку и тоном светской дамы поинтересовалась:

– Удовлетворены ли вы, магистр? Я могу снять ученую тогу?

– Разумеется, сударыня. Вы более чем подробно ответили на все затруднительные вопросы. За что мы очень признательны вам.

Герцогиня по-прежнему пристально смотрела на него. Затем хитро улыбнулась.

– А моя награда? – спросила она, будто решившись. – Не вы ли пообещали, что тот, кто сумеет объяснить причину и силу приливов во Французском заливе, получит награду из ваших рук?

– Да, – смутился он, – но...

– Вы не были готовы к тому, что получите ответ от женщины? – со смехом предположила она.

– Увы, – улыбаясь, согласился он, – я подумывал о трубочном табаке для этих господ...

– И не предусмотрели ничего для меня, женщины...

Она продолжала смеяться, но теперь смех ее стал более нежным, тихим, как будто снисходительным.

– Ну что же! Я неприхотлива. Из-за кораблекрушения я лишилась всего... Мне доставит удовольствие любая мелочь. Но все же я имею право на награду... Вы согласны?

Словно опасаясь дерзкого и в то же время простодушного взгляда Амбруазины де Модрибур, граф отвел глаза. Казалось, он готов снять с пальца один из своих перстней, чтобы подарить его герцогине. Но спохватился и, порывшись в кожаном кошельке, который носил на поясе, достал оттуда золотой самородок размером с орех.

– Ах, что это?! – воскликнула герцогиня.

– Один из прекраснейших самородков, найденных на нашем руднике в Вапассу.

– Какое чудо! Никогда не видела ничего подобного.

Она уже собралась взять сокровище, но Пейрак отвел свою руку.

– Вы не ответили на мой вопрос касательно феномена запаздывания притяжения относительно момента пребывания Луны в зените.

– О, умоляю вас, в другой раз! – немного капризно, точно маленькая девочка, воспротивилась она.

Граф с улыбкой вручил ей самородок. Амбруазина взяла его кончиками пальцев, подняла к небу, и он засверкал в лучах закатного солнца.

И вновь Анжелику охватил страх, она не могла выразить объявший ее ужас ни в крике, ни в движении. Осмотрительность требовала, чтобы она оставалась безмолвной и бесстрастной; при любом движении под ногами у нее могла разверзнуться пропасть, мелькнувшая перед ее внутренним взором.

Глава XVI

Внезапно тишину нарушили крики, началась толкотня, затем раздались взрывы смеха.

По склону холма черным шаром скатилась росомаха Вольверина. Опрокидывая всех, кто попадался ей на пути, она расчистила себе дорогу и как вкопанная замерла перед Анжеликой. Распушив веером свой роскошный хвост и сверля ее огромными глазами, в которых горели красные отблески закатного солнца, она, пригнувшись, почти уткнулась в землю своей крысиной мордочкой.

Герцогиня де Модрибур вскрикнула и отшатнулась. Ей едва удавалось сдержать дрожь.

– Что это за чудовище? – в испуге закричала она. – Анжелика, умоляю, спасите меня.

– Всего лишь росомаха. Она ручная, поэтому не опасна.

Анжелика опустила на колени, чтобы погладить зверька. Неожиданное появление Вольверины почему-то обрадовало ее. И она почувствовала облегчение.

– Она ищет Кантора. С тех пор как он уехал, она совсем бешеная.

– Лучше бы ваш сын увез ее с собой, – закричала госпожа де Маниго, которая в сутолоке плюхнулась на свой мощный зад. К счастью, обошлось без повреждений.

– Да он искал ее, – вступился за друга Марсиаль Берн. – Перед его отплытием мы вместе ее искали. Но Вольверина резвилась в лесу с медведем, вот Кантору и пришлось отбыть без нее.

– Они с медведем большие друзья, – заметила Роз-Анн.

– А вот и медведь, – сказал кто-то.

К собравшимся вместе со своим огромным спутником уже подходил Илай Кемптон.

– Вот, привел к вам Мистера Уиллоби, – торжественно объявил он графу де Пейраку. – Я изложил ему все, чего вы от него ждете, и он не видит никаких препятствий, мешающих ему отправиться с вами во Французский залив, хотя ему очень нравится в Голдсборо и он не особенно любит морские прогулки. Однако Мистер Уиллоби понимает, что для Англии это вопрос престижа.

– Я благодарю верного подданного английской короны, – произнес Пейрак и обратился к медведю с несколькими словами по-английски.

Следует признать, медведь и правда процветал в Голдсборо, где он обедался черникой, орехами и медом. Казалось, со времени своего прибытия он стал в два раза толще. Мистер Уиллоби принялся пригнупываться, вертя головой во все стороны, точно искал среди присутствующих знакомое лицо. А затем поднялся на задние лапы и вразвалку с ворчанием двинулся к Анжелике.

На задних лапах он оказался на голову выше ее. Зрелище весьма впечатляющее.

Герцогиня вновь сдавленно вскрикнула и едва не лишилась чувств. Те, кто стоял ближе всех к Анжелике, поспешно отступили. Жоффрей де Пейрак и Колен Патюрель инстинктивно сделали шаг к медведю. Однако Анжелике достаточно было нескольких слов по-английски, чтобы он снова опустился на четыре лапы. Тогда, продолжая дружески беседовать со зверем, она погладила его.

– Красавица и Чудовище, – ликовал маркиз де Вильдавре. – Поистине необычайное зрелище!..

Глава XVII

– В самом деле, – комментировал он спустя некоторое время. – Невероятное зрелище! Ваши золотые волосы и грациозная фигура рядом с этим мохнатым чудовищем! Вы и правда ничего не боитесь. И совершенно соответствуете тем легендам, что ходят о вас в Квебеке... Нет-нет, оставьте, милейшая, – всполошился он, задержав руку госпожи Каррер, которая принялась убирать со стола. – На этой тарелке еще есть немного вкуснейшего крабового мяса. Передайте ее мне! Мм!.. Божественно! Так что я говорил? Ах да, дражайшая Анжелика, вы чрезвычайно похожи на свой портрет, написанный вашими восторженными поклонниками в Квебеке. Подумать только, что наш степенный Арребу учинил скандал, встав на вашу защиту по возвращении из своего путешествия по Кеннебеку. Прежде мы друг друга не понимали. Он почитал меня распутником. Однако мне понравилось, с какой отвагой он вас защищал, и это нас сблизило. Он явно влюблен в вас. Его супруга в Монреале уже неустанно молится о спасении его души. Но почему же она с ним не спит? Вот и получает по заслугам!

Анжелика слушала вполуха. Гости расходились. Стали уносить миски, стаканы и кувшины. Крепкие молодые парни взялись разбирать столы. Фиолетовая тень накрыла берег, и странно звонко раздавались в прозрачных сумерках крики тех, кто уже не мог различить друг друга. Ветер стих.

Анжелика пыталась понять, где муж, и не видела его.

– Во время сильного голода в Квебеке, когда поговаривали, будто вы все умерли в лесной глуши, мальтийский рыцарь Ломени-Шамбор заказал по вам девятидневный молебен. Кое-кому это показалось излишним. Я пошел. Мне всегда нравилось делать что-нибудь ради хорошеньких женщин, хотя бы помолиться о них. Из-за этого поднялся большой шум. Жанина Гонфарель настраивала женщин против вас. Она действовала так в угоду иезуитам, чтобы таким образом вынудить их оставить в покое ее бордель в Нижнем городе. В Квебеке так много интересных людей, сами увидите. Обожаю этот город. Там непрестанно происходят невероятные события. Я уже был там в тысяча шестьсот шестьдесят втором году, когда в небе появилась комета – знак войны, а по реке плыли охваченные пламенем пироги с телами погибших мученической смертью от рук ирокезов... Говорят, будто вы убили Пон-Бриана?

– Я? Я никого не убивала...

– Словом, он умер из-за вас. Он был моим очень добрым другом, но чересчур рьяным поклонником прекрасного пола. Считал себя неотразимым. Легкая добыча для этого ловкого иезуита.

– О ком вы говорите? – изменившимся голосом спросила Анжелика. Она только что внезапно заметила Жоффрея. Он стоял на крыльце трактира и беседовал с сидящей на скамье возле двери герцогиней де Модрибур.

– О Себастьяне д'Оржевале, разумеется, черт бы его побрал, – ответил Вильдавре. – Уважаемый человек! Я его очень люблю. Поначалу у нас с ним случались стычки. Но я иезуитов не боюсь. Эти люди обладают особым обаянием. Да, моя карета как-то задела его на узкой улочке. После чего он попытался запретить мне ею пользоваться, ссылаясь на то, что улицы Квебека не рассчитаны на кареты. Он прав. Однако я выписал себе карету из Европы за немалые деньги – и должен получать от нее удовольствие...

Амбруазина де Модрибур сидела на скамье, положив руки на колени и обратив к графу де Пейраку свое бледное лицо. Высокий, стройный, статный силуэт графа вырисовывался на фоне полыхающего над Французским заливом заката. Входя или выходя из трактира, люди ненадолго скрывали его фигуру от глаз Анжелики.

– Возьмите, дружок, – сказал Вильдавре, протягивая свою пустую тарелку проходившему мимо сыну госпожи Каррер. – Думаю, у вас еще остались эти восхитительные сласти из орехов?..

– Нет, ваше сиятельство, дети все съели.

– Жаль!

Маркиз вытер губы кружевным платочком и удовлетворенно потянулся.

– Не правда ли, Анжелика, жизнь прекрасна! Вы не отвечаете? Почему? Погода бесподобная. Мы испытали незабываемое наслаждение, слушая, как нас просвещает эта красавица-герцогиня. Ах, как верно я поступил, что решил ненадолго покинуть Квебек! После зимы там все становятся слишком нервными. Даже служанка пыталась повздорить со мной. Вознамерилась навестить родных на острове Орлеан. На самом деле, подобно всем канадцам, захотела поразмяться после зимы. «Пожалуйста, – сказал я ей, – отправляйся. Я не младенец и превосходно обойдусь без тебя!» Но никто не умеет, как она, приготовить мой утренний шоколад. Я люблю с пряностями, на испанский манер. Этому юнцу Модрею тоже не сиделось на месте. Он хотел, как все эти молодые сорвиголовы, отправиться за мехами на север. «Пожалуйста, – сказал я ему, – отправляйся, Элиасен!» Он тоже возвратится. Он опасался, что его насильно женят: новые законы суровы. Впрочем, я бы вмешался. Но он мне не доверяет. Знаете, его ведь воспитывали ирокезы. А вот Александру не терпелось покорять морские просторы!

На берегу стемнело. Однако фонари и лампы пока не зажигали. Было так тепло, что никому не хотелось расставаться и расходиться по домам. Гости не спешили и, образовав небольшие группы, лениво переговаривались.

– Да, жизнь прекрасна, – повторил маркиз де Вильдавре. – Мне нравится атмосфера Французского залива. Вы ощущаете этот ветерок? Из-за него все здесь слегка безумны. Кроме вашего супруга, который методично идет к цели и умеет, не безумствуя, осуществлять свои безумные идеи.

– Какие безумные идеи? – повернувшись к маркизу, с раздражением спросила Анжелика.

– К примеру, создание этого поселения. Католики бок о бок с кальвинистами... Оно нежизнеспособно! Дети вырастут, полюбят друг друга, захотят жениться... Но пасторы и священники откажутся их обвенчать, отцы проклянут, матери будут плакать...

– Ах, замолчите, вы повергаете меня в уныние! – воскликнула доведенная до отчаяния Анжелика.

– Да что с вами? Я не хотел огорчить вас. Напротив, разве я не говорил вам, как мне нравится здесь, где все оживлено вашим присутствием? Какое разнообразие человеческих типов, привлеченных сюда из всех уголков земли!

Над ними с громкими душераздирающими криками пронеслись какие-то птицы.

– Сколько воодушевления! Сколько жизни!

– Да, как на ярмарке, – вздохнула Анжелика.

– Нет, это лето, – возразил маркиз. – А оно здесь короткое. В этих северных краях следует жить быстро, напряженно, лихорадочно, чтобы успеть все в несколько месяцев. А вот после... Так что приезжайте-ка осенью в Квебек... У нас так красиво. Корабли ушли, розовеют Лаврентийские горы, реку, напоминающую большое бесцветное озеро у подножия скалы, постепенно начинает сковывать льдом. Приезжайте же.

– Но вы же сами говорите, что потом оттуда невозможно уехать.

– Что с того? Проведете у нас зиму. Я предоставлю вам с господином де Пейраком в полное распоряжение свой дом. А он один из самых благоустроенных в Квебеке... Вам там будет удобно. О нет, меня это нисколько не стеснит, у меня в Нижнем городе есть квартира, и...

– Простите, – неожиданно покидая его, бросила Анжелика.

В темноте она различила силуэт Амбруазины де Модрибур. Герцогиня внезапно выступила из тени и теперь направлялась от трактира вверх, к деревне.

Повинуясь неосознанному порыву, Анжелика бросилась ей наперерез. Герцогиня шла быстро, почти бежала. Они едва не столкнулись. Узнав Анжелику в еще льющемся с неба неверном свете, Амбруазина испугалась.

– Что с вами? – спросила Анжелика. – Вы чем-то сильно взволнованы?

– Вы тоже.

Воцарилось молчание. Глаза герцогини на ее мраморно-бледном лице казались двумя черными дырами. Она напряженно всматривалась в лицо Анжелики.

– Как вы прекрасны! – почти непроизвольно прошептала она.

– Вы говорили с моим мужем. Что бы такого он мог вам сказать, что до такой степени потрясло вас?

– Да ничего... Мы говорили... – Она запнулась, затем пробормотала: – Мы... говорили о математике...

– Итак, вы продолжили математические беседы с госпожой де Модрибур? – поинтересовалась Анжелика у Пейрака. – Положительно, она чрезвычайно ученая женщина.

– Быть может, чересчур для хорошенькой женщины, – вскользь заметил граф. – Впрочем, нынче вечером мы многое узнали из ее высоконаучного и, следует признать, очень интересного сообщения о приливах. А я всего лишь поделился с нею соображениями относительно возможности поселить здесь некоторых ее подопечных.

– И что она ответила?

– Что подумает.

Глава XVIII

Прошло два дня. Они привнесли в жизнь поселения свою долю несущественных происшествий, повседневных дел, насущных проблем, более или менее желанных гостей, которые, казалось, стекаются в Голдсборо как в единственное место, где в этот напряженный период, который переживал Французский залив, можно с уверенностью обрести твердую почву под ногами и гарантированные приют и безопасность.

Анжелика попыталась разобраться в самой себе, понять, что же с ней произошло на берегу, когда она увидела, как Жоффрей смотрит на Амбруазину. Но случившееся уменьшалось, ускользало от ее сознания. Она уже не могла понять своего волнения. Да и как поверить в беду, когда Жоффрей по-прежнему здесь, подле нее, проводит с ней ночи и, как ей кажется, никогда еще не проявлял такой пылкости.

В их любви все было прозрачно, если каждый из них и скрывал, возможно, какую-то тайную заботу, то это лишь умножало силу чувства, бросавшего супругов в объятия друг друга, поскольку наедине с собой каждый осознавал, что не имеет лучшего прибежища, чем их взаимная любовь.

– Как я счастлив! – нежно шептал Жоффрей Анжелике. – С тобой я возношусь на вершину блаженства.

Он больше не заговаривал об отъезде. Однако она знала, что в любой момент он будет вынужден принять решение поднять якоря. И это придавало отведенным им часам еще большую ценность и страстность. Анжелика благословляла ночь, покровительницу влюбленных. Ночь! Она источник человеческого счастья и несчастья.

На следующий день после собрания на взморье в порт Голдсборо, чтобы пополнить запасы пресной воды, вошло небольшое рыбацкое судно из Сен-Мало. Заодно на берег был высажен элегантный священник, досадливо подбиривший сутану, чтобы не замочить ее в прибрежных лужах.

– Да это же мой сульпицианец! – воскликнул Вильдавре, издали заметив его. – Выходит, и вы, дружище, сбежали из Джемсега, от всех этих неотесанных акадских дворянчиков и зануды Карлона! И правильно сделали. Здесь, по крайней мере, можно повеселиться и хорошо поесть. Эта госпожа Каррер настоящая искусница. Охотно нанял бы ее к себе в кухарки, не будь она гугеноткой, но вы же понимаете... Я со своими чудачествами у нас в Квебеке... Еще не хватало мне привезти туда кухарку-гугенотку. Мое судно все еще на месте? Не разграблено? Ах, только не говорите мне, что им завладели англичане!

Священник господин Дажнэ этого не сказал. Англичане действительно по-прежнему сидели в засаде в устье реки, ожидая, когда зверю наскучит и он попытается выбраться из норы. Сульпицианцу надоело, и он отправился – поначалу лесом, а затем морем – за губернатором, к которому был прикреплен как личный духовник.

– И все же лучше бы вы остались следить за моим багажом, – упрекнул его Вильдавре. – Хотя в глубине души я вас понимаю. В Голдсборо определенно приятнее, чем в Джемсеге, где питаются одним вареным маисом и дичью. Не пугайтесь. Здесь полно гугенотов и англичан, но они очень милые. Вот увидите. И прелестные женщины...

Затем на корабле водоизмещением в сто сорок тонн, предоставленном компанией судовладельцев Академии хозяину Пор-Руаяля, прибыл отец Турнель. Он появился неожиданно, посланный своей госпожой, обеспокоенной тем, что ее супруг не возвращается. Посланника госпожи де Ла Рош-Позей сопровождал юный акадский дворянин с мыса Сэйбл, Юбер д'Арпантины.

Пейрак предложил ему:

– Помогите мне навести страх на англичан в устье реки Святого Джона.

– Что я получу взамен?

– Снисходительность управителя Карлона, который уже готов сдаться им.

Юбер д'Арпантиньи отправился совещаться со своим интендантом Полом Ренаром и микмаками. Впрочем, не потому ли он прибыл в Голдсборо, что его привлекла сгустившаяся здесь, в единственном месте, откуда можно начать боевые действия с моря, атмосфера подготовки к сражению? На чью сторону встать и какова цель войны? Определить это нелегко, однако всегда есть надежда захватить несколько судов или разграбить форт, что на некоторое время дало бы возможность продержаться бедным сеньориям, разбросанным на побережье французской Акадии.

В эти дни жизнь приобрела чересчур торопливый и насыщенный темп, стала напряженной, словно сжатая пружина, и лихорадочной, что лишь подчеркивали яркие и сочные краски окружающей природы. Стоявшая в те два дня неизменно прекрасная погода придавала морю ослепительно-синий, почти невыносимый оттенок. Казалось, ветерок неустанно пролетает по небесной эмали, чтобы оживить и придать ее лазури безупречное сияние.

Цвел кипрей... Его продолговатые лиловые, розовые и алые грозди тянулись вверх из каждой расщелины. Самая неприметная освещенная солнцем балка отливала фиолетовым, точно сутана епископа, малейшее углубление в скалах внезапно украшалось полыхающей на ветру пурпурной бахромой.

Кипрей – растение с собранным в гроздь соцветием, на длинном и гибком стебле, с узкими, словно наконечник копья, голубовато-зелеными листьями. Он появляется на каменистых и теплых лесных опушках, а затем сомкнутыми рядами захватывает все попадающиеся на его пути овраги и доли.

Пышное цветение кипрея в самый разгар лета добавляло природе роскошные краски. Однако море бушевало, заваливая побережье клочьями белоснежной пены. Немолчно громыхали волны, бьющие тараном по розовым и голубым скалам и утесам. Их рев глухо раздавался окрест, вызывая у людей легкую дрожь и смутную тревогу, но и необоримую жажду жить и участвовать во всем происходящем с удесyтеренной страстью.

Да, в воздухе веяло войной и любовью. Ощущалось стремление торопливо копать, строить, валить деревья, корчевать пни, непрестанно расширять жизненное пространство, извлекать пользу и выгоду из уже имеющегося. А еще создавать новые семьи, давать им кров, окружать дома садами, а сады – оградами, прокладывать новые тропы, новые дороги, возвести церковь для вновь прибывших, чтобы зародились прочные духовные узы. И основать форты по всем направлениям, насколько хватает глаз, чтобы навсегда защитить эти места от разрушения.

Никто не знал, какой порыв заставляет обитателей Голдсборо – гугенотов и новых поселенцев – под нажимом Пейрака и Колена Патюреля доказывать самим себе, что они способны выжить вопреки их отличию от других, а возможно, именно благодаря ему, а также что Новой Америке необходимо их необычное присутствие.

То, как стремились сюда пуритане и католики, охотники-следопыты и пираты, индейцы и акадцы, доказывало, что, каковы бы ни были точки зрения, симпатии и амбиции тех и других, этот независимый, богатый, хорошо защищенный порт с оживленным товарооборотом представлял уже для всех активно действующий торговый узел. Именно в таком настоятельно нуждались западные регионы Северной Америки.

Подхваченная этим потоком, преодолевающим крутые пороги и набирающим все большую силу, так что требовалось сплотиться и преодолеть себя, укреплять душу и дух, чтобы достичь цели, Анжелика откладывала на потом... что именно? Она и сама не знала... потребность разобраться в самой себе, понять причину своей тревоги, своего беспокойства. Ей было не до пустяков.

Какой-то голос подсказывал ей, что надо жить как ни в чем не бывало. И хотя они с Жоффреем не делились своими соображениями на этот счет, Анжелика знала, что он поступает так же.

Часто ли он, всецело поглощенный подготовкой к походу, сосредоточивший все свое внимание на ремонте и оснастке судов, их вооружении, на укреплении командного поста, на строительстве, призывающий на совет Колена, д'Юрвиля и знатных горожан, втайне вспоминал о тех, кого поклялся найти и разоблачить, – таинственных грабителях Залива?

Замышлял ли он какие-то планы против них? Он ничего не говорил Анжелике, и она, по его примеру, тоже молчала, отказываясь даже думать об этом.

Удастся ли провести демонов?..

По вечерам жители вместе с приезжими собирались в портовом трактире.

Полагалось оказать честь губернатору и его монаху, герцогине и ее секретарю, мистеру Рендому и его названому брату великому сагамору микмаков, барону де Сен-Кастину и его будущему тестю вождю Матеконандо, пастору Томасу Пэтриджу и другим священнослужителям.

К величайшему облегчению Анжелики, во время этих трапез герцогиня де Модрибур не пыталась перевести общую беседу в научное русло. Краснобай Вильдавре не щадил сил, развлекая присутствующих, и Пейрак, вдруг расслабившийся и повеселевший, в своей прежней, несколько язвительной манере бросал ему изящные шуточные реплики. Предметом их разговора были древние философы – тема вполне нейтральная и относительно безопасная для остальных сотрапезников, придерживающихся столь разных точек зрения.

Даже преподобный Пэтридж, человек весьма образованный, время от времени удаивал собеседников улыбкой. Эти католики, хотя и заслуживают гореть в аду, довольно занимательны. Кроме того, любопытно было наблюдать, как ловко умудрялись участвовать в этих спорах индейские вожди. Они ели руками, рыгали, вытирали пальцы о свои космы или мокасины, однако их философия оказалась вполне достойной мыслей Сократа или Эпикура.

Предметом насмешек также служил Александр де Рони со своим вечно и необъяснимо недовольным видом. Вильдавре и Пейрак наперебой искали оправдания этому феномену сколь прекрасного, столь же и угрюмого молодого человека, предлагая как варианты метемпсихоз, реинкарнацию, одержимость, наследственность, воздействие планет и так далее. Все эти беззлобные и чрезвычайно остроумные замечания молодой человек выслушивал, не меняя хмурого выражения лица.

Подобная бесстрастность в конце концов вызвала взрыв безудержного веселья. Анжелика заметила, что герцогиня не приняла участия во всеобщем ликовании. Улыбка едва трогала уголки ее губ, а огромные глаза порой приобретали трагическое выражение. Впрочем, ее первейшие заботы не составляли загадки. Герцогиня оказалась перед дилеммой на следующий день после того, как столь блистательно изложила теорию Галилея и Ньютона о приливах.

Утром госпожа Каррер принесла Анжелике залатанную одежду герцогини – все, кроме накладки, которая, по-видимому, требовала более длительного ремонта.

– Я сделала все, что могла, – сказала госпожа Каррер со свойственной ларошельцам уклончивостью. Всякий раз, когда речь заходила об одежде герцогини, она явно чего-то недоговаривала. – А что вы хотите! Я в жизни не видывала таких драных тряпок.

Перекинув через руку светло-желтую атласную юбку, голубой корсаж и красный пластрон, Анжелика направлялась к жилищу герцогини, когда ее остановил Аристид Бомаршан, очевидно поджидавший за поворотом тропинки.

Было бы неверно утверждать, что он приобрел приятную наружность и в нем не осталось ничего от ужасного пирата, которому она когда-то вспорола, а после зашила брюхо

на косе в заливе Макоит. Впрочем, хорошо выбритый, с жирными волосами, собранными в пучок на затылке при помощи широкой кожаной ленты, в чистой одежде, хотя и болтающейся вокруг отощавшего тела, и со шляпой, которую он двумя руками держал на уровне желудка, бывший морской разбойник выглядел почти благопристойно. Анжелика вспомнила о недавно перенесенных им физических страданиях и задумалась о необычайной способности кошек сопротивляться болезням и голоду и их жажде жизни, порой достойной человеческого восхищения. Мертвенно-бледный, едва держащийся на ногах, Аристид и впрямь напоминал старого кота, потрепанного, но живучего. И его способность выжить, выстоять, не переставая хрипеть и чертыхаться, грозя все разрушить, в конечном счете вызывала уважение.

– Я ждал вас, госпожа, – проговорил он, улыбаясь во весь свой беззубый рот.

– Вот как? – настороженно ответила Анжелика. – Надеюсь, не со злым умыслом?

Аристид изобразил оскорбленную мину:

– Нет, конечно! Выдумаете тоже! Вы ж меня знаете?

– Разумеется!..

– Вам известно, что глубоко в душе я славный малый...

– Только уж очень глубоко...

Аристид в смущении мямлял шляпу.

– Ну так вот, – отважился он наконец, – госпожа маркиза, я бы хотел жениться.

– Ты? Жениться?! – воскликнула Анжелика.

– А почему бы мне не жениться, как всем? – Он выпрямился и предстал перед ней во всей красе.

– Ты любишь Жюльенну? – спросила Анжелика. Ей показалось несколько странным предположить любовь между двумя этими существами. И все же почему бы нет, как он сам говорил? Ведь речь шла как раз о любви? Достаточно было увидеть, как порозовело восковое лицо Аристида Бомаршана и как смущенно он отводит свои воспаленные глаза.

– Ну да, вы сразу догадались. Само собой. Она самая приметная. Меня-то абы кто не заинтересует, мне нужна девка видная. Жюльенна будет в самый раз.

– Ты прав. Жюльенна очень хорошая девушка. Хотя поначалу мне пришлось немного растормошить ее, чтобы заставить девицу следить за собой. Надеюсь, она на меня не сердится.

– Да что вы! Хорошо, что вы настояли. Потому что она бестолочь, – с восхищением сказал Аристид. – Она и сама говорит: «Права госпожа маркиза, что устроила мне взбучку. Я ведь злоюка». Она вас обожает сильнее, чем Мадонну!

– Ну что же, тем лучше! Сообщил ли ты о своих планах капитану, господину Патюрелю?

– А то! Я бы не посмел просить руки Жюльенны, если бы не мог обеспечить ей надежное будущее. Я рассказал Золотой Бороде о своих намерениях. С припрятанной в укромном местечке своей долей добычи и дотацией, которую выдают здесь, я мог бы прикупить себе баркас, чтобы заниматься каботажем и торговать своим ромом то тут, то там.

– Чем торговать?

– Мое изобретение. Знаете, я кое-что понимаю в роме!.. О, конечно, моя тафия – это, ясное дело, не настоящая тафия, не настоящий ром с винокурни, потому что, как ни крути, тут сахарного тростника нет. Я говорю о добром лакричном «коко-марло», которое собираюсь гнать из остатков мелассы после производства сахара. Это ничего не стоит. Наоборот, на островах вам еще приплатят, чтобы от них избавиться! Всего-то и делов, что заполнить ими фляги. Этим займется Гиацинт. Я с ним договорился. Потом я добавляю туда воды, чтобы все забродило, хорошенько приправляю, чтобы подкрасить и сделать повкуснее. Рецептов уйма: немного измельченной кожи или дубового угля, смола, деготь. Для созрева-

ния я бросаю в бочку добрый кусок тухлого мяса, а уж потом могу продавать свою тафию пинтами! Отличный ром и недорого! Местным поселенцам, особенно англичанам, должно понравиться, а индейцам буду давать ее в обмен на их товары. Они на качество не смотрят, главное, чтобы позабористей. Я и с господином графом поговорил. Уж он-то меня понимает, потому как я же вижу, что это и его система: заказывать недорогой товар, чтобы производить то, что можно продать дороже. Это и зовется промышленностью, надо только знать толк и кое-что соображать...

– И что же он сказал?

– Он не сказал «нет».

Анжелика не разделяла уверенности раскаявшегося пирата в том, что Пейрак высоко оценил инициативу производства на его земле низкопробного алкоголя, предназначенного для продажи колонистам Французского залива под маркой настоящего рома. Однако желание Аристиды Бомаршана остепениться и стать торговым человеком заслуживало одобрения.

– Ну что же! Удачи тебе, дружок. Выходит, у тебя больше нет намерения возвращаться на острова?

– Нет! Мне хочется стать на якорь и обзавестись хозяйством. Что за жизнь на Карибах для порядочной семьи? Да еще с такой хорошенькой женошкой, как Жюльенна. Гиацинт вмиг уведет ее. Но я не могу считать, что дело в шляпе, пока не договорился с Отравой. Вот я и хотел, госпожа, чтобы вы были за нас.

– С отравой? – Анжелика не поняла, о чем он.

– С попечительницей! С «драконицей», значит! Не похоже, что она готова расстаться с приданным Королевских дочерей. Надо бы уговорить ее. Я не только за себя прошу. Ванно крепко влюблен в Дельфину, а...

– Договорились. Спрошу у госпожи де Модрибур, что она об этом думает, и замолвлю за тебя словечко.

– Благодарствую, госпожа графиня, – смиренно отвечал Аристид, – коли уж вы за это взялись, мне спокойно. Уж я-то знаю, с вами все пойдет на лад, опомниться не успеешь, разрази меня гром!

И он заговорщически подмигнул Анжелике.

Ее шокировала неприкрытая неприязнь Аристиды по отношению к герцогине де Модрибур, но надо было принимать его таким, каков он был: островному пирату низкого происхождения, без чести, не верящему ни в бога ни в черта, всегда были чужды представления о такте и приличиях.

Кроткая Мари сообщила Анжелике, что госпожа де Модрибур молится.

Однако, едва заслышав голос Анжелики, герцогиня появилась из ниши, где совершала молитву.

– Я принесла вашу одежду, – сказала ей Анжелика. – Все, кроме накидки...

Пристально взглянув на желтую юбку и красный корсаж, Амбруазина вздрогнула и попыталась оттолкнуть вещи.

– О нет, это невозможно!.. Я хочу оставить это черное платье. Не соблаговолите ли отдать его мне? Я ношу траур – по нашему несчастному кораблю и беднягам, которые так страшно умерли, да еще и без отпущения грехов!.. Меня не покидает воспоминание о той ужасной ночи. Я размышляю о Промысле Божиим и о том, что Он хотел сказать нам этим кораблекрушением... Нынче праздник Девы Марии, мы должны были уже быть в Квебеке. И я наконец могла бы молиться в тишине кельи. Я испытывала большую приязнь к фельянтинкам, в монастырь к которым удалилась после кончины моего супруга. У них очень строгие правила. Урсулилки придерживаются почти таких же. Там на меня низойдет покой, я уже чувствую. Их орден близок мне, как никакой другой. Беседа с ближним там больше напоми-

нает ту, что Господь Бог вел на этом свете, дабы просветить души. За что... о, за что, вместо того чтобы привести меня в тихую обитель, Он выбросил меня на этот дикий, унылый и пустынный берег?..

Она казалась растерянной, как ребенок, и вопрошающе и тревожно переводила свои огромные глаза с лица Анжелики на утопающую в морской пене ярко-синюю линию горизонта, которая виднелась в приоткрытую дверь.

В простом деревенском доме, обставленном грубой мебелью, было тепло. В глинобитном полу виднелись плоские круглые камешки. Убожество, уже привычное американским поселенцам в их стремлении строить новую жизнь на новой земле, выглядело особенно неуместным и беспощадным применительно к двум этим женщинам с их аристократической красотой, указывавшей на богатое благородное прошлое. Все в них свидетельствовало о том, что обе в восхитительных нарядах блистали при королевском дворе, украшенные должностями и драгоценностями, окруженные уважением...

Любой беспристрастный наблюдатель мог бы всерьез задуматься над превратностями безумной судьбы, которой заблагорассудилось соединить их здесь, в этом заброшенном углу, где, чтобы выжить, ежеминутно требовались нечеловеческие усилия, сопряженные с неуверенностью в завтрашнем дне.

Амбруазина де Модрибур была проникнута столь глубокой тревогой и отчаянием, что на какое-то мгновение ее внутреннее состояние передалось Анжелике.

Впрочем, у нее был собственный взгляд на жизнь, свой порт приписки – присутствие мужчины, с которым она соединила свою судьбу, и это служило ей прибежищем, придавало уверенности. Она не задумывалась над тем, где ей было бы лучше. Ответ она знала.

И все же Анжелика могла понять смятение молодой женщины, подавленной свалившейся на нее ответственностью, не имеющей здесь надежной опоры и привычных для нее условий духовной жизни.

Вдоль стен на полу вытянулись рядком предназначенные для Королевских дочерей тюфяки, набитые водорослями. На один из них Анжелика положила одежду.

– Не волнуйтесь и не слишком задумывайтесь о том, чего вам здесь недостает. Очень скоро вы сможете отправиться в Квебек и попасть к урсулинкам.

– Ах, если бы мне только довелось еще раз услышать святую мессу!..

– У вас будет такая возможность завтра же с утра! Благодаря морю сюда съехалось немало священнослужителей.

– Я так давно, вот уже несколько недель, не могла присутствовать на богослужении. А ведь оно всегда приносит мне утешение.

– У вас на судне не было священника? – осведомилась Анжелика.

Замечание герцогини о людях, умерших без отпущения грехов, напомнило ей о том, что среди выброшенных морем трупов не было обнаружено ни одного, одетого в сутану или монашескую рясу.

Если подумать, это довольно странно для судна, зафрахтованного для религиозной миссии, со столь набожной покровительницей, каковой являлась госпожа де Модрибур.

– А как же! Разумеется, – ответила та бесцветным голосом, – у нас был преподобный отец Кантен. Ораторианец, рекомендованный мне моим духовником. Ревнитель веры, жаждущий посвятить себя спасению дикарей. Но вы только подумайте, какое проклятие нависло над нашим путешествием: несчастный утонул вблизи острова Терра-Нова! Там стоял густой туман. Мы едва не столкнулись с огромным айсбергом. Весь экипаж взывал: «Господи, сжался над нами! Мы погибнем!» Я собственными глазами видела эту ужасную льдину. Мы слышали, как она трется о другие, поменьше, – настолько близко она оказалась. В тумане мы не могли разглядеть ее вершину...

Казалось, герцогиня вот-вот лишится чувств. Анжелика подтащила табурет, присела сама и знаком предложила Амбруазине последовать ее примеру.

– И что же отец Кантен?

– В тот самый день он и пропал. Никто не знает, что произошло. У меня перед глазами так и стоит этот проплывший вдоль нашего борта ужасающий айсберг, и я ощущаю его смертоносное леденящее дыхание. Мне кажется, какие-то демоны так и толкали его прямо на нас...

Анжелика подумала, что попечительница, такая ученая, набожная и богатая, чересчур впечатлительна, чтобы предпринимать подобные путешествия, всегда рискованные и изнурительные. Ее духовник плохо наставлял ее или ошибся, полагая ее кем-то вроде известных жительниц Французской Канады Жанны Манс или Маргариты Буржуа, которые бесчисленное число раз уже пересекли океан. Или, скорей всего, этот иезуит – потому что он, конечно, иезуит – решил использовать для миссий в Новую Францию, за которые отвечал его орден, мистическую экзальтированность несчастной молодой и слишком богатой вдовы.

В сердце Анжелики закралось что-то вроде жалости, и она укорила себя за раздражение, которое испытала накануне по отношению к герцогине, когда та затеяла лекцию о приливах и притяжении Луны.

В черном платье, сцепившая руки на коленях и устремившая взгляд своих бездонных глаз куда-то вдаль, на бог весть какое печальное видение, сейчас, как никогда, Амбруазина со своим тонким фарфоровым личиком и густыми черными волосами была похожа на сироту-инфанту.

Анжелика осознала подлинное одиночество, в котором пребывала эта женщина. Однако помочь ей было нелегко, потому что она, казалось, жила в каком-то особом, созданном ею самой мире.

– Где вы вошли на корабль?

– В Дьеппе. Покидая Ла-Манш, мы едва не попали в плен к испанцам и дюнкеркам. Я не знала, что на море так беспокойно...

Амбруазина овладела собой, тряхнула головой, и ее бледное лицо осветилось улыбкой.

– Должно быть, я кажусь вам смешной... Боюсь всего, точно ребенок... Ведь вы пережили столько невзгод, а держитесь так спокойно и весело, выглядите такой сильной, хотя смерть столько раз проходила совсем близко от вас.

– Откуда вы знаете?..

– Я чувствую... Хотя нынешней зимой, перед тем как отправиться в путь, я слышала о вас в Париже. О господине де Пейраке упоминали как о дворянине, склонном к авантюрам, чьи затеи угрожают поселениям Новой Франции. Говорили, будто осенью он привез туда пополнение гугенотов и очень красивую женщину, но никто не мог с уверенностью утверждать, что вы его супруга. Да и так ли это? Впрочем, мне-то какое дело... Я всегда буду помнить то впечатление, которое испытала, увидев вас на берегу. Такую прекрасную и внушающую доверие, среди незнакомых и суровых мужских лиц. И ощущение, что вы особенная, не такая, как все женщины...

Помолчав, Амбруазина мечтательно добавила:

– И он тоже особенный...

– Кто – он?

– Ваш супруг, граф де Пейрак.

– Разумеется, особенный, – улыбнулась Анжелика. – Потому-то я и люблю его!

Она мучительно искала какую-нибудь уловку, чтобы подвести Амбруазину к разговору о замужестве Королевских дочерей.

– И все же, сударыня, вопреки обстоятельствам, при которых вы здесь оказались, Голдборо не слишком разочаровал вас?

Герцогиня вздрогнула и быстро взглянула на Анжелику. Срывающимся от волнения голосом она спросила:

– Так вы не хотите называть меня Амбруазиной?

Анжелику удивили ее слова.

– Если вы желаете...

– А вы нет?

– Мы достаточно хорошо знакомы для этого?

– Можно почувствовать себя близкими при первой встрече.

Герцогиню де Модрибур била крупная дрожь, казалось, она глубоко опечалена.

Она отвела глаза и теперь через открытую дверь вновь вглядывалась в морской горизонт, словно на него была единственная ее надежда.

– Голдсборо? – наконец пробормотала она. – Нет! Мне здесь не нравится. Здесь я чувствую, что живу несвойственными мне страстями, и невольно испытываю смущающие искушения, отчаяние и сомнение. А также опасения, что здесь я узнаю, что до прибытия сюда моя жизнь блуждала в пагубных направлениях.

Ее догадка, возможно, имела основания. Оказавшись вне привычной монастырской атмосферы, под жестокими ветрами Голдсборо, молодая вдова, вероятно, начинала догадываться, что есть иная жизнь, которую она могла бы познать: более теплая, более счастливая.

Анжелике не хотелось углубляться в спор. Личность герцогини де Модрибур представлялась ей крайне чуждой, хотя в глубине души она могла понять, что мучает Амбруазину и даже что сломило и сделало ее несколько странной.

Анжелика испытывала сострадание, однако вряд ли она могла давать советы этой гибнущей душе, которой лучше было бы оставаться в полумраке и запахе ладана исповедален церкви Сен-Сюльпис, чем отправляться в чересчур суровые первобытные края.

Впрочем, хотя, похоже, момент для беседы на столь низменную тему, как устройство Королевских дочерей, был не самым благоприятным, следовало выяснить это сегодня, потому что люди Колена, опасаясь потерять своих нареченных, теряли терпение.

– Вы подумали над предложениями, которые вам вчера вечером сделал мой супруг? – спросила Анжелика.

На сей раз Амбруазина де Модрибур посмотрела на нее с неподдельным ужасом. Ее лицо стало белым как мел.

– Что вы имеете в виду? – пробормотала она.

Анжелика вооружилась терпением.

– Он говорил с вами о том, что кое-кто из ваших девушек планирует обосноваться здесь, связав себя узами католического брака с несколькими нашими поселенцами, не так ли?

– А, так вот о чем речь? – бесстрастным голосом произнесла Амбруазина. – Простите, я поняла... я превратно поняла его...

Она провела рукой по лбу, потом прижала ее к груди, словно бы для того, чтобы посчитать удары своего сердца. После чего сложила ладони, прикрыла глаза и пробормотала молитву.

Когда герцогиня вновь взглянула на Анжелику, к ней уже вернулось самообладание, теперь голос ее звучал уверенно:

– Несколько моих девушек действительно признались мне в чувствах, которые внушили им мужчины, самоотверженно спасшие их во время кораблекрушения. Я не придавала этому значения. Что за блажь? Дать жизнь своему потомству в поселении еретиков?

– Среди нас... много католиков...

Герцогиня не дала ей договорить:

– Католиков, согласных жить рядом с отъявленными гугенотами и даже объединившихся с ними? Для меня это либо чересчур вялые католики, либо потенциальные еретики. Я не могу доверить души моих девушек подобным личностям.

Анжелике вспомнилось замечание Вильдавре, сказавшего ей: «Это неосуществимо». Губернатор был не столь глуп и ничтожен, каким хотел казаться. Отказ герцогини лишний раз доказывал, что людей разделяют мистические барьеры, именем Бога обрекающие их на нескончаемые конфликты и войны, что нисколько не способствует движению народов к более плодотворному и менее варварскому существованию. Неужто еще не пришло время примирения? И все же Анжелика попыталась воззвать к разуму и мудрости посланницы короля:

– Но ведь все страны, включая Францию, являют нам сегодня подобную картину. Католики и протестанты живут бок о бок в одних границах и по-настоящему объединяются ради процветания страны.

– Прискорбное зрелище пагубной сделки с совестью. Когда я думаю об этом, мне кажется, я вижу, как Господь Бог истекает кровью на кресте, и это ввергает меня в невыносимую скорбь. Ведь Он умер, чтобы Его слово было вечно и чтобы его не исказили!.. А нынче ересь повсюду!.. Неужели вы от этого не страдаете? – Герцогиня с непонимающим видом воззрилась на Анжелику.

Анжелика сменила тему:

– Не следует непрерывно обсуждать проблемы, которые люди, гораздо более значительные, чем мы, уже со всей ответственностью взяли на себя. Например, разве во Франции король Генрих Четвертый не постановил раз и навсегда, что протестанты и католики равны перед государством? Он утвердил свое решение Нантским эдиктом, и дела государства от этого пошли только лучше.

– Вы, милочка, разумеется, не в курсе, – с улыбкой заметила герцогиня, – сейчас как раз подумывают о том, чтобы король аннулировал Нантский эдикт.

Анжелика испытала настоящий шок.

– Но это невозможно! – воскликнула она. – Король не может аннулировать соглашение, торжественно принятое его предком перед всеми французами и во имя своих будущих наследников. За всю историю человечества не случилось подобного бесчестия!..

Ей уже виделась грозящая Франции внутренняя катастрофа. Если Нантский эдикт будет аннулирован, французские гугеноты утратят все гражданские права и свободы. Они не смогут заключать законные браки, их дети будут считаться незаконнорожденными, их подписи – недействительными... У них не останется иного выхода, кроме как обратиться в католицизм или бежать из страны...

Впрочем, ведь эдикт уже давно утратил силу. Анжелике кое-что об этом было известно!

В своей свободной новой жизни в Америке она начинала забывать тягостные гонения, которым подвергалась вместе с гугенотами в Ла-Рошели.

И все же ее цельная натура бунтовала против подобной бесчестности в отношении участи народов.

– Нет, это невозможно, – повторила она, резко вставая, – это означало бы обречь на монарший произвол все человеческие устремления к добру...

– Вы говорите, точно античный трибун, – с усмешкой бросила госпожа де Модрибур.

– А вы – как ханжа из Общества святых даров, – парировала Анжелика, направляясь к дверям.

Герцогиня мгновенно нагнала ее.

– О, простите меня, дорогая, бесценная моя, – просила она изменившимся голосом, – сама не знаю, что на меня нашло, что я позволила себе говорить с вами в таком тоне... с вами, которая есть само милосердие. Простите меня! Вы так чувствительно потрясли глубинные

основы того, что помогало мне жить, что порой... порой мне кажется, что я ненавижу вас! И завидую вам... Вы такая живая, такая настоящая. Ах, как бы я хотела, чтобы вы ошибались!.. И все же боюсь, вы окажетесь правы. Но простите меня... Здесь я ощущаю себя слабой и неуверенной, и для меня это унижительно...

Она цеплялась за руки Анжелики, пытаясь удержать ее, старалась встретиться с ней взглядом.

Ее глаза цвета темного золота словно осветились невыразимой радостью, когда наконец встретились с потемневшими от гнева, как бушующее штормовое море, зелеными глазами маркизы.

– Вы видите мое раскаяние, – прошептала герцогиня. – Простите меня... я... в некотором роде похожа на вас: женщина, привыкшая подчинять себе, и если не быть понятой, то хотя бы быть услышанной. Я знаю, в чем именно мой недостаток: я чересчур горда. Но я бы совершенно не хотела, чтобы между нами, несмотря на все, что нас разделяет, оставалась какая-то недосказанность... Потому что непонятно как, но вам удалось за эти несколько дней завладеть моим сердцем, которое, однако, не так-то легко поддается соблазну...

Казалось, в прекрасных глазах герцогини взывает о помощи какое-то испуганное существо. Это мимолетное впечатление заставило угаснуть раздражение Анжелики. Она не могла сердиться на Амбруазину де Модрибур за то, что ее понимание жизни основано на узкой религиозной доктрине, которую ей внушали с раннего детства, а именно: все, кто не с Богом и его церковью, те против Бога.

Тем не менее нетрудно было догадаться, что ученые познания герцогини, столь редкие для женщин того времени, делали ее способной перейти к более широкому пониманию жизни. Ладони герцогини скользнули по рукам Анжелики и с жаром стиснули ее пальцы.

– Давайте помиримся! И постараемся впредь более терпеливо воспринимать наши столь различные точки зрения. Я полагаю, мы с вами обе вспыльчивы, как вообще все французы, а особенно уроженцы Пуату. Верно?..

Ее улыбка молила о согласии. Герцогиня была почти одного роста с Анжеликой, но из-за своей мнимой хрупкости, которая иногда усиливалась, так что становилось страшно, как бы она не исчезла совсем, казалась более миниатюрной. В эти моменты от нее исходила такая обольстительная сила, что Анжелике было трудно не поддаться ей.

– Ну что же, давайте помиримся, – сказала она и тоже улыбнулась. – Признаю, что Нантский эдикт – это трудный вопрос, который к тому же нас вовсе не касается. Поскольку вы, так же как и я, отныне будете жить в Америке.

– Да, это заставляет задуматься о других формах существования и, возможно, придать гибкости нашим представлениям о жизни. Я постараюсь!..

Они вновь присели. И госпожа де Модрибур поинтересовалась, как конкретно будут выглядеть грядущие бракосочетания.

Анжелика приложила все усилия, чтобы достойно вписать Голдсборо с его ответвлениями в сложное «па#де#де», которое в этой северной части Американского континента исполняли Новая Франция и Новая Англия. Хорошо еще, что в последние несколько десятилетий сюда не суются испанцы. Англичанин Дрейк образумил их. Слишком уж они были уверены, что в их силах, основываясь лишь на решениях папы римского, поделить с португальцами весь Американский континент.

Анжелика описала положение во Французском заливе, расположенном куда ближе к англичанам, нежели к французам, и подчиняющемся Британии по Бредскому соглашению. Однако он оставался под французским влиянием через своих жителей, посты и учреждения, которые он сохранил. Впрочем, этот край слишком изолирован и заброшен теми и другими, чтобы им управляли отдаленные правительства. К тому же он имеет выход к исключительно

богатому, никогда не замерзающему морю, поэтому естественная независимость обещает этим землям исключительное торговое будущее, если только здесь смогут закрепиться их собственные законы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.